

ИСТОРИЯ HISTORY

Васильченко О. А.
O.A.Vassilchenko

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FAMILY RELATIONS IN THE RUSSIAN FAR EAST (SECOND HALF XIX – EARLY XX C.): SOCIOHISTORICAL ASPECT

Васильченко Олег Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «Социальная работа» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 84217241121. E-mail: SFknagtu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Vassilchenko – Doctor of Historical Studies, Department of Social Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: SFknagtu@mail.ru

Аннотация. Охарактеризованы особенности внутрисемейных отношений дальневосточного населения. Дана оценка деятельности крестьянской общины и православной церкви в деле укрепления института семьи у восточнославянского населения. Приведены законы Российской империи, регламентирующие семейные обязанности мужа и жены.

Summary. Family relations of the Russian Far East's population are characterized. Estimation is given of the role of peasant community and the Orthodox Church in strengthening of the institute of family among East Slavonic population. The laws of the Russian Empire are described that regulated family obligations of the husband and wife.

Ключевые слова: Дальний Восток, история, семья, обязанности мужа и жены, дискриминация женщин, патриархальный порядок.

Key words: the Far East, history, family, obligations of the husband and wife, discrimination of women, patriarchal order.

УДК 316.35/356.2

В Дальневосточном регионе семья как социальная система имеет свои специфические особенности, которые формировались под воздействием исторических и географических условий освоения и заселения данной территории.

По историческим меркам возраст дальневосточной семьи очень мал. Если не учитывать аборигенное население, то процесс создания и развития дальневосточной семьи активно осуществляется в последние полтора века. Основой этому послужили миграционные движения в середине XIX – начале XX века.

Новое население региона в своем большинстве составили крестьяне-переселенцы, принесшие с собой не только имущество, но и стиль, образ жизни.

Крестьяне жили в условиях натурального, полукрепостнического хозяйства. Немногочисленные в то время городские рабочие в значительной своей части тоже были выходцами из деревни, сохранившими в той или иной степени крестьянские нравственные традиции и культуру семейных взаимоотношений.

Взгляды крестьянских новоселов отражали представление российского крестьянства XIX – начала XX века о браке и семейной жизни, взаимоотношениях мужчин и женщин, которые сформировались под воздействием целого комплекса социально-экономических факторов.

Для российских крестьян одним из главных условий жизни, определявших семейный быт, являлась жизнь в деревенской общине, ставшей основой российской деревни. Она за-

Васильченко О. А.

**ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.): СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

нималась управлением и регулированием поведения крестьян. При этом общине был свойственен строжайший социальный контроль, цензура нравов, от которого нельзя было укрыться. Она же осуществляла надзор за выполнением норм семейного права, соблюдение которых было обязательным для всех.

В российской деревне взаимоотношения в среде односельчан носили публичный характер. Брачные и семейные отношения не были исключением из этого правила. Так, в свадьбе принимала участие вся община. На ее сходах разбирались семейные конфликты, наказывались розгами провинившиеся.

Заключение брака являлось одним из главных событий в жизни крестьянина, показателем его порядочности, общественного веса и материального положения. Только после этого крестьянин становился полноправным членом сельской общины.

Для российских крестьян вступление в брак являлось моральным долгом каждого члена крестьянского общества. По существовавшим понятиям, не женились только неполноценные люди. Неженатые мужчины становились объектами насмешек в деревенской среде, не являлись исключением и незамужние женщины.

Негативное отношение односельчан к людям, живущим вне брака, было обусловлено экономическими и правовыми различиями в жизни женатых и холостых (незамужних) членов сельской общины.

Например, холостяк не мог рассчитывать на получение земельного надела – основного источника для своего существования. По мнению крестьян, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности.

Крестьянская семья отличалась верностью сторон в браке. Прочность семей гарантировалась строгими взглядами сельчан на неверность супругов, убежденностью в неразрывности брачных уз. Неверных в браке ждал общественный позор. Рождение детей вне брака строго осуждалось. Внебрачные дети не получали помощи от общины и государства. Развод был почти невозможен и рассматривался как тягчайший грех, поэтому разводы в деревнях были большой редкостью. Укреплению семейных уз способствовала православная церковь, влиявшая на формирование общественного мнения.

Но иногда браки расторгались. Причиной этому чаще всего служила смерть одного из супругов. Вдовство считалось в среде крестьян божьим наказанием. При этом второй брак вдовых не осуждался, третий порицался из-за религиозных предрассудков.

Встречались союзы, вовремя не освященные официальной православной церковью по причине отсутствия священника. Нередкими были случаи венчания, происходившего много лет спустя после заключения брака, когда у супругов уже были дети.

Взаимоотношения супругов регламентировались законом, в соответствии с которым муж «обязан любить жену свою как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» [2]. Она «обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всяческие угождения и привязанность, как хозяйка дома» [3].

Следует отметить тяжелое положение женщины, дискриминация которой была закреплена законодательством. По существовавшим законам, женщина не имела права голоса при выборах в местные органы самоуправления. На сельские сходы крестьянки допускались только в случае болезни или отсутствия их мужей. Тяжелый физический труд, рождение многочисленных детей приводили к истощению здоровья и высокой смертности среди женщин.

Семейное право отражало наличие больших неразделенных крестьянских семей патриархального или полупатриархального типа, а также малых семей.

Большая семья обычно состояла из 2-4 семей женатых братьев, живущих вместе. Насчитывала она 20-40 человек нескольких поколений [1]. Члены семьи вели общее хозяйство, сообща владели имуществом. Выбор главы семьи определялся его умением вести хозяйство. Обычно главой семьи был отец, старший сын при живом отце, иногда дед. Глава семьи выступал как посредник в отношениях большой семьи и земельного общества. Он ведал всеми работами, семейным бюджетом. Взаимоотношения и распорядок в семье регламентировались обычным правом, гражданскими и церковными установлениями. Блюстителем бытового уклада также являлся глава семьи. Все беспрекословно подчинялись ему, соблюдая жесткий патриархальный порядок.

Семья скреплялась нравственным авторитетом старших, хотя нередко были случаи деспотизма в поведении главы семьи. Беспрекословное подчинение сыновей было обусловлено экономическими причинами, так как в случае неподчинения они могли лишиться права на полагавшуюся им часть имущества семьи.

Весь порядок в доме определялся главной хозяйкой. Распределение работы по дому, назначение невесток на недельное дежурство (приготовление пищи для семьи в течение недели), наделение всех остальных домочадцев домашней работой в зависимости от возраста и пола – все это входило в ее обязанности.

Особенно трудной была жизнь невесток, имевших многочисленные обязанности и никаких прав. Они могли распоряжаться только своим приданным, не имели прав на общесемейное имущество.

Главный смысл жизни крестьянской семьи – труд, в который вовлекались все члены семьи, начиная с 10-12 лет. На Дальнем Востоке сельскохозяйственный труд был еще более тяжелым, так как его осложняли суровые природные условия.

Разделы больших семей стали частым явлением в начале XX века. При семейных разделах у крестьян соблюдались права членов семьи. Обособление отдельной семьи в новое хозяйство происходило путем деления «имения», в каждой части которого оставалось все необходимое для ведения хозяйства.

Малые семьи представляли собою простые по составу родственные общности, состоящие из 6-8 человек. Такая форма семьи начинает выступать как производственный организм, наиболее целесообразный в новых условиях хозяйствования.

Изменение домашнего уклада происходило по многим причинам. Немаловажную роль в этом сыграл отход крестьян в города. Нарастающее влияние города и городской культуры сказывалось на всей общественной и семейной жизни в деревне.

Малой семье, состоящей из представителей 2-3-х поколений, были свойственны менее деспотичные внутрисемейные взаимоотношения. Более независимой становилась женщина. Начала исчезать «забитость» младшего поколения. Ослабевала власть старшего в семье. Но при всех происходящих изменениях в малых семьях еще сохранились половозрастное разделение труда и подчиненное положение женщин по отношению к мужчинам, поддерживаемое церковью и закрепленное юридическими актами.

Однако незыблемым оставалось отношение к старикам, которые пользовались уважением и почетом в крестьянской среде. Забота о пожилых людях была одной из неукоснительных норм жизни в сельской общине.

Согласно жизненным правилам, сын должен был содержать престарелых родителей. Дочь ухаживала за ними и оказывала моральную поддержку. В случае нерадивости детей крестьянский сход и официальное право воздействовали на них. При этом в ход шли штрафы, общественное мнение и даже аресты на несколько дней.

Таким образом, характеризуя внутрисемейные отношения, сложившиеся на Дальнем Востоке в среде сельских жителей, необходимо отметить живучесть патриархальных порядков.

Развитие капитализма на Дальнем Востоке дало возможность сельскому населению получать дополнительные заработки, которые значительно превышали доход от сельскохозяйственной деятельности. Был востребован и женский труд, что, в свою очередь, способствовало изменению положения женщины в семье. Она получила возможность обеспечить себе определенную экономическую самостоятельность, вследствие чего стал изменяться ее статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 53.
2. Свод законов гражданских. Кн. I. О правах и обязанностях семейственных. – СПб., 1900. – Ст. 106.
3. Свод законов гражданских. Кн. I. О правах и обязанностях семейственных. – СПб., 1900. – Ст. 107.

Донченко А. И.

КОЛУМБИЯ И США НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.:

РАВНОПРАВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ «ИМПЕРИИ»?

Донченко А. И.

A.I.Donchenko

**КОЛУМБИЯ И США НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.: РАВНОПРАВНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ «ИМПЕРИИ»?**

**COLUMBIA AND USA AT THE TURN OF XXI C.: EQUAL COOPERATION OR "IMPE-
RIAL" HEGEMONY?**

Донченко Алексей Иванович – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: alexdon@mail.ru.

Mr. Alexey I. Donchenko – Doctor of Cultural Studies, Head of Department of World History, City of Blagoveschensk State Pedagogical University. E-mail: alexdon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Колумбии в различных сферах экономической и общественно-политической жизни. В ней показано, что на сегодняшний день ключевыми областями сотрудничества между двумя странами остаются «борьба с терроризмом» и вопросы поставок полезных ископаемых. При этом американо-колумбийские отношения носят явно неравноправный характер.

Summary. The paper offers an analysis of relations between the USA and Colombia in various areas of economic and social political life. It is shown that nowadays the main field of collaboration between the two countries remains the «war on terror» and supply of mineral resources. At the same time, relations between the USA and Colombia have obviously unequal character.

Ключевые слова: Колумбия, Соединённые Штаты Америки, «План Колумбия», «борьба с терроризмом», неравноправные отношения.

Key words: Colombia, USA, «Plan Colombia», «war on terror», unequal relations.

УДК 94(12)5

В связи с окончанием «холодной войны» вся система взаимоотношений между странами мира претерпела серьёзные изменения. Эти изменения не обошли стороной и американский континент, южная и центральная части которого долгое время по праву носили малопочётное наименование «заднего двора США». Каким образом сейчас выстраиваются отношения между США и их ближайшими союзниками в Латинской Америке? Это очень хорошо видно на примере Колумбии – важнейшего партнёра и союзника – и США в данном регионе. Социально-экономическая и политическая ситуации в этой латиноамериканской стране очень наглядно демонстрируют общие контуры американской политики по отношению к своим ближайшим соседям, а также методы, с помощью которых эта политика реализуется.

Роль и значение США в разного рода событиях в Колумбии – это тема большой дискуссии в колумбийских политических и интеллектуальных кругах, сообществе неправительственных организаций и СМИ и, конечно же, среди населения страны, вне зависимости от социального статуса. Во многих отношениях тесные связи между двумя странами привели к своеобразным отношениям «любви-ненависти», которые колумбийское общество испытывает по отношению к своему могущественному северному соседу. Эти отношения проявляются, в частности, и в той озабоченности, которую испытывают все колумбийцы относительно

судьбы национального суверенитета Колумбии, и глубокой подозрительности, которая существует как следствие долгой истории североамериканского вмешательства в дела латиноамериканских государств. В то же самое время повсеместно имеют место восхищение и преклонение перед США, их народом, культурой, особенно среди среднего класса (несмотря на нежелание многих признаться в этом).

Однако, несмотря на все эти нюансы культурного плана, можно с уверенностью сказать, что части колумбийской интеллигенции присуща тенденция весьма критично относиться к той роли, которую играет Вашингтон во внутриколумбийском конфликте, с возложением значительной доли вины на политиков США за ту ситуацию, в которой находится Колумбия сейчас. Антонио Кабальеро, один из наиболее неоднозначных, но признанных колумбийских политических обозревателей, отмечает: «В основе последних 50 лет катастрофы, которую мы сейчас переживаем, лежат два важнейших стратегических решения, которые напрямую связаны с деятельностью правительства США». Первое решение, сделанное в годы «виоленсии», заключалось в рассмотрении всех социальных вопросов в Латинской Америке только «сквозь призму глобального антикоммунистического крестового похода», что логическим образом привело к доктрине «поддержания и усиления политической, экономической и военной власти в руках наиболее реакционных элементов общества». Второе решение было принято почти 30 лет спустя и поставило Колумбию в эпицентр ещё большей милитаризации и конфликта: «Заявление о тотальной борьбе с наркотиками..., войне, которая была провозглашена там [в США], но ведётся она почти исключительно здесь [в Колумбии]» [1].

Хотя подобного рода заявления весьма близки к простому сведению проблемы колумбийского общенационального кризиса к инстинктивному навешиванию ярлыков типа: «во всём виновата Империя», последние события показывают, что политика, проводимая Вашингтоном, напрямую влияет на колумбийскую внутривнутриполитическую, экономическую картину, а также на ситуацию с безопасностью, причём влияет в худшую сторону. Безусловно, как совершенно верно отмечает А. Кабальеро, колумбийские правящие верхи и экономическая элита несут большую часть ответственности за то, каким именно образом проводится эта политика внутри страны. Как уже указывалось, часто это делается исходя из своих собственных интересов, в ущерб интересам остального населения, и всякий раз сопровождается общим предательством национального суверенитета.

Также необходимо сказать, что американская политика не является плодом творчества сплочённого коллектива бюрократов, который единодушен в тех рецептах, которые необходимы для разрешения множества проблем, стоящих перед Колумбией. И действительно, за критикой диктата прошлой и нынешней американской администрации есть опасность упустить из вида существующие различия в точках зрения, которые реально существуют в Конгрессе, Государственном Департаменте, Пентагоне и Белом Доме относительно проблемы прав человека, военного сотрудничества, экономического развития Колумбии и стратегии борьбы с наркотиками.

Однако есть и немалое количество подтверждений тому, что общее направление американской политики по отношению к Колумбии остаётся последовательным на протяжении уже многих лет. За те годы, которые США считают себя непосредственно участвующими в войне с наркотиками, они инвестировали миллионы долларов, прежде всего, в военное решение проблемы. Это привело к дальнейшей эскалации внутреннего конфликта в Колумбии, прогрессирующему ухудшению ситуации с правами человека и полному провалу в деле нанесения серьёзного удара по международной наркоторговле. В итоге эта политика послужила во благо только весьма узкому слою населения Колумбии и США. После 11 сентября 2001 г. война с наркотиками отошла на второй план перед лицом более актуальной темы – борьбы с терроризмом. Это послужило оправданием для ещё большего вмешательства США, долговременные последствия которого весьма неоднозначны. В итоге возможность для фундаментальной трансформации этой политики практически упущена.

Донченко А. И.

КОЛУМБИЯ И США НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.:

РАВНОПРАВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ «ИМПЕРИИ»?

Зависимость Колумбии от военно-экономической помощи Вашингтона уходит своими корнями в прошлое, зависимость, которая во многом определяет внутреннюю политику безопасности Колумбии с 50-х гг. XX в. В то время американские военные и разведывательные службы заключили первые двусторонние соглашения с Колумбией об обороне Западного полушария в ответ на продолжающуюся деятельность крестьянских партизанских организаций, которые боролись с правительством. Это был тот самый период, когда, согласно А. Кабальеро, Вашингтон принял «решение» относительно того, что делать с Колумбией и регионом в целом: коммунистической угрозе надо противостоять в любом уголке земного шара, особенно на «нашем заднем дворе». Участие Колумбии в таких международных конфликтах, как Корейская война, было прямо связано с её зависимостью от США. Колумбия была единственной латиноамериканской страной, которая откликнулась на призыв Вашингтона о прямом военном участии в корейском конфликте. Историк Д. Башнелл пишет, что участие Колумбии в Корейской войне, которое выразилось в посылке 1-го армейского батальона за всё время военных действий и использовании колумбийского военного судна за пределами территориальных вод Кореи, было, прежде всего, способом для тогдашнего президента Колумбии Лауреано Гомеса «нивелировать все возможные плохие впечатления, имевшие место среди американских политиков относительно его прежнего поведения [антиамериканские настроения во время второй мировой войны] и, таким образом, обеспечить долгосрочную американскую военно-экономическую помощь» [2]. Нажим из Вашингтона оказывался на многих и разных уровнях и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е гг. XX в. Гражданское руководство Колумбии всегда находилось под давлением со стороны военных структур, но с готовностью соглашалось на все их требования, видя в этом верный путь продолжения американской помощи, вне зависимости от того, соответствовало ли это интересам самой Колумбии или нет.

Второе серьёзное «решение», принятое Вашингтоном, которое оказало непосредственное влияние на Колумбию, заключалось в развёртывании «глобальной войны против наркоторговли»; и хотя эта война была начата более 25 лет тому назад, можно с уверенностью сказать, что последняя фаза этой войны была начата бывшим президентом Дж. Бушем-старшим в 1989 г. В своей речи при вступлении в должность Дж. Буш сослался на торговлю наркотиками как на «очевидную и реальную опасность», угрожающую национальной безопасности США. То были первые дни мира после «холодной войны», и США искали нового врага, чтобы поддерживать свою мощную военную инфраструктуру и заставить всех побыстрее забыть о возможности получения «мирных дивидендов». В сентябре того же года глава Администрации Президента Джон Сануну зашёл в своих высказываниях довольно далеко, заявив, что президент пошлёт войска в Колумбию, если об этом его попросит колумбийская сторона, т.е. президент Вирхилио Барко, поскольку американцы считают проблему наркотиков столь важной, что готовы «пойти на риск» [3]. Война против наркотиков стала для Буша *raison d'être*, а дальнейшая эскалация этой войны – основным методом, несмотря на сомнения многих колумбийцев в том, что всё это отнюдь не является необходимостью для успешной борьбы с данной проблемой. В частности, хотя от 80 до 95 % всех антинаркотических операций в Колумбии в то время проводилось полицией, около 85 % из 65 млн долл. американской экстренной помощи было направлено на переоснащение сухопутной армии и ВВС, т.е. в те колумбийские военные структуры, которые непосредственно совершали многочисленные нарушения прав человека [4].

Примерно в то же самое время требование США выдать главарей Медельинского картеля по обвинению в наркоторговле, выдвинутое американской юстицией, породило большие дебаты в Колумбии. Многие усмотрели в этом прямое нарушение суверенитета страны. Другие же рассматривали это требование в качестве единственного способа привлечь преступников к ответу. У колумбийского правительства были связаны руки вследствие политического давления, оказываемого США. Результатом стала волна террористических актов, проведённых наркомафией, что привело к гибели сотен колумбийцев. И это во многом по-

влияло на дальнейшую политику американской помощи Колумбии. В последующие 10 лет война против наркотиков оставалась главным приоритетом для нескольких американских администраций, как демократов, так и республиканцев, с весьма сомнительным результатом в итоге.

В недавнем прошлом один из наиболее ярких примеров того, как колумбийские официальные лица действуют в пользу Белого Дома, имел место в ходе первых инспекций ООН по проблеме вооружений Ирака в декабре 2002 г. Временный председатель Совета Безопасности ООН, колумбийский представитель в этой организации Альфонсо Вальдивьесо поспособствовал тому, чтобы тысячи страниц иракских документов относительно программ вооружений этой страны попали в руки представителей США ещё до того, как их смогли получить члены Совета Безопасности, что явилось явным пренебрежением правилами дипломатического этикета. Оправдание, которое было представлено публике, заключалось в том, что оборудование для копирования этих документов, находившееся в Госдепартаменте США, было более мощным, чем в штаб-квартире ООН. Вполне понятно, что эта тайная операция была прекрасным способом обеспечить ещё большую военную помощь колумбийскому правительству в его политике расширения масштабов войны против домашних «террористов».

И потому неудивительно, что Колумбия стала единственной южноамериканской страной, которая открыто поддержала военное нападение США на Ирак (Панама, Никарагуа, Коста-Рика, Гондурас и Сальвадор позже стали другими членами региональной «коалиции»). Это неоднозначное решение президента Урибе было оплачено объявлением в конце марта 2003 г. о дополнительной помощи в сумме 105 млн долл. в рамках «борьбы с терроризмом», которую администрация Буша сумела провести через Конгресс, как только начались бомбардировки Ирака. В целом же дар Вашингтона достиг немалой суммы в 500 млн долл. на 2004 финансовый год. Один из представителей Госдепартамента, процитированный колумбийской газетой *El Tiempo*, заявил: «Несомненно, поддержка Урибе [войны в Ираке] ясно демонстрирует, что он – наш друг, что мы говорим на одном языке, что мы сталкиваемся с одними и теми же угрозами» [5]. Между тем оппозиционно настроенные члены колумбийского Конгресса выразили своё возмущение этим нарушением государственного суверенитета. Один из независимых законодателей в ходе очередной сессии Палаты Представителей вручил Урибе и его министрам пару подушечек под колени с цветами американского флага, символический жест, который не нуждается в особых комментариях. Большинство колумбийцев было против войны в Ираке, потому усмотрели в поддержке Урибе политики США то, чем она и являлась на самом деле: оппортунистический способ остаться в добрых отношениях с администрацией Буша.

Можно ли это назвать взаимозависимостью или принуждением со стороны сверхдержавы, вопрос сложный и отнюдь неочевидный, как это было видно из вышеуказанных примеров. Если взглянуть немного назад на современную историю, то необходимо более внимательно посмотреть, каким образом военная зависимость от США оказывала глубокое влияние на внутреннюю политику Колумбии. Уступчивость колумбийских государственных деятелей стала весьма очевидной в 1998 г., когда лидер Консервативной партии стал президентом страны, и вскоре после этого Колумбия получила 1,3 млрд долл. помощи по «Плану Колумбия». До своего избрания А. Пастрана говорил о необходимости урегулирования 34-летнего вооружённого конфликта в качестве первого шага к решению проблемы наркотиков в Колумбии. В своих выступлениях во время предвыборной кампании он утверждал, что только после подписания всеобъемлющего мира с партизанами будут созданы необходимые условия для полного искоренения причин незаконной торговли наркотиками, которая связана, прежде всего, с нищетой и слабым экономическим развитием многих районов страны, где произрастает кока и мак, в районах, которые оказались под контролем партизан.

Первоначально «План Колумбия» был, в первую очередь, стратегией развития для регионов, наиболее затронутых насилием и наиболее маргинальных в плане отсутствия элементарных условий жизни. Сделанный по образцу «Плана Маршалла», который помог вос-

Донченко А. И.

КОЛУМБИЯ И США НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.:

РАВНОПРАВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ «ИМПЕРИИ»?

становлению Европы, он был нацелен на ликвидацию основных условий наркоторговли и внутреннего вооружённого конфликта, таких как экономическое неравенство, отсутствие возможностей для развития, особенно для колумбийской молодёжи, неравное распределение земли. Он также был направлен на разрешение вопросов, связанных с коллапсом и практическим отсутствием институтов власти, законности и управления со стороны местных и общегосударственных властей. Это также было связано с проблемами соблюдения прав человека и создания подлинной демократии участия как необходимых шагов по искоренению фундаментальных основ конфликта. Даже среди традиционных критиков колумбийской государственной политики, таких как члены различных неправительственных организаций, правозащитных и общественных движений, появился некий оптимизм в связи с таким подходом президента Пастраны к указанному комплексу проблем.

Однако после первого же своего визита в Вашингтон президент сделал поворот на 180°. Как отметил один из колумбийских обозревателей, ответ Вашингтона был таковым, что «План Колумбия» на сегодня – это «перечень благих пожеланий», который нуждается в значительной корректировке [6]. Новая линия Пастраны стала заключаться в том, что отныне первой надо решать проблему наркотиков, и если мир всё же придёт на землю Колумбии, то единственный путь к этому – увеличение американской военной помощи. Первоначальная интенция «Плана», которая имела в виду нужды сельского населения и огромную нищету, которая подпитывала внутренний конфликт, была полностью изменена. Из 7 млрд долл. первоначально объявленной Вашингтоном помощи дело в итоге свелось к 1,3 млрд, из которых более 70 % было предназначено на военную помощь и меры безопасности для ведения «войны против наркотиков». «План Колумбия» был представлен миру как колумбийская инициатива. Таким образом, высокомерная, почти этноцентрическая, установка относительно того, что решение подобного рода проблем должно и может исходить только из Вашингтона и во имя, прежде всего, интересов национальной безопасности США, была замаскирована под двустороннюю инициативу, представленную как единодушие народов двух стран. Политические решения, навязанные США десятилетиями ранее и которые привели к обострению общественно-политической ситуации в Колумбии, были благополучно отставлены в сторону и забыты.

До трагических событий 11 сентября 2001 г. активисты, учёные и общественные деятели указывали на «План Колумбия» как на побудительный мотив к действию, необходимый народному движению для усиления своего сопротивления социально-экономической политике правительства, а также против растущего американского вмешательства. Публично «План Колумбия» подавался как «антинаркотическая» программа действий, но представители народного движения так не считают и полагают, что его главная цель – сделать Колумбию более безопасной для инвестиций ТНК, а для этого ещё дальше завести страну по пути милитаризации всех сторон жизни. Относительно этого пресловутого «Плана» были опубликованы десятки критических статей и книг; по всей стране общественные организации, университеты и правозащитники проводили общественные форумы и конференции, были организованы шествия и митинги против «Плана Колумбия» с целью продемонстрировать обеспокоенность многих слоёв населения. Люди, которые бурно требовали демилитаризации колумбийского общества, рассматривали эту политику как открытую поддержку ещё большему разжиганию войны.

Многие активисты утверждают, что экономические аспекты «Плана Колумбия» следует понимать в контексте стремления США к доминированию в Западном полушарии в XXI в. под предлогом войны с наркоторговлей. Посредством этого «Плана» и его преемника – Андской Региональной Инициативы – Вашингтон стремится произвести перегруппировку сил в регионе в пользу США, а также господствующих классов региона, используя силу и расширение американского военного присутствия в таких странах, как Эквадор, Перу и Бразилия. Правозащитники усмотрели в этом тревожный сигнал, свидетельствующий о том, что, несмотря на мирные переговоры между колумбийским правительством и FARC (Революци-

онными Вооружёнными Силами Колумбии), механизм эскалации военных действий уже был запущен. Тем временем экономисты и политологи выявили связь между указанными мерами безопасности и конечной целью – установлением Межамериканской Зоны Свободной Торговли, начало функционирования которой планировалось на 2005 г., торгового соглашения, которое характеризуется дальнейшей либерализацией экономики региона и гомогенизацией местных валют с американским долларом [7].

Кроме того, экологи и индейские организации выказывали озабоченность тем, что «План Колумбия» и его «подталкивание на юг» имеют своей целью создание благоприятных условий для эксплуатации богатейших биоресурсов для тех ТНК, которые занимаются биотехнологиями и генной инженерией. Как известно, колумбийская Амазония является одним из наиболее важных и богатых ресурсов растительного и животного мира на Земле. «Продвижение на юг» было подано американскими и колумбийскими чиновниками как способ укрепления государственного присутствия в этом регионе с целью борьбы с незаконными военными организациями, которые получают доходы от наркоторговли. Создание и подготовка мобильных бригад по борьбе с наркотиками, в сочетании с интенсивным применением ядохимикатов с воздуха против незаконных посевов, стали главными компонентами этой новой стратегии наряду с весьма ограниченной помощью в деле альтернативного развития.

Критики «Плана» также увидели и иные мотивы, движущие официальными лицами США и их колумбийскими коллегами. Они обратили внимание на то, что процесс освобождения обширных территорий от присутствия партизан никак не связан с индейскими и негритянскими общинами, которые обладают правом собственности на эти земли, что открывает большие возможности для обогащения на «биоисследованиях» и патентовании, которое, несомненно, за этим последует, что является, по сути, экспроприацией традиционных индейских лекарственных средств и растений в пользу ТНК. В 1999 г. Председатель Национальной Организации Индейцев Колумбии (ONIC) Абадио Грин Стоуселл специально посетил США для того, чтобы привлечь внимание общественности к последствиям такого рода «экономической» деятельности для «культурной целостности индейских общин Колумбии». Массовое изгнание населения, которое имело место в Путумайо в 2001 г., было только одним из таких последствий.

К сожалению, эксплуатация индейских территорий с целью получения экономической прибыли другими лицами не является чем-то новым, хотя колумбийское государство всегда утверждало, что это – часть платы за национальный прогресс и экономическое развитие. Разного рода проекты включают в себя сооружение плотин для электростанций на территориях, населённых индейцами и неграми, массовую вырубку лесов колумбийскими и ТНК; проекты по строительству шоссе для облегчения транспортировки леса и другого сырья к побережьям двух океанов; грандиозные проекты по добыче полезных ископаемых. В большинстве подобных случаев местные общины вынуждают переселяться, а лидеров, сопротивляющихся этим проектам, убивают или они пропадают без вести. Общественные организации, а также ONIC документально зафиксировали огромное количество примеров того, как государство в кооперации с частными заинтересованными лицами и при поддержке вооружённых сил не консультировалось с общинами перед началом реализации многих своих проектов, что прямо нарушает колумбийскую Конституцию. Индейские и негритянские общины Колумбии сопротивлялись, но в результате понесли многочисленные потери и были обречены на массовое изгнание. Исчезло население целых районов. Неслучайно, что большинство случаев последних сгонов с земли, особенно в Чоко, Кордобе, Антиокии, Путумайо и Кауке, имели место после рейдов полувоенных формирований в эти стратегически важные регионы, тем самым делая правдоподобным аргумент о том, что сам феномен сгона местного населения со своих земель – это нечто большее, чем просто побочный эффект гражданской войны между партизанами и государством [8].

И, конечно же, есть вопрос о нефти, то, что Майкл Клэр назвал «доступом к наиболее обширным запасам нефти в Западном полушарии» [9]. Колумбия – это седьмой по значению

Донченко А. И.

КОЛУМБИЯ И США НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.:

РАВНОПРАВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ ГЕГЕМОНИЯ «ИМПЕРИИ»?

поставщик нефти в США и потенциал для дальнейшего увеличения добычи, что всегда привлекало американские нефтяные компании и их ближайших друзей в правительстве страны. За последние 10 лет добыча нефти в Колумбии резко выросла: со 100 тыс. баррелей в день в конце 80-х гг. до почти 850 тыс. – к концу 90-х гг., т.е. на 78 %. Тем не менее по ряду причин, включая продолжающийся вооружённый конфликт и высокий уровень риска, в Колумбии эксплуатируется всего лишь 20 % потенциальных нефтяных районов. Президент Буш, следуя по стопам своего предшественника У. Клинтона, дал ясно понять, что США рассматривают Колумбию и соседнюю с ней Венесуэлу в качестве стран поставщиков первой категории для США на ближайшие 20 лет. И потому южные регионы Колумбии, граничащие с Эквадором, совершенно неслучайно оказались теми, куда были направлены основные ресурсы в рамках «Плана Колумбия», поскольку они признаны районами важных стратегических запасов нефти, но большинство их приходится на индейские территории. Критика «Плана Колумбия» и американского интервенционизма не помогла решению проблемы, но зато помогла установить связь между этими двумя явлениями.

Таким образом, всё вышеуказанное свидетельствует о том, что приоритеты политики США по отношению к своим латиноамериканским соседям остаются прежними: гегемония и доминирование в данном регионе, борьба с общественными движениями и профсоюзами, недопущение прихода к власти тех сил, которые могут затронуть интересы американских монополий. Колумбия остаётся одним из самых верных и последовательных союзников США, что во многом и предопределяет тяжёлую внутреннюю ситуацию в этой стране и продолжение бесконечной гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Caballero. Los responsables del desastre (Parábola del bus) // Quiénes nos tienen jodidos. Bogotá; Editorial Oveja Negra, 2002, pp. 16-17.
2. Bushnell, D. The Making of Modern Colombia: A Nation in Spite of Itself. Berkley. University of California Press, 2001, p. 213.
3. Page, S. "Sununu: Bush Would Send Troops" // Newsday, September 4, 1989, p. 18.
4. Treaster, J. "U.S. Sending Wrong Equipment to Fight Drugs, Colombians Say" // New York Times, September 12, 1989, p. A5. Более детальное описание того, как развивалась война Буша-старшего против наркотиков в Колумбии на этом раннем периоде, см.: Chomsky, N. Deterring Democracy. N.-Y., Hill and Wang, 1992, pp. 114-121.
5. "Colombia recibirá 100 millones de dólares de E.U. como premio por apoyar guerra de Irak", March 23, 2003; http://eltiempo.terra.com.co/coar/noticias/ARTICULO-WEB-NOTA_INTERIOR-1032882.html
6. Molano, A., "La Paz en su Labirinto" // Qué Está en Colombia: Anatomía de un País en Crisis. Bogotá. El Ancora Editores, 2001, p. 103.
7. Всесторонний анализ экономических и политических последствий «Плана Колумбия» дан в: Estrada Alvarez, J., ed., Plan Colombia: Ensayos Críticos. Bogotá. Universidad Nacional de Colombia – Facultad de Derecho, Ciencias Políticas y Sociales, 2001.
8. См.: ONIC. Tierra Profanada: Grandes Proyectos en Territorios Indígenas en Colombia. Bogotá. ONIC/Disloque Editores, 1995.
9. Klare, M. "Detrás del petróleo colombiano: intenciones ocultas, Agencia Latinoamericana de Información, цитировано по: Estrada Alvarez. Plan Colombia: Ensayos Críticos, p. 52.

Ковалев С. В.
S.V.Kovalev

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ КНЯЖЕСТВ ЗАЛИВА в 1974-1979 гг.

SAUDI ARABIA AND BORDER DISPUTES OF THE GULF COUNTRIES IN 1974-1979

Ковалев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1; 8-495-789-06-83. E-mail: ksv@inbox.ru.

Mr. Sergey V. Kovalev – PhD in History, Moscow State Pedagogical University, Senior Lecturer, Department of the Modern and Contemporary History. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow. Phone: + 7 (495) 789 06 83, e-mail: ksv@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные аспекты пограничных проблем во взаимоотношениях аравийских монархий в 1974-1979 гг.

Summary. The paper deals with the key aspects of border problems in the relations between Arabian monarchies in 1974-1979.

Ключевые слова: аравийские монархии, Залив, локальные конфликты, пограничные споры, межгосударственные отношения.

Key words: Arabian monarchies, Persian Gulf, local conflicts, border disputes, interstate relations.

УДК 94(5)

Современный мир полон противоречий и очагов локальных конфликтов. Одним из этих постоянно тлеющих очагов является регион Залива. (Персидский залив в арабских странах традиционно называется «Арабским заливом». В последние десятилетия в западной, а затем отечественной литературе принято называть его просто Заливом. Также принят термин «Нижний залив», под которым подразумевается часть залива, к которой примыкают территории Бахрейна, Катара, ОАЭ, Омана и восточное побережье Саудовской Аравии. Автор старается придерживаться этой терминологии.)

В регионе пересекаются как экономические и геополитические интересы западных держав, так и пограничные противоречия между странами Залива. В рамках настоящей статьи сделана попытка проанализировать некоторые аспекты этой проблемы на примере изучения пограничных проблем во взаимоотношениях аравийских монархий в 1970-е гг.

В рассматриваемый период пограничные проблемы во внешней политике Саудовской Аравии занимали подчиненное положение относительно главных стратегических установок королевства: союз с западными державами, борьба за лидерство в арабском мире, борьба против национально-освободительного и антифеодального движения в регионе, борьба против расширения отношений стран региона с Советским Союзом, за укрепление влияния на страны Залива.

В достижении этих целей Саудовская Аравия использовала как пограничные проблемы, существующие между нею и другими странами Залива, так и пограничные проблемы, существующие между самими княжествами. Неразрешенные пограничные проблемы существовали между Катаром и Бахрейном, между ОАЭ и Оманом, между отдельными эмиратами, входящими в ОАЭ (Шарджа-Эль-Фуджайра, Дубай-Шарджа, Шарджа-Рас-эль-Хайма). В

Заливе в этот период существовали пограничные проблемы между Ираном и Ираком, между Ираком и Кувейтом, между ОАЭ и Ираном.

Пограничные проблемы, в частности спор вокруг оазиса Бурайми и района Хор Эль-Удейды, являлись ключевым вопросом в отношениях между Саудовской Аравией и ОАЭ. Существование этих проблем отрицательно влияло на двусторонние отношения между двумя странами, одним из результатов было отсутствие дипломатических отношений между Саудовской Аравией и ОАЭ. Саудовская Аравия в целях ослабления позиций президента ОАЭ Заида бен Султана ан-Нахайяна поддерживала группировки традиционалистов – противников централизации власти в ОАЭ, провоцировала мятежи и пограничные столкновения. Однако после 1973 г. позиция Саудовской Аравии в отношении централизации власти в ОАЭ несколько изменилась. По мнению автора, одной из причин такого изменения была убежденность в том, что относительно централизованная и стабильная система власти в ОАЭ более соответствовала интересам Саудовской Аравии, нежели обстановка раздора и постоянных кризисов в федерации. Другой причиной была обеспокоенность Саудовской Аравии усилением позиций Ирана в Омане и ОАЭ [5, 13]. Еще в 1971 г. Иран подписал соглашение с Абу-Даби о разграничении континентального шельфа между двумя странами [2, 249]. В 1973 г. Иран направил крупные контингенты войск в Оман с целью подавления национально-освободительного движения в провинции Дофар. Все это настоятельно требовало от Саудовской Аравии принятия срочных мер для укрепления позиций перед лицом усиливающегося экспансионизма Ирана.

В конце июля 1974 г. заместитель премьер-министра, министр внутренних дел Саудовской Аравии принц Фахд совершил визит в ОАЭ. Во время переговоров была достигнута договоренность об урегулировании пограничных проблем между двумя странами [3, 506].

С 19 по 21 августа 1974 г. президент ОАЭ султан Заид бен Нахайян совершил визит в Саудовскую Аравию. Во время визита Фейсал и Заид подписали соглашение об урегулировании пограничных проблем между двумя странами [4, 506]. В соответствии с соглашением (текст которого не был, однако, тогда предан гласности), Саудовская Аравия отказалась от притязаний на оазисы Бурайми и Лива, на ряд других спорных территорий ОАЭ, которые, в свою очередь, предоставили Саудовской Аравии сухопутный коридор к Заливу в районе Хор эль-Удейды для использования в целях транспортировки нефти, а также в военных целях [1, 27]. ОАЭ также передали Саудовской Аравии обширный участок территории (за счет территории Абу-Даби), расположенный в юго-западной части федерации [2, 136]. Богатый нефтью район Аз-Зафра объявлялся совместным владением двух стран.

Подписание соглашения стало важной вехой в отношениях между Саудовской Аравией и ОАЭ. Это соглашение, помимо урегулирования очень важной пограничной проблемы, открывало путь для проведения совместной политики в районе Залива. В совместном коммюнике Фейсал и Заид заявили о своей "готовности к сотрудничеству... в целях предотвращения проникновения в этот район нездоровых течений, не соответствующих твердым мусульманским идеалам народа региона и во имя поддержания безопасности и стабильности в Заливе" [4, 506-507]. Стороны выразили также убежденность в том, что "единство является наилучшим путем спасения арабского и мусульманского сообщества от разрушительных течений, которые полностью противоречат их бессмертным исламским убеждениям и их арабским традициям и наследию" [4, 507]. Таким образом, можно отметить, что соглашение открыло путь координации действий двух монархий в регионе. Одновременно подписание соглашения стало ударом для Ирана, который пытался использовать раскол между Саудовской Аравией и ОАЭ для укрепления собственных позиций в федерации княжеств.

Давая оценку этому соглашению, наследный принц Фахд в интервью бейрутскому еженедельнику "Flame" заявил, что "соглашение есть не только решение пограничного спора, но оно закрыло путь ко многим ошибкам... Многие считали, что эта проблема неразрешима, и строили свою политику в Заливе именно на этом... Соглашение показало ошибочность таких суждений" [11, 3].

Вместе с тем некоторые факты дают основания считать, что не все пункты этого соглашения (в том числе секретные) устраивали ОАЭ. Так, хотя в соглашении говорилось о создании комиссии экспертов для того, чтобы «в ближайшее время она провела демаркацию границы» между двумя странами, ОАЭ не спешили с созданием такой комиссии. Только в июле 1977 г., т.е. через три года после подписания соглашения, был издан декрет президента ОАЭ о создании комиссии во главе с министром иностранных дел для "изучения и демаркации границ... с Саудовской Аравией" [13, 363].

Тем не менее подписание этого соглашения позволило Саудовской Аравии укрепить позиции в Заливе, вовлечь ОАЭ в орбиту своей политики. Султан Заид благодаря улучшению отношений с Фейсалом укрепил собственную власть внутри ОАЭ и, по всей видимости, заручился поддержкой или благожелательным нейтралитетом Саудовской Аравии в отношении его внутривнутриполитического курса.

Тезис о том, что пограничные проблемы из самодовлеющего фактора превратились в инструмент проведения конкретной политики в конкретных условиях, наглядно демонстрирует саудовско-кувейтский пограничный спор 1977 г.

В июле 1977 г. Саудовская Аравия оккупировала группу островов неподалеку от берегов кувейтской части Разделенной зоны. Острова Кару и Умм-эль-Марадим, на суверенитет над которыми претендовал Кувейт, уже давно были предметом спора, однако эту проблему стороны предполагали решить путем переговоров. Такие переговоры велись, в частности, в 1976 – начале 1977 гг. Столь грубую акцию как применение военной силы в споре с "братской арабской страной" можно было бы назвать неожиданной и парадоксальной, если бы не некоторые предшествующие этому обстоятельства.

В декабре 1976 г. в столице Катара – Дохе – началась очередная конференция ОПЕК, которая должна была утвердить новые цены на нефть. В то время как большинство нефтедобывающих стран настаивали на 15%-ном повышении цен на нефть, Саудовская Аравия и ОАЭ соглашались поднять цены только на 5 %. Среди стран, выступавших против такой позиции Саудовской Аравии и ОАЭ, оказались Кувейт и Катар. Такая позиция Кувейта и Катара вызвала значительное недовольство в правящих кругах Саудовской Аравии [8, 2].

Другим фактором, "вызвавшим гнев Саудовской Аравии" [13, 347], было начало переговоров между Кувейтом и Советским Союзом, во время которых Кувейт обратился к СССР с просьбой о продаже военного снаряжения. Продажа военного снаряжения Советским Союзом Кувейту рассматривалась в Саудовской Аравии, видимо, как "расширение советского присутствия" в регионе, с чем королевство никак не могло согласиться.

Реакцией Саудовской Аравии на эти проявления независимости во внешней политике Кувейта стал захват группы островов Кару и Умм-эль-Марадим.

Обе стороны пытались не афишировать возникшие между ними трения. В то время как Кувейт отрицал факт захвата островов Саудовской Аравией, последняя вообще отрицала существование каких-либо территориальных проблем между двумя странами [9, 507].

Необходимо отметить, что в этот период положение Кувейта в регионе несколько ухудшилось. Ирак, занявший принадлежащие Кувейту острова Варба и Бубиян, дал понять, что не собирается их освобождать, а хотел бы, чтобы эти острова были оставлены ему в рамках долгосрочного (сроком на 99 лет) арендного договора. Саудовская Аравия отказала Кувейту в поддержке в споре с Ираком. Зажатый с двух сторон претендентами на отдельные участки его территории Кувейт заявил о готовности к переговорам с Саудовской Аравией по вопросу о принадлежности островов Кару и Умм-эль-Марадим. Однако Саудовская Аравия отказалась от переговоров, а саудовские войска силой выдворили кувейтские войска, расквартированные на островах, и выселили оттуда кувейтское население.

Вопрос об островах Кару и Умм-эль-Марадим окончательного решения в рассматриваемый период так и не получил.

В этом конфликте между Кувейтом и Саудовской Аравией ясно проявилось стремление последней навязать свою волю небольшим княжествам Залива в вопросах внешней и

внутренней политики. Как писал еженедельник "ArabiaandtheGulf", "в информированных кувейтских кругах заявляют, что, по мнению саудовцев, все, что хорошо для Саудовской Аравии, хорошо и для стран Залива, и они не берут в расчет интересы небольших княжеств".

В этот период и почти по тем же причинам испытал на себе давление Саудовской Аравии и Катар.

Между Катаром и Бахрейном существовали пограничные проблемы, имевшие долгую историю. Оба княжества претендовали на архипелаг Хавар, расположенный неподалеку от побережья Катара, а также на селение Эз-Зубейра на западе Катарского полуострова. Претензии на это селение Бахрейн основывал на том, что именно отсюда в Бахрейн в 1783 г. эмигрировал клан аль-Халифы, образовавший впоследствии правящую династию Бахрейна [15, 127].

По информации хорошо информированного еженедельника "ArabiaandtheGulf" [6, 2], в 1976 г. внутри правящего клана ат-Тани в Катаре возникла борьба за власть между шейхом Сухеймомат-Тани, братом правителя, и шейхом Абд-аль-Азизом бен Халифа ат-Тани – младшим сыном правителя. Оба они претендовали на вакантное место наследного принца. Шейх Сухейм обратился за поддержкой к саудовскому двору, где "горячо" откликнулись на его просьбу. С посреднической миссией Катар посетили министр внутренних дел шейх Найеф бен Абдель-Азиз ас-Сауд и наследный принц Фахд. Фахд и Найеф обещали шейху Сухейму поддержать его кандидатуру перед правителем Катара Халифойат-Тани.

Однако властолюбивый шейх Сухейм, представлявший Катар на конференции ОПЕК в Дохе и избранный председателем ОПЕК на 1977 г., отказался поддержать министра нефти Саудовской Аравии шейха Ямани в стремлении ограничиться 5%-ным повышением цен на нефть. Саудовцы были взбешены, когда Катар отказался следовать линии Саудовской Аравии в вопросе цен на нефть. Отношения между двумя странами испортились настолько, что Саудовская Аравия в своих отношениях с Катаром стала использовать язык угроз. Так, прозвучало напоминание катарской правящей семье о роли, которую сыграла Саудовская Аравия в свержении бывшего правителя Катара шейха Ахмеда в 1972 г. (тогда Саудовская Аравия для поддержки государственного переворота сконцентрировала войска на границе с Катаром), и намек о том, что шейх Ахмед еще может быть возвращен к власти. Хотя шейх Сухейм в безуспешной попытке исправить положение дважды выезжал в Саудовскую Аравию, саудовцы не простили ему занятую во время конференции позицию. Они дали понять правителю Катара, что "не возражают, если вместо шейха Сухеймы будет подыскана другая кандидатура на пост наследного принца" [6, 3].

Саудовская Аравия также начала оказывать поддержку Бахрейну в пограничном споре с Катаром.

Воодушевленный этой поддержкой наследный принц Бахрейна Хамад бен Исааль-Халифа в одном из интервью заявил, что "между Бахрейном и Катаром существуют разногласия не только относительно принадлежности островов Хавар, но и относительно границ между двумя странами в целом" [10, 2].

Хотя вопрос о границах между Катаром и Бахрейном так и остался нерешенным, однако демонстрация силы, проведенная Саудовской Аравией, не прошла бесследно: Катар в дальнейшем не оспаривал точку зрения Саудовской Аравии на такие вопросы, как цены на нефть.

По мнению многих обозревателей, тот факт, что ОАЭ выступила заодно с Саудовской Аравией в вопросе цен на нефть во время конференции ОПЕК в Дохе, во многом объяснялся стремлением ОАЭ заручиться поддержкой Саудовской Аравии в пограничном споре с Оманом [7, 3].

Вопрос о границах между ОАЭ и Оманом, касающийся шестнадцатикилометровой полосы прибрежных вод эмирата Рас эль-Хайма, был поднят на совещании в верхах Организации Исламская конференция в 1974 г. во время встречи президента ОАЭ Заида с султаном Омана Кабусом. Однако тогда никакого решения принять не удалось. Конфликт с новой си-

лой вспыхнул в 1978 г., когда на шельфе спорного района была обнаружена нефть. Оман сконцентрировал войска на границе с ОАЭ и направил в спорный район военные корабли.

Переговоры, проходившие при посредничестве Саудовской Аравии и Кувейта, результатов не дали. В 1979 г. после долгих переговоров стороны объявили о разрешении конфликта, однако детали достигнутого соглашения не были обнародованы [14, 322]. Между Саудовской Аравией, Оманом и ОАЭ существовали пограничные споры, в частности о принадлежности небольшого селения Умм аз-Замиль на стыке границ трех государств. Однако в рассматриваемый период этот вопрос в отношениях между странами не поднимался.

В целом можно отметить, что из всех пограничных проблем в период 1973-1979 гг. были в основном разрешены только пограничные проблемы между Саудовской Аравией и ОАЭ. Пограничные проблемы Саудовской Аравии с Кувейтом и Катара с Бахрейном остались неразрешенными. Остались также неразрешенными многочисленные пограничные проблемы, существовавшие между эмиратами, входящими в ОАЭ.

Необходимо подчеркнуть, что пограничные проблемы достались странам Залива как наследство английского колониализма, который культивировал споры по территориальным проблемам между эмиратами. Даже после ухода из субрегиона британцы постарались оставить тлеющие угли там, где это возможно. Так, например, между эмиратами Дубай и Шарджа неоднократно возникал конфликт из-за небольшого оазиса в пограничной области. Английские колонизаторы, покидая район, оставили в Шардже карту, на которой оазис был включен в границы Шарджи, в Дубае же была оставлена карта, где тот же оазис был обозначен как принадлежащая Дубаю территория [12, 2].

Существование неразрешенных пограничных проблем являлось одной из причин напряженности в регионе. Однако решение этих проблем наталкивалось на значительные трудности, связанные как с конкурентной борьбой транснациональных нефтяных монополий, так и со старыми династическими и племенными конфликтами.

Вместе с тем Саудовская Аравия, стремясь к всемерному развитию отношений с княжествами Залива, была объективно заинтересована в сохранении пограничных споров между отдельными княжествами, поскольку это обеспечивало возможность манипулирования пограничными проблемами, активно используя принцип «разделяй и властвуй» в достижении королевством безусловного субрегионального (внутри будущей «аравийской шестерки») лидерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ат-Тикрити И. Ш. Революция и контрреволюция в Арабском заливе: дисс. ... канд. истор. наук / И. Ш. ат-Тикрити. – М., 1976.
2. Шестопалов, В. Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа / В. Я. Шестопалов. – М., 1982.
3. Арабские политические документы, 1974. Бейрут, 1975 (англоязычная версия издания).
4. Совместное заявление о переговорах короля Саудовской Аравии Фейсала бен Абдель Азиза и президента ОАЭ Заида бен Султана ан Нахайяна. Арабские политические документы, 1974. док. № 251, с. 506-507. Бейрут, 1975 (англоязычная версия издания).
5. "As-sajad". Beirut. 16.VIII.1974.
6. "Arabia and the Gulf". L. № 11, 1977.
7. "Arabia and the Gulf". L. № 12, 1977.
8. "Arabia and the Gulf". L. № 13, 1977.
9. "Arabia and the Gulf". L. № 14, 1977.
10. "Common opinion". Kuwait. 13. IV. 1978
11. "Flame". Beirut. 20. X. 1974.
12. "Flame". Beirut. 22. VIII. 1973
13. Middle East Contemporary Survey. 1976-1977, N.Y., 1978.
14. "Middle East Journal". L. № 3, 1981.
15. Duke A.J. Historical and Cultural Dictionary of Sultanate of Oman and Emirate of Eastern Arabia. N.Y., 1976.

Петрунина Ж. В.

КИТАЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.

Петрунина Ж. В.

Z.V.Petrunina

КИТАЙСКО-СЕВЕРОКОРЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.

CHINA - NORTH KOREA COOPERATION AT THE TURN OF XXI C.

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела социально-экономических и гуманитарных исследований Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)27-16-84. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of Historical Studies, Associate Professor, Head of the Research Department for Social, Economic and Humanitarian Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenina pr. Phone: +7 (4217) 27-16-84, e-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления политического и экономического сотрудничества между КНР и КНДР на рубеже XX – XXI вв. Выявлены приоритетные направления сотрудничества и проблемы взаимодействия между странами на современном этапе.

Summary. The paper considers the main areas of political and economic cooperation between China and North Korea at the turn of XXI century. Current priority areas of cooperation and problems of interaction between the two countries are revealed.

Ключевые слова: КНР, КНДР, политическое сотрудничество, экономическое взаимодействие, приграничная торговля.

Key words: China, North Korea, political cooperation, economic cooperation, cross border trade.

УДК 327

Важной частью внешней политики современного Китая остаются его отношения с государствами Корейского полуострова. Корейский полуостров с давних времен является центром пересечения геополитических интересов окружающих его стран, являясь своего рода буфером между потенциальными противниками. Во второй половине XX в. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Республика Корея (РК) оказали огромное влияние на формирование миропорядка в Северо-Восточной Азии. После образования враждующих между собой КНДР и РК внешнеполитический курс КНР на Корейском полуострове получил два направления. На протяжении второй половины XX в. отношения КНР с обоими корейскими государствами были неоднозначны, а порой и недружественны.

Китай стремится сохранить, а по возможности и усилить свое влияние на Корейском полуострове, понимая, что контроль здесь любого государства создает стратегическую угрозу для КНР. Китай претендует на роль доминирующего гаранта стабильности в Северо-Восточной Азии, что позволит ему еще больше укрепить свое положение на международной арене. Комплекс политических, военных, торгово-экономических причин оказывает влияние на взаимоотношения КНР с государствами Корейского полуострова.

На рубеже XX – XXI вв. китайско-северокорейские отношения претерпели существенные изменения и стали составной частью международной политической системы. Северная Корея имеет общую границу с Китаем протяженностью более 1300 км и рассматривается правительством КНР в качестве значимого стратегического плацдарма. Вместе с тем Китай с Северной Кореей связывают традиционно дружественные отношения. Дипломатиче-

ские отношения между сторонами были установлены еще в 1949 г. А после заключения бессрочного военно-политического договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между КНР и КНДР 11 июля 1961 г. страны стали на длительное время друг для друга военно-политическими союзниками. На рубеже XX – XXI вв. китайско-северокорейские отношения развиваются в рамках сохранившихся союзнических отношений. В 1990-х гг. КНР сохранила военно-политический союз с КНДР, однако серьезного значения китайское руководство этому союзу уже не придавало. Вступившая на путь экономических реформ КНР рассматривала свои взаимоотношения с КНДР не только с идеологических позиций. Китайское правительство было заинтересовано в сохранении status quo на Корейском полуострове, поскольку любые изменения (конфликт между КНДР и РК или крах режима в Пхеньяне) могли создать угрозу для безопасности территорий Северо-Восточного Китая, а также поставить под вопрос дальнейшее проведение модернизации в стране.

В свою очередь, в конце XX в. северокорейское правительство, которое с настороженностью встретило восстановление дипломатических отношений КНР и РК, стало рассматривать и другие страны в качестве возможных экономических, а в перспективе и политических партнеров и противовеса Китаю. Среди потенциальных союзников КНДР выступает современная Россия. Следует признать, что положение России на Севере Корейского полуострова значительно слабее, чем положение СССР. К моменту смерти Ким Ир Сена (1994 г.) российско-северокорейские отношения были минимизированы. К началу XXI в. товарооборот между двумя странами сократился более чем в 20 раз, удельный вес России во внешней торговле КНДР упал до 4 %, полностью прекратились взаимные инвестиции. Современное российское участие в хозяйственном обмене с КНДР абсолютно неадекватно экономическим и политическим интересам России в Северо-Восточной Азии и на Корейском полуострове [11, 168]. Тем не менее после подписания 9 февраля 2000 г. нового российско-северокорейского межгосударственного договора политическое сотрудничество между сторонами активизировалось.

В налаживании долгосрочных экономических связей с северокорейскими партнерами заинтересованы и южнокорейские бизнесмены. Особые надежды в этом вопросе возлагаются на межкорейский индустриальный парк в приграничном городе Кэсоне, однако к концу 2004 г. территория Кэсонской СЭЗ была освоена лишь на 15 % [2, 105]. К сожалению, укрепление экономических связей и установление политического диалога между двумя корейскими государствами пока осложняются многими факторами.

Таким образом, после распада социалистического лагеря на рубеже XX – XXI вв. основным политическим, экономическим и стратегическим партнером для Северной Кореи остается Китай, который стремится не упустить контроль над Пхеньяном.

В 1990-х гг. двусторонние политические отношения охладели. Однако в первом десятилетии XXI в. наметилась тенденция к их восстановлению. Встречи проходили на уровне глав государств и глав правительств. В XXI в. Генеральный Секретарь Трудовой партии Кореи, председатель Комитета национальной обороны КНДР Ким Чен Ир трижды побывал с неофициальными визитами в КНР – в январе 2000 г., январе 2001 г. и апреле 2004 г. 2009 г. был объявлен годом дружбы КНР и КНДР, что было приурочено к 60-летию установления дипотношений между двумя странами. В марте 2009 г. по приглашению премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в КНР с официальным дружественным визитом прибыл премьер-министр КНДР Ким Ен Ир. В августе 2010 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао встречал Ким Чен Ира в китайском городе Чанчунь провинции Цзилинь. В мае 2011 г. Ким Чен Ир нанес очередной визит в Пекин. В сентябре 2011 г. председатель КНР Ху Цзиньтао встретился с находившимся в Китае с официальным и дружественным визитом членом Постоянного комитета Политбюро ЦК Трудовой партии Кореи премьером кабинета министров КНДР Цой Ен Римом.

Встречи были направлены на дальнейшее развитие отношений между двумя странами и партиями, упрочение стратегических связей и расширение взаимовыгодного сотрудниче-

ства, на укрепление обстановки в регионе и мире, на решение ядерной проблемы на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии.

Китайские лидеры, стремящиеся упрочить влияние Пекина на Корейском полуострове, также наносят официальные визиты в КНДР. Пекин признает, что КНДР в современных условиях столкнулась с беспрецедентными дипломатическими, политическими и экономическими трудностями, что она «не способна выжить без внешней помощи» [12, 543]. В сентябре 2001 г. по приглашению Ким Чен Ира с трехдневным официальным дружественным визитом в Северной Корее побывал Председатель КНР Цзян Цзэминь. Эта поездка китайских политиков в КНДР стала первой за предыдущие 11 лет. В ходе переговоров обсуждались вопросы расширения межпартийных связей, развития китайско-северокорейских торгово-экономических отношений, глобальные и региональные проблемы, в том числе ход мирного процесса на Корейском полуострове, а также возможный визит лидера Северной Кореи Ким Чен Ира в Южную Корею.

Следующей крупной вехой в укреплении китайско-северокорейского диалога стал визит Председателя КНР Ху Цзиньтао в Пхеньян в октябре 2005 г. В результате переговоров был уточнен курс развития двусторонних политических отношений, определены сферы торгово-экономического взаимодействия. Стороны заявили о готовности содействовать мирному решению ядерной проблемы Корейского полуострова путем диалога.

Говорить о развитии торгово-экономического сотрудничества КНР с КНДР в 1990-х гг. достаточно сложно, поскольку с 1991 по 1998 гг. под влиянием политических разногласий между странами и глубокого экономического кризиса в КНДР северокорейская внешняя торговля сокращалась. Внешнеторговый оборот КНДР упал с 4,170 млрд долл. в 1990 г. до 1,442 – в 1998 г. [1]. Прекращение помощи со стороны СССР привело к крупномасштабному экономическому кризису и к постоянной нехватке питания. В сложившихся условиях именно торгово-экономическое сотрудничество с Китаем позволило Северной Корее урегулировать экономические вопросы и решить проблему голода 1995 – 1999 гг.

В 1998 г. Китай в качестве гуманитарной помощи поставил в КНДР 100 тыс. т продовольствия, 20 тыс. т химических удобрений, 80 тыс. т нефти [6, 86]. На протяжении 1990-х гг. на безвозмездной основе Китаем были перечислены значительные суммы: 1994 г. – 6 млн долл., 1997 г. – 30 млн долл., 1999 г. – 50 млн долл., 2000 г. – 30 млн долл. [10].

Улучшение отношений в политической области позволило укрепить экономические связи между странами. Вопросы активизации двухстороннего экономического сотрудничества неоднократно обсуждались на уровне представителей министерств и ведомств, а также на уровне руководителей отдельных предприятий и организаций обоих государств. Китайско-северокорейские торгово-экономические отношения регулируются достаточно прочной договорно-правовой базой. Договоры, соглашения и иные юридические документы, как правило, подписываются на межгосударственном и межправительственном уровнях. При этом между Пекином и Пхеньяном сохраняется большое количество «скрытых» экономических операций, которые не находят своего отражения в официальной статистике, что является одной из специфических особенностей современных отношений между КНР и КНДР [3].

В 2003 г. торговый оборот между КНР и КНДР составил 1,2 млрд долл., 70 % из которых – китайские поставки КНРД [2, 107]. В 2008 г. внешнеторговый оборот между КНР и КНДР составил 2,79 млрд долл., что на 41,3 % больше, чем в 2007 г. [13]. В 2010 г. на долю Китая пришлось 83 % внешней торговли КНДР, в денежном эквиваленте это выразилось в 4,2 млрд долл. [5].

Несмотря на рост товарооборота между двумя странами в последние годы, двусторонняя торговля пока не может развиваться более динамично из-за ограниченного числа источников твердой валюты у КНДР. Решение проблемы наметилось лишь с подписанием в мае 2011 г. между правительствами КНР и КНДР соглашения об обменном курсе валют обеих стран.

Основными статьями китайского экспорта в Северную Корею являются автомобильное топливо и нефтепродукты, второе и третье места занимают нагревательные приборы, продукция машиностроения и изделия из пластика. Из продовольствия в КНДР из КНР поступают мясо и зерновые. В свою очередь, Северная Корея экспортирует в Китай уголь и железную руду, морепродукты. В небольших объемах экспортируются предметы широкого потребления.

Большое значение на рубеже XX – XXI вв. отводилось приграничной торговле. Центром приграничной торговли в 1990-х гг. стала зона Раджин-Сонбон, располагающаяся на стыке границ КНДР, КНР и России. Из Китая в Северную Корею поступали одежда, обувь, косметика, бытовая техника, продовольствие. В приграничных китайских городках возникали «корейские рынки», ассортимент которых отражал потребности северокорейских челноков. В Китай из Северной Кореи частные торговцы везли морепродукты, лекарственные растения, частным образом продавались медь, цветные металлы, золото, антиквариат. В настоящее время китайско-северокорейская приграничная торговля сохраняет свое значение и развивается в соответствии с разрешением 1954 г. приграничной торговли между Яньбянь-Корейским автономным округом КНР и КНДР в городах Тумэнь (Китай), Намьян, Хверён, Кхёнвон и Мусан (КНДР). В 2002 г. была образована особая административная зона Синьджу. В приграничном китайском городе Даньдун в настоящее время сосредоточено около 70 % китайско-северокорейской приграничной торговли [8]. Проекты приграничного сотрудничества позволяют в отмеченных городах КНДР развивать легальные и нелегальные рынки [7, 117]. Приграничная торговля способствует проникновению китайских товаров и в центральные районы Северной Кореи.

Китайское руководство, стремящееся развивать три северо-восточные провинции своей страны (Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян), заинтересовано в укреплении экономического взаимодействия с КНДР. Китайский бизнес вкладывает значительные средства в северокорейскую экономику. В 2005 г. было заключено китайско-северокорейское соглашение о технико-экономическом сотрудничестве. Символом дружбы обеих стран стал вступивший в строй в г. Тэане стекольный завод «Дружба», построенный при участии Китая. В 2009 г. Китай получил право на строительство большого моста через реку Амноккан, а после его завершения – разрешение на развитие причалов порта Раджин. Была достигнута договоренность о строительстве китайскими специалистами нового автомобильного моста, связывающего китайский город Даньдун с северокорейским Сыньджу. Северокорейская компания ЧханЛи Групп получила монопольное право на расширение первого причала и двух якорных стоянок порта Раджин и последующее их использование. В планах Китая модернизация дороги от Синьджу до Пхеньяна в целях создания в дальнейшем автомобильного сообщения на Кэсон, которое позволит получить выход в Южную Корею (Сеул, Пусан) [9]. За первое полугодие 2011 г. КНР более чем в 1,5 раза увеличила число инфраструктурных проектов, реализуемых на территории КНДР. Особое значение имеют создание и модернизация транспортно-логистических сетей, связывающих крупные промышленные центры КНДР с китайскими провинциями, возведение мостов в приграничных районах, строительство объектов энергетики, восстановление портов [3]. Десятки миллионов долларов вкладываются китайскими бизнесменами в строительство в КНДР супермаркетов и отелей.

В июне 2011 г. представители Китая и КНДР провели в провинциях Северо-Восточного Китая Ляонин и Цилинь второе заседание двустороннего Комитета по совместному управлению развитием двух экономических зон на территории КНДР – торгово-экономической зоны Расон и экономической зоны на островах Хвангумпен и Вихва.

Одним из приоритетных курсов в китайско-северокорейских отношениях является развитие туризма. Предполагается, что ежегодно Северную Корею будут посещать более 150 тыс. китайских туристов [3].

Предпринимаемые обоими правительствами усилия в решении внешнеполитических задач определили ключевые направления развития в двусторонних отношениях, стали катализатором активизации торгово-экономического сотрудничества между сторонами.

Вместе с тем имеет место зависимость КНДР от КНР по многим экономическим направлениям. Такая ситуация напрямую связана с введенными рядом западных стран в отношении КНДР санкциями, запрещающими реализовывать добываемые КНДР полезные ископаемые на внешних рынках. Северокорейское руководство стало рассматривать Китай в качестве стратегического партнера, принимающего участие в разведке, добыче и потреблении природных ресурсов. Так, по итогам 2010 г. экспорт минерального сырья из КНДР в КНР превысил 860 млн долл., что в 10 раз больше показателей 2009 г. Китайские компании смогли добиться от Пхеньяна разрешения на долгосрочное освоение залежей железной руды, освоение медных и золотых рудников и разработку угольных шахт в ряде районов КНДР. В 2011 г. в горнодобывающей отрасли КНДР стало функционировать около 15 основных и смежных предприятий с участием китайского капитала. Предполагается, что их число к началу 2012 г. может увеличиться в 5 раз [3]. В перспективе планируется совместная разведка и освоение нефте- и газоносных месторождений шельфа Желтого моря. В случае если добыча нефти составит не менее 15 млн т нефти в год, КНР получит возможность обеспечить себя запасами стратегического сырья и частично диверсифицирует географию поставок углеводородов. Реализация этого проекта для КНДР позволит снизить зависимость от импорта нефти из КНР, которая в XXI в. достигла 90 % от общего объема ее потребления страной [4], обеспечить свои энергетические потребности и приступить к масштабной модернизации экономики.

В XXI в. китайско-северокорейское сотрудничество стало активно расширяться. При этом КНДР постепенно вовлекается в сферу военно-политических и экономических интересов КНР, превращаясь в рынок сбыта китайских товаров и источник сырья для промышленности северо-восточных провинций Китая. Опыт китайско-северокорейского политического и экономического сотрудничества может стать примером для России, руководство которой намерено укреплять безопасность своих дальневосточных границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешние экономические связи КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://koreasaram.ru/Vneshnie-ekonomicheskie-svyazi-KNDR>.
2. Забровская, Л. В. Роль КНДР в международной жизни Северо-Восточной Азии / Л. В. Забровская, А. Н. Ролин // Россия и АТР. – 2005. – № 1. – С. 103-110.
3. Караиванов, А. А. О расширении китайско-северокорейского экономического сотрудничества [Электронный ресурс] / А. А. Караиванов. – Режим доступа: <http://www.riss.ru/?commentsId=186>.
4. Китай прекратил поставки нефти в КНДР, утверждает газета // Новости NEWS.ru. 31.10.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsru.com/arch/finance/31oct2006/chinaoil.html>.
5. Китайско-корейская торговая дружба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2011/06/14/kitajsko-korejskaya-torgovaya-druzhba>.
6. Корсун, В. А. Внешняя политика Китая на пороге XXI в. / В. А. Корсун. – М.: МГИМО(У), 2002. – 196 с.
7. Миронова, И. Корейская проблема в свете новой дипломатии Китая / И. Миронова // Индекс безопасности. – 2010. – № 4(95). – Т. 16. – С. 115-122.
8. Началось строительство нового моста между Китаем и КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2011/01/03/38607026.html>.
9. Отношения между КНДР и Китаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rodop.org/polit-100524111658>.
10. Панин, А. Северная Корея. Эпоха Ким Чен Ира на закате [Электронный ресурс] / А. Панин, В. Альтов. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/193357/read>.
11. Панкина, И. Ю. Торгово-экономические отношения между Россией и КНДР / И. Ю. Панкина // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 5. – С. 168-170.
12. Титаренко, М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии / М. Л. Титаренко. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 624 с.
13. Vajoria, J. The China-North Korea Relationship [Электронный ресурс] / J. Vajoria. – Режим доступа: <http://www.cfr.org/china/china-north-korea-relationship/p11097>.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T.E.Nalivayko, M.V.Shynkoruk

**К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
СОВРЕМЕННОГО ВУЗА**

**ON THE PROBLEM OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A MODERN UNIVER-
SITY THEACHER**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013. Phone: +7 (4217) 53-98-25, e-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-421-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya Street, flat 21, Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013. Phone: +7 (421) 27-28-05, e-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлен системный анализ профессиональной компетентности преподавателя вуза, рассмотрены структура и виды профессиональной компетентности преподавателя, выявлены сущность и структура коммуникативной педагогической компетентности, охарактеризованы её уровни.

Summary. The paper offers a systematic analysis of the professional competence of a university teacher, of the structure and types of teacher's professional competence, of the nature and structure of communicative competence of teaching, characterized by its levels.

Ключевые слова: преподаватель, компетентность, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность.

Key words: theacher, competence, communicative competence, professional competence.

УДК 37.013:371

Актуальной проблемой высшего профессионального образования является вопрос о профессиональной компетентности преподавателя. Это связано с тем, что именно преподаватель, педагог является проводником образовательной цели. «Педагогический процесс, кроме всего прочего, – пишет по этому поводу В. В. Сериков, – это еще и самореализация учителя, с известной самостоятельностью полагающего свои цели, содержание, средства. И любой «проект», «заказ» и т.п., прежде чем дойдут до ученика, должны быть им приняты. И если даже ему предложат другую, более «научно» поставленную цель, в которой он не видит возможности реализовать самого себя, она все равно не будет им достигнута. Как бы ни бы-

ло технологизировано воспитание – это, прежде всего, общение душ, а потом уже функционирование «программ», «систем» и т.п.» [8, 53]. Поэтому профессионализм, педагогическая грамотность, компетентность педагога всегда рассматривалась как важное условие эффективности образовательного процесса. К сожалению, это условие далеко не всегда соблюдается в полной мере. В связи с этим вновь возникает необходимость осмысления такой категории, как профессиональная компетентность педагога.

Профессиональная компетентность преподавателя представляет собой интегральную многоуровневую профессионально значимую характеристику личности и деятельности преподавателя, опосредующую результативный профессиональный опыт [2, 3].

А.К. Маркова выделяет несколько видов профессиональной компетентности, наличие которых означает зрелость человека в профессиональной деятельности:

- специальную компетентность – владение собственно профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, способность проектировать свое дальнейшее профессиональное развитие;

- социальную компетентность – владение совместной профессиональной деятельностью, сотрудничеством, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения; социальная ответственность за результаты своего труда;

- личностную компетентность – владение способами личностного самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональным деформациям личности;

- индивидуальную компетентность – владение способами самореализации и развития индивидуальности в рамках профессии, готовность к профессионально-личностному росту, самоорганизации и самореабилитации [5, 34-35].

Н.В. Кузьмина в структуру профессиональной педагогической компетентности включает пять видов компетентности:

1) специальную и профессиональную в области преподаваемой дисциплины;

2) методическую в области способов формирования знаний, умений у учащихся;

3) социально-психологическую в области процессов общения;

4) дифференциально-психологическую в области мотивов, способностей, направлений учащихся;

5) аутопсихологическую в области достоинств и недостатков собственной деятельности и личности [3, 90].

Когда речь идет о развитии социальной и коммуникативной компетентностей студентов, именно третий вид (составляющая) компетентности преподавателя приобретает особое значение. Объясняется это самим механизмом формирования компетентности.

Природа компетентности такова, что она, будучи продуктом обучения, не прямо вытекает из него, а является следствием самоорганизации и обобщения деятельностного и личностного опыта. Опыту нельзя научить. Его можно приобрести, накопить, обогатить в процессе выполнения определенной (соответствующей) деятельности. Для опыта, составляющего основу социальной и коммуникативной компетентностей, такой деятельностью, в первую очередь, являются социальная (общественная) деятельность и общение, полноценно организовать которые способен лишь педагог, обладающий компетентностью в данной области.

Проблема педагогической социально-коммуникативной компетентности, представленная идеей диалогических отношений педагога и учащихся, их сотрудничества, взаимопонимания, нашла отражение в трудах великих педагогов прошлого и современности: И.Г. Песталоцци, Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, Ш.А. Амонашвили, А.А. Леонтьева, В.А. Кан-Калика, А.А. Бодалева и др. Краткий экскурс в историю педагогической мысли, представленный в работе Г.С. Трофимовой [47], позволит лучше понять проблемы сегодняшнего дня.

Более трехсот лет назад великий чешский педагог Ян Амос Коменский призывал учителей быть приветливыми и ласковыми, не отталкивать от себя детей своим суровым обра-

щением, а привлекать их своим отеческим расположением, манерами и словами. Любовь к детям поможет завоевать их сердца, изменить их отношение к школе.

Крупнейший немецкий педагог-теоретик XIX века Иоганн Фридрих Герbart, развивая эту мысль в работе "Общая педагогика, выведенная из целей воспитания", особо подчеркивает важность установления контакта между воспитателем и воспитуемым и видит два пути осуществления его: либо воспитатель входит в переживания ребенка, проявляя необходимый такт при этом, либо он стремится дать доступ сочувствию воспитанника к себе лично. При этом Герbart высказывался как против поддельной дружественности со стороны учителей, так и против "слишком рьяного" воспитания, то есть того стиля общения с учениками, который мы сегодня называем авторитарным.

Русская педагогическая мысль искала пути к сердцу человека, способы и средства воздействия на душу ребенка. С.Т. Шацкий к таковым относит умение учителя наладить эмоциональную сторону общения. А.С. Макаренко был страстным пропагандистом воспитательной техники. Известно его высказывание о том, что воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель, по его мнению, должен себя так вести, чтобы каждое его слово воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет.

Идеи гуманизации, педагогики сотрудничества, равноактивного взаимодействия с учащимися получили свое развитие в современных педагогических исследованиях, но на сегодняшний день фактически не разрушена сложившаяся система императивного обучения и воспитания, в основе которой, по словам выдающегося грузинского исследователя Ш.А. Амонашвили, лежит априорно предполагаемое положение о том, что без принуждения невозможно приобщить обучающихся к учению.

Современные исследования физиологов показывают, что 30-40 % неврозов обучающихся связаны с педагогическим общением, поскольку педагог нередко прибегает к стрессовой тактике (окрик, упрек, унижение), которая реализуется через речевые средства.

Представленные тезисы свидетельствуют о том, что не только социально-коммуникативное развитие обучающихся, но и их общее самочувствие напрямую зависит от уровня профессионально-педагогического общения, которое в широком смысле понимается как «общение между педагогом и учащимся, в ходе которого педагог решает учебные, воспитательные и личностно-развивающие задачи» [6, 63].

Профессионально-педагогическое общение требует специальной подготовки, одним из аспектов которой называют развитие педагогической коммуникативной компетентности, понимаемую как «способность педагога к ориентации в ситуациях профессионально-педагогического общения и эффективному взаимодействию с учащимися на основе гуманистической ценностной диспозиции его личности и педагогического опыта» [9, 48]. Основу педагогической коммуникативной компетентности составляет совокупность знаний и умений в области вербальных и невербальных средств для адекватного восприятия и отражения действительности в различных ситуациях общения.

Личность преподавателя вуза можно считать коммуникативно-компетентной, если он ориентируется в ситуациях педагогического общения, имеет определенный опыт реальной педагогической деятельности. Ситуации педагогического общения – это условия, в которых реализуется система приемов и навыков взаимодействия учителя и учащихся с помощью различных коммуникативных средств.

Исследуя педагогическую коммуникативную компетентность, Г.С. Трофимова представляет её в форме трехкомпонентной модели, в основании которой находится гуманистическая ценностная диспозиция личности (см. рис. 1).

Диспозиционная концепция предложена В.А. Ядовым. Она характеризует социальное поведение личности в зависимости от состояний ее готовности к определенному способу действий.

Гуманистическая ценностная диспозиция (предрасположенность) формируется на основе ряда морально-психологических качеств личности, таких как искренность, такт, общительность и др.

Искренность – это свойство личности выражать в словах, эмоциях, поступках свои подлинные мысли, чувства, намерения.

Такт – это интуиция гуманного человека, как бы подсказывающая ему наиболее деликатную линию по отношению к окружающим. Такт предполагает способность личности к эмпатии.

Рис. 1. Модель педагогической коммуникативной компетентности

Эмпатия (греч. *empathia* – сопереживание) – это постижение эмоциональных состояний другого человека, это скорее процесс, чем состояние. Источником эмпатии является противоречие в эмоциональном мире индивида между собственными переживаниями и воспринятыми переживаниями другого лица. Это противоречие рождает потребность в восстановлении комфорта чувств. Существует некоторая разница между обычной эмпатией и эмпатией педагогической, которая заключается в том, что педагог, вступая в общение с учеником, проявляя сопереживание, сочувствие, содействие, не просто стремится установить с ним комфортные отношения, а пытается посредством выражения эмпатии добиться воспитательного эффекта [7, 84].

Факторный анализ, осуществленный исследователем Г.С. Трофимовой, позволил определить факторную структуру педагогической коммуникативной компетентности. Её слагаемыми являются:

- 1) способность устанавливать контакт с аудиторией;
- 2) стремление к взаимопониманию с учащимися;
- 3) способность управлять своим эмоциональным состоянием;
- 4) способность располагать к себе и транслировать собственную расположенность учащимся [9, 4].

Обозначенные характеристики могут рассматриваться в качестве показателей сформированности педагогической коммуникативной компетентности педагога дополнительного образования при оценивании уровня её сформированности.

Анализ исследований, посвященных изучению коммуникативной компетентности педагогов [2; 9; 5; 3; 1 и др.], позволяет охарактеризовать уровни педагогической коммуникативной компетентности преподавателя вуза.

Высокий уровень педагогической коммуникативной компетентности характеризуется тем, что у её носителя сформированы коммуникативные умения педагогического оценивания: он умеет адекватно оценивать позицию и свойства личности студента, умеет оказывать внушающее и стимулирующее воздействие на обучающихся, умеет устанавливать педагогически целесообразные отношения со студентами, правильные (равноправные) отношения с их родителями, со своими коллегами; умеет предотвращать и разрешать конфликты. В ситуации конфликта в основном выбирает тактику сотрудничества. Преподавателя с высоким уровнем педагогической коммуникативной компетентности отличают: высокая степень информированности в области общения; умение устанавливать контакт с группой учащихся и отношения взаимопонимания с каждым из них; владение речевыми и невербальными средствами общения, с помощью которых он легко транслирует собственную расположенность собеседнику; способность управлять своим эмоциональным состоянием, оптимизировать эффективное речевое поведение в стереотипных ситуациях педагогического общения. Для него характерны инициативность и непринужденность в общении.

Находясь на средневысоком уровне коммуникативной компетентности, преподаватель стремится адекватно оценивать нравственные и волевые качества своих студентов. Умение устанавливать целесообразные отношения с собеседником ограничены кругом студентов и своих коллег; имеются некоторые затруднения в общении с собеседниками, старшими по возрасту и положению; в ситуациях конфликта нередко избирается тактика приспособления или избегания, то есть отмечаются непродуктивные линии поведения в ситуации разногласия. Диалогическая направленность личности в общении довольно высока, но в структуре личности достаточно высок и процент конформной направленности. Для преподавателей данного уровня коммуникативной компетентности характерно не столько умение, сколько стремление к установлению контакта с группой и отношений взаимопонимания и сотрудничества с отдельными студентами.

Средний уровень педагогической коммуникативной компетентности характеризуется тем, что, с одной стороны, эти преподаватели так же, как представители других уровней, испытывают стремление к установлению отношений сотрудничества с обучающимися; способны определять уровень их информированности, симпатии и антипатии; владеют нормами литературного языка, в поведении следуют этическим нормам. С другой стороны, для данной группы педагогов препятствием на пути к эффективному общению являются:

- низкий уровень информированности в области межличностного общения;
- невладение невербальными средствами общения; неуверенность в жестах, позе, мимике;
- невыразительность используемых вербальных средств общения; неумение владеть голосом;
- неспособность владеть вниманием учащихся, устанавливать контакт с аудиторией;
- неспособность управлять своим эмоциональным состоянием перед большой аудиторией и в ситуации конфликта.

Средненизкий уровень коммуникативной компетентности характеризуется тем, что педагоги, испытывая все те же трудности в общении, что и представители среднего уровня, более категоричны в восприятии и оценке как студентов, так и других людей. Они склонны недооценивать волевые и нравственные качества обучающихся и переоценивать свои собственные. Предпочитаемой тактикой поведения в конфликте является соперничество или компромисс.

Преподавателей с низким уровнем сформированности профессиональной коммуникативной компетентности отличает авторитарная или конформная направленность в общении. Как правило, ориентируясь на равноправие в общении, сотворчество и взаимное развитие, преподаватель не владеет ни речевыми, ни вербальными средствами выразительности, не способен выразить собственную доброжелательность к учащимся, логично и последовательно строить свое высказывание. Избираемая тактика поведения в конфликте – компромисс и избегание.

Как показало исследование Г.С. Трофимовой [9], из более 200 респондентов большее количество человек (25,5 %) демонстрируют средненизкий уровень развития коммуникативной компетентности, что свидетельствует о необходимости осуществления специальной учебно-методической работы по развитию коммуникативных способностей педагогов дополнительного образования.

В решении поставленной задачи полезен опыт работы с педагогами в системе методической работы лицея № 14 города Ставрополя. Особенностью методической работы в лицее является то, что в её структуре появляется подструктура – оперативная помощь педагогу (ОПП), способствующая решению насущных проблем педагогов. При этом сервисное обслуживание выполняет консультативный совет, включающий психолога, социолога, заместителей директора, ведущих учителей, ученых, педагогов-наставников.

Система методической работы с преподавателями по развитию коммуникативной компетентности представляет многоуровневую структуру различных видов и форм работы: деятельность в составе членов кафедры, самообразование, постоянно действующие семинары, научно-практические дискуссии и т.д.

Основной организационной формой осуществления методической работы в представляемой модели выступают временные коллективы, способные инициировать внедрение новых приемов работы и обеспечивающие научно-методическое сопровождение инновацион-

ных процессов в образовательном учреждении. К ним относятся: проектные команды, модульные команды, лаборатории, целевые или творческие группы.

В методической деятельности широко используются следующие приемы: актуализации жизненного опыта, позволяющие организовать эффективное взаимодействие и сотрудничество педагогов дополнительного образования; стартовой актуализации жизненного опыта, выявляющие, каким запасом теоретических и практических знаний обладают участники педагогического процесса, и создающие психологическую установку на получение новой информации; опережающей проекции деятельности при организации теоретических и практических семинаров, педагогических дискуссий по актуальным вопросам дополнительного образования; дополнительного конструирования незаконченной образовательной модели при актуализации творческого потенциала педагога, его потребность в самореализации; творческого моделирования идеальных образовательных объектов, направленные на построение педагогом в своем воображении идеальной модели объекта, материалом для которой служит жизненный опыт и информация, полученные в процессе обучения профессиональной деятельности и др. [10, 136].

Самой распространенной формой развития педагогической коммуникативной компетентности преподавателя вуза выступает действие методического семинара, организованного в рамках повышения квалификации преподавателей и позволяющего решать задачи усиления теоретической составляющей подготовки преподавателя и одновременно предоставлять возможности для проявления и развития практических умений в определенной профессиональной области. Программа такого семинара должна иметь интегративный характер, т.е. включать вопросы психолого-педагогической теории и различных речеведческих дисциплин (культуры речи, лингвистики, риторики), что придает ему инновационную направленность.

Итак, педагогическая коммуникативная компетентность преподавателя вуза, включающая стремление к взаимопониманию со студентами, способности устанавливать контакт с аудиторией, управлять своим эмоциональным состоянием, располагать к себе и транслировать собственную расположенность студентам, рассматривается как грань педагогического мастерства, составляющая профессиональной компетентности преподавателя, а ее формирование и развитие – как условия успешности профессионально-педагогического общения и педагогической деятельности, направленной на развитие ключевых компетентностей студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин, Е. А. Технология формирования коммуникативной компетентности молодых специалистов вуза на этапе адаптации к педагогической деятельности: автореф. дис.... канд. пед. наук / Е. А. Головкин. – Ставрополь, 2004. – 20 с.
2. Козырева, О. А. Концептуальная модель развития профессиональной компетентности педагога / О. А. Козырева // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2002. – № 6.
3. Кузьмина, Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М., 1990.
4. Маленкова, Л. И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Л. И. Маленкова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 480 с.
5. Маркова, А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя / А. К. Маркова // Советская педагогика. – 1990. – № 8.
6. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: учеб. для студ. высш. и сред. учеб. заведений / С. А. Смирнов, И. Б. Котова, Е. Н. Шиянов [и др.] ; под ред. С. А. Смирнова. – М.: Академия, 2004. – 512 с.
7. Селевко, Г. К. Компетентности и их классификация / Г. К. Селевко // Народное образование. – 2004. – № 4 (№ 1337). – С. 138-142.
8. Сериков, В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В. В. Сериков. – М., 1999. – 124 с.
9. Трофимова, Г. С. Методика измерения уровня педагогической коммуникативной компетентности учителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://competence.nbzone.ru/measuring.html>.
10. Черноусенко, Т. И. Моделирование системы дополнительного образования (на примере инновационного образовательного учреждения): дисс. ... канд. пед. наук / Т. И. Черноусенко. – Ставрополь, 2003.

Племенюк М. Г.
M.G.Plemeniuk

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНИМАЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

CULTURAL STUDIES AT A TECHNICAL UNIVERSITY AS A METHOD FOR UNDERSTANDING CONSCIOUSNESS FORMATION

Племенюк Марина Георгиевна – кандидат педагогических наук, доцент, докторант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина 27; 8(4217)53-90-21. E-mail: marinaplemenyk@mail.ru.

Ms. Marina G. Plemeniuk - PhD in Education, Associate Professor, Doctoral Candidate, A.I. Herzen State Pedagogical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur. Phone: +7 (4217) 53-90-21, e-mail: marinaplemenyk@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена вопросам методологии и методики преподавания культурологии как общеобразовательной дисциплины. Цель работы – показать, что изучение культурологии является эффективным средством повышения качества профессионального образования студентов негуманитариев.

Summary. The paper deals with the issues of methodology and teaching methods used in the culturology/cultural studies as an academic discipline. The paper demonstrates that culturology as an academic minor is an effective means of improving occupational education quality among university students of natural and engineering science.

Ключевые слова: понимание, понимающее сознание, общеобразовательный курс культурологии, качество образования.

Key words: understanding, prehensive consciousness, culturology as an academic discipline, and quality of education.

УДК 008(7)

В условиях перехода на уровневую подготовку специалистов актуальным становится вопрос о качестве получаемого образования и роли культурологии в этом процессе. Современное представление о качестве университетского образования неразрывно связано не только с комплексом формирующихся у студентов компетенций, но и с изменениями, происходящими в сознании будущих специалистов. Именно сознание характеризует многие стороны поведения личности – от целей и ценностей до осознания результатов профессиональной деятельности по критериям реальности и будущего. Формирование сознания, способного к осознанию мультикультурности мира, является одной из актуальных проблем культурологического образования.

Меняются ценностные ориентиры познания – теперь интерес и значимость представляют не знание само по себе, а те компетенции, технологии, которыми должен овладеть будущий специалист. Утверждаются представления о неустранимой погруженности науки в технологический дискурс, о неразрывном сцеплении науки и технологии, утверждается идея о том, что именно в технологиях проявляются базовые цели познания и предназначение научного знания [10]. Однако в итоге складывается ситуация, которая может быть обозначена как негативное развитие социальности, проявляющееся в «отставании человеческого фактора от развития информационных технологий» [8]. В то же время научное осмысление про-

Племенюк М. Г.

**ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНИМАЮЩЕГО СОЗНАНИЯ**

блемы качества образования показывает, что решающую роль в определении уровня получаемого образования играет сознание, профессионализм.

«Профессионализм, как отмечает Э.В. Коротков, – нечто большее, чем обладание определенным объемом знаний и навыков. Это, помимо всего прочего, искусство поиска и выбора вариантов действий, организационно-техническое конструирование деятельности, обоснование позиций и убеждение оппонентов, самообразование, возможность освоения и накопления опыта. Профессионализм формируется последовательно и постепенно. Можно много знать, но не быть профессионалом, можно многое уметь, но при этом также не быть профессионалом. Способность образования формировать профессионалов в своем собственном процессе – одна из важнейших его характеристик. Профессионализм, по крайней мере, в главных своих чертах не должен опираться на послевузовское накопление опыта использования знаний методом проб и ошибок, усилия целенаправленной адаптации к практическим условиям деятельности. Профессионализм – это элемент образовательного процесса. И он может быть различным» [7]. Сознание – это основа профессионализма в любой сфере профессиональной деятельности. Что лежит в основе такого сознания, как оно достигается, какие средства и методы и способы способствуют его формированию, какую роль играет в этом процессе изучение культурологии в техническом вузе?

Проблематика культурологии выходит за рамки компетенции сложившихся научных дисциплин социально-гуманитарного профиля, и в этом смысле культурологическое знание имеет метанаучный, трансдисциплинарный характер [3; 2]. Культурология, изучающая культуру как целое, уже в силу этого не может рассматриваться как гуманитарная наука «в ряду других», также как и представляющая её в образовательном пространстве вуза учебная дисциплина. Отметим, что понимание культурологии как общеобразовательной дисциплины в подготовке специалистов, получающих высшее техническое образование, сегодня претерпевает изменения в контексте изменения представлений о познании и коммуникационной деятельности человека, но неизменной остаётся направленность общеобразовательного курса культурологии на развитие личности, которое не ограничивается когнитивной сферой. А именно: знания, умения и навыки выполняют в нём роль не самоцели, а средства. Соответственно и результаты обучения выражаются в таких понятиях, как личностные смыслы, развитие, опыт, индивидуальные способности.

Взаимосвязь компонентов, определяющих функционирование педагогической системы, в число которых входят: цели педагогической деятельности, отношения субъектов образовательного процесса, его содержание, средства педагогической коммуникации (методы, приемы и средства обучения), организационные формы педагогической деятельности, позволяет выявить сущность изучения культурологии. Для выявления цели педагогической деятельности при организации изучения культурологии в техническом вузе мы руководствуемся бахтинским определением культуры как антропологического феномена и пониманием гуманитарного мышления как мышления, обладающего единственностью и всеобщностью. Анализ отношений преподавателя и студента в таком случае показывает, что они должны быть нацелены не столько на усвоение некоторого (пусть даже значительного) объёма информации, не только на формирование определенных компетенций, среди которых, безусловно, важное место занимает культурологическая компетентность, сколько на развитие способности постигать смысл знания о культуре и понимать его значение для повседневной жизни и профессиональной практики. Однако сложность методологического анализа системы отношений преподавателя и студента как субъектов образовательного процесса, выстраиваемых при организации изучения культурологии, заключается в том, что трудно провести границу между знание-ориентированным и культуроориентированным направлениями в её организации. В то же время именно понимание определяет изначальное условие, порождающее конкретный способ культурной деятельности: её формы и цели, особенности, вариативность, смыслы. По мнению И.Т. Касавина, простое понимание смысла, «понимание смысла так же, как и другие», влечет за собой автоматическую деятельность, выполнение «социальных ро-

лей», но не реализацию человеком своего творческого начала в жизнедеятельности. Подлинное понимание, то есть обратный перевод смысловой структуры в «духовную жизненность её истока» есть сознательное непонимание оригинала путем его самостоятельного переосмысления», приводит к адекватным действиям [5].

В теоретическом плане понимание «соотносится со способностью субъекта определенным образом воспринимать текст культуры и выражать собственное к нему отношение через поведенческую активность – то есть действовать в соответствии с социокультурным контекстом, не ограничиваясь процедурами обнаружения смысла, а акцентируя свое внимание на процессе его образования в конкретных деятельностно-коммуникативных ситуациях» [8, 241]. Но когда речь идет о стремительном возрастании объемов информации как активной среды пребывания человека, интенсификации воздействия информационных потоков на человеческое сознание, «информационном шоке» или «шоке будущего» (А. Тоффлер), о состоянии «потерянности» и «удрученности» (П. Валери), о «нулевой степени культуры» (Ж.-Ф. Лиотар) – безостановочном стремлении человека туда, где «что-то происходит» и невозможностью для него зафиксировать своё положение в определенных координатах, то выполнение операций по обнаружению смысла, самообоснованию себя в культуре, целостному (не фрагментарному) мышлению становится затруднительным, а порой и невозможным без специальной подготовки. Такую подготовку, ориентированную на формирование понимающего сознания, целостного мышления и развитие умения интерпретации, может дать изучение культурологии как общеобразовательной дисциплины.

При этом, что важно отметить, умение понимания и навык интерпретации необходимы современному человеку и специалисту любого профиля, так как в ныне существующей ситуации одному и тому же «жизненному миру» соответствует несколько совершенно разных «научных миров», то есть в повседневной практике и в любой области профессиональной деятельности имеется, если воспользоваться представлением П. Рикёра [12], набор герменевтических объектов, каждый из которых обладает своими символами и своими законами, интерпретирующими их состояние. Констатация этого факта стала основанием для поиска нового вектора в представлении культурологического знания в системе высшего профессионального образования. Отличительной особенностью нового подхода является то, что способы усвоения культурологического знания ориентируют не на запоминание информации, а на понимание смыслового пространства культуры [13; 4]. Собственно герменевтическая идея интерпретации, вынесенная за пределы анализа текстов, рассматриваемая как основа человеческого познания [16; 1], выступает как попытка герменевтического подхода в педагогике. Его применение способствует практическому овладению культуроориентированными практиками на основе понимания.

В рамках герменевтико-феноменологических штудий XX – XXI вв. выдвигается идея «предпонимания», специфика которого заключается в его детерминирующей роли в субъективном акте восприятия. Акцент с онтологии понимания перемещается на его эпистемологические, когнитивные аспекты. Происходит смена контекста исследования. Вместо хайдеггеровского понимания как проявления человеческой сущности, историчности и фактичности бытия, главным становится контекст обусловленности понимания сложившимися межличностными отношениями, интерсубъективное взаимодействие в процессе понимания и его социокультурная детерминированность, способность создания, воссоздания и передачи смысла в коммуникативном дискурсе. Понимание теперь становится, прежде всего, пониманием «другого». И здесь главную роль начинает играть феномен предпонимания, детерминированность понимания некими скрытыми установками, обусловленными традицией, личной историей и социальным контекстом. Проблема предпонимания традиционно связывается с обоснованием методологии истолкования и интерпретации, развиваемой не только философской герменевтикой, но также и феноменологией. Последняя использует категорию «предпонимание» применительно к деятельности рассудка – осознания или осмысления, для которого предпонимание должно рассматриваться как одно из основополагающих и фундамен-

Племенюк М. Г.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНИМАЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

тальных понятий теории познания. Особую значимость эта проблема приобретает в условиях «информационной революции» (Д. Робертсон), обозначаемой как информационная эра, «электронная галактика Маркони» (М. Маклюэн). При этом возникает парадоксальная ситуация, которая заключается в том, что, с одной стороны, невозможно игнорировать погруженность человека в информационное пространство и недооценивать влияние социокультурной среды на процессы смыслопонимания и смыслопорождения, а с другой стороны, возникает необходимость преодоления избыточной информативности среды, избыточности знания. Разрешить этот парадокс можно через переход сознания в иное качественное состояние, характеризующееся поиском связанности и целостности, стремлением к осознанности получаемой информации [9; 6]. Новое качественное состояние сознания, способного на такого рода действия, представимо как одно из возможных следствий междисциплинарного освоения знания. Как отмечает Л.П. Киященко, сознание вступает в новый цикл расширения, преодолев свою междисциплинарную разорванность, восстанавливает как бы на новом витке существовавшее до дифференциации знание по предметам синкретическое единство мировидения в действии-поступке. Видения, по преимуществу, умом, сохраняя, в основном, дистанцию в отношениях с миром [6]. Синергетизм такого сознания, как пишет Э.С. Маркарян, обладает потенциальностью восстановить со-бытийное существование в мире, используя традицию обращения к накопленным возможностям, образующим традицию [9]. Традиция, объединяющая человеческое сообщество, проходит, прежде всего, по каналу знания – вербализуемого опыта – одному «из механизмов социальной памяти общества» [14]. Но даже в таком виде традиция, представленная как вербализуемое знание, дает возможность поместить её в более широкий контекст понимающего сознания [17].

В настоящий момент в системе культурологического образования наблюдается очевидный разрыв между содержательным потенциалом науки культурологии, общеобразовательными и методическими возможностями вузовского курса общеобразовательной культурологии и уровнем его освоения в рамках учебного процесса. Культурология как общеобразовательная дисциплина сможет выполнять функцию развития понимающего сознания, если будет обладать качествами «культурной модели», т.е. предлагать «скоординированную схематизацию» разделяемых всеми субъектами культуры значений. Интерсубъективное смысловое пространство культуры определяется некой общей когнитивной ориентацией, которая и воплощается в культурных моделях. Брешь, образуемая между конвенциональными моделями понимания культуры и их персональными вариациями, является необходимым условием для продолжения регенерации интерсубъективных значимых систем понимания из индивидуальной практики. Поэтому можно утверждать, что культурная обусловленность значения того или иного социокультурного явления не ограничивает возможностей индивидуального смыслотворчества, но только обеспечивает вероятность схождения осмысления нового опыта членами сообщества. В свою очередь, если бы мы отрицали культурную детерминанту в конструировании индивидуальной системы значений, было бы невозможно понять, как конвенциональные репрезентации превращаются в мощные стимулы персональной мотивации. Следовательно, как пишут Е.Я. Режабек и А.А. Филатова, «каждый индивид в каждый момент времени располагает определенным интегральным продуктом опыта своих отношений с окружением, то есть когнитивной моделью, задача которой состоит в упорядочивании его последующего опыта» [11]. Задача же общеобразовательного курса культурологии, так как её понимает А.Я. Флиер, – введение элементов систематизированного культурологического знания во все сегменты как общего, так и специального образования» [15], фиксируя тем самым традиционный тип понимания образования как накопления некоторого объёма знаний, не решает задачу становления профессиональной культуры выпускника высшей школы. Как показывает анализ, культурологическое образование, если его рассмотреть как дискурсивную практику, складывается из двух потоков: культурологического содержания и дидактической формы. Именно так до сих пор строится наше культурологическое образование: культурологи пишут учебники, методисты создают их дидактическую оболочку (тот

факт, что обе роли иногда совпадают, дела не меняет). Такое положение институализировано разделением кафедр культурологии и методики в педагогических вузах. Следствием этого факта является пресловутая модель содержания и формы, где содержание объявляется главным и первичным, а дидактическая форма – вторичной. Ошибочность такого подхода заключается в том, что целью обучения в вузе продолжает оставаться знание (объём информации) истории, теории культуры и методов её изучения, но не культурологическое мышление студента и его понимающее сознание. Как только мы переформулируем таким образом задачу, чтобы знание стало средством, а не целью, модель формы и содержания потеряет всякий смысл: вместо отбора культурологической информации для запоминания и соответствующих методических приемов возникнет необходимость построить дискурсивную практику, которая бы осуществила культурологический образовательный синтез предметного содержания, личных смыслов студента и преподавателя.

Развитие понимающего сознания, определяемого нами как сфера синтеза субъективно воспринимаемой реальности и субъектно организованного рационального знания, формирующегося в поглощающем его контексте пред-понимания, углубляющегося и совершенствующегося по мере накопления информации о мире, раскрывает смысл изучения культурологии и делает её изучение эффективным средством повышения качества профессионального образования студентов негуманитариев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М., 1988.
2. Запесоцкий, С. А. Становление культурологической парадигмы / С. А. Запесоцкий, А. П. Марков. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 56 с.
3. Каган, М. С. О методологическом своеобразии гуманитарного знания / М. С. Каган // Избранные труды. В VII т. Т. I. Проблемы методологии. – СПб.: ИД «Петрополис», 2006. – С 110-124; Его же. О проблемном поле, образуемом пресечением онтологии и культурологии / Там же. С. 138-139.
4. Кармин, А. С. Основы культурологии: морфология культуры / А. С. Кармин. – СПб.: Лань, 1997. – 512 с.
5. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с.
6. Киященко, Л. П. Что сознание понимает в знании? / Л. П. Киященко. Режим доступа: <http://philosophy.Allru.net/perv64.html>
7. Коротков, Э. М. Управление качеством образования: учеб. пособие для вузов / Э. М. Коротков. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2007. – 320 с.
8. Костина, А. В. Теоретические проблемы современной культурологии. Идеи, концепции, методы исследования / Костина А. В. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 288 с.
9. Маркарян, Э. С. Науки о культуре и императивы эпохи / Э. С. Маркарян. – М., 2000. – С. 48-50.
10. Ракитов, А. И. Прологомены к идее технологии / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 3-15.
11. Режабек, Е. Я. Когнитивная культурология: учеб. пособие / Е. Я. Режабек, А. А. Филатова. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 149.
12. Рикёра, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёра. – М., 2002.
13. Розин, В. М. Философия образования / В. М. Розин. – М.: Московский психолого-социальный институт, НПО «МОДЭК», 2007. – 576 с.
14. Розов, М. А. О природе идеальных объектов науки / М. А. Розов // Материалы Международной конференции «Смирновские чтения», – М., 1997.
15. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистров и аспирантов, докторантов и соискателей, а также для преподавателей культурологии / А. Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 91.
16. Хайдеггер, М. Преодоление метафизики / М. Хайдеггер // философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. Он же. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. – М., 1993.
17. Чистов, К. В. Традиции, «традиционные общества» и проблема варьирования / К. В. Чистов // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 106.

Кортун Е. А.
Y.A.Kortun

СИНОНИМИЯ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ И НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

SYNONYMY IN TERMINOLOGY (BASED ON THE TERMS USED IN OIL EXTRACTION AND REFINING INDUSTRY).

Кортун Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Мира, д.39, кв.28; 8-4217-54-74-55. E-mail: johnnyslim@mail.ru.

Ms. Yekaterina A. Kortun – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk – on – Amur, 39 Mira St., flat 28. Phone: +7 (4217) 54-74-55, e-mail: johnnyslim@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению явления синонимии в английской терминологии нефтедобычи и нефтепереработки. В статье раскрывается понятие терминологической синонимии, анализируются различные точки зрения относительно терминологической синонимии, приводится классификация синонимов, выявляются причины возникновения терминологической синонимии.

Summary. This paper offers a consideration of synonymy in the English terminology of oil refinery and oil extraction. The author attempts to consider the notion of terminological synonymy. Different points of view on the problem of terminological synonymy are reviewed. A classification of the synonyms is offered, reasons for the rise of terminological synonymy are explained.

Ключевые слова: термин, синонимия, терминосистема.

Key words: term, synonymy, a term system.

УДК 802.0:801

Проблема использования нескольких специальных лексических единиц для именованного одного понятия исследуется достаточно давно как терминоведением, так и другими отраслями лингвистического знания. Синонимия как уникальное лингвистическое явление рассматривается языковедом в разделе лексической семантики и в рамках семасеологии, изучается с точки зрения семантической структуры синонимов, а также в рамках когнитивного подхода в семантике, при котором исследуется сигнификативный аспект данного явления. Изучением разных аспектов синонимии занимались такие отечественные и зарубежные лингвисты, как Л. Блумфилд, Ф.Р. Палмер, В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, В.А. Звегинцев, Ю.С. Степанов, М.И. Фомина, А.П. Евгеньева и др.

Кратко обобщая основные теоретические исследования относительно синонимии, можно отметить, что, несмотря на различия в детерминации синонимии как лингвистической данности и обилие подходов к изучению этого явления, большинство ученых считают синонимию обособленным языковым явлением, которое характеризуется особыми сложными отношениями между компонентами, и в зависимости от характера этих отношений компоненты будут классифицироваться по-разному в рамках определенного исследования.

Констатируя сходство многих теоретических положений относительно синонимии как лингвистического явления, необходимо отметить, что при номинировании центрального понятия всех научных исследований, а именно определения синонимии, не существует един-

ства мнений. Одни исследователи исходят из того, что синонимические отношения построены на общности значения слова; вторые говорят о соотносительности смысловых и предметно-логических основ в слове, третьи исходят из общности структурной модели употребления и схожих моделей сочетаемости. Еще одна достаточно многочисленная группа ученых опирается на то, что для реализации синонимических явлений необходима прямая соотносительность с референтом, а также соотносительность с референтом на основе образного сравнения.

Таким образом, общим местом в изучении анализируемого лингвистического аспекта является поиск универсальных критериев реализации лексических значений синонимов, а также вычленение ключевых оснований для структуризации знаний о данном явлении и возможность применения общих правил функционирования к частным случаям проявления данного явления.

Согласно наиболее распространенному пониманию синонимии, синонимическими отношениями связаны близкие или совпадающие по значению слова, выражающие одно и то же понятие, но отличающиеся один от другого оттенками значений, принадлежностью к определенному стилистическому слою языка. Опираясь на это определение, можно утверждать, что синонимы – это слова, обозначающие одну и ту же вещь, но акцентирующие различные ее аспекты, или слова, тождественные по общему значению, различающиеся его смысловыми или стилевыми оттенками.

Интересующая нас область проявления синонимии – техническая терминология, по мнению В.И. Болотова, появилась при совпадении понятия и лексического значения [1]. Поэтому наиболее значимым критерием терминологической синонимии является сходство денотатов. Именно поэтому при рассмотрении явления синонимии терминов интересен сигнификативный аспект значения, поскольку он дает возможность рассмотрения контекстуальной синонимии с позиций смыслового сходства и соотносительности денотата с референтом.

Как известно, «лексическое значение слова изучается языкознанием и определяется общими свойствами знака, его семантикой, синтактикой и прагматикой» [2, 48]. Оно соотносится с категорией понятия, но не совпадает с ним: оно может быть шире или уже понятия. Кроме того, если это слово – термин, то оно может использоваться в разных значениях в зависимости от контекста, сферы употребления и синтаксических особенностей языка.

Необходимо отметить, что, несмотря на разницу в подходах к основаниям синонимических отношений, в качестве основных критериев существования синонимии большинством ученых выдвигаются следующие: 1) сходство – абсолютная идентичность, совпадение лексических значений; 2) тождественность лексических значений – близость, различие в оттенках; 3) близость, но не тождественность лексических значений. Однако теоретические расхождения не мешают в конкретных случаях оценивать и категоризировать те или иные слова как синонимы.

Что же касается терминологической синонимии, то в данном вопросе остается еще много нерешенных теоретических проблем. Так, например, открытым остается вопрос об избыточности средств формального выражения понятия «синоним», существующего для применения в терминологии. Учитывая отличия в синонимии общеупотребительного языка и специальной лексики, ученые предлагают для определения этого явления такие термины, как «дублетность», «вариант», которые они соотносят с понятием «абсолютный синоним» и «терминологический эквивалент», а «межъязыковое терминологическое соответствие» – с условными синонимами [6, 123]. Такое положение, с одной стороны, свидетельствует о существовании нескольких близких понятий и неустойчивости наших представлений об их содержании, а с другой – способствует сохранению такой неустойчивости в самой науке, усложняя тем самым процесс стандартизации метаязыка определенной терминологии.

С учетом актуальности терминологических исследований в общем и проблемы существования терминологической синонимии в частности необходимо рассмотреть синонимиию как один из семантических процессов, имеющих место в терминологии нефтепромышленности.

Кортун Е. А.

**СИНОНИМИЯ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ
НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ И НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)**

Объектом исследования стали термины терминосистем нефтедобыча и нефтепереработка, отобранные методом сплошной выборки из терминологических словарей [7], [8], нормативных документов, представляющих ряд отраслевых регламентов.

В современном терминоведении достаточно распространено убеждение, что систематизация терминов способствует упорядочению и развитию соответствующей области знания. Трудно не согласиться с этим мнением. Разделяя его, мы в то же время считаем целесообразным разработку вопроса об установлении единства в понимании основных внутринаучных понятий, что, на наш взгляд, позволит сосредоточить внимание на дальнейшем развитии систем классифицирования и квалиметрирования исследуемых научных отраслей. Исходя из этого, представляется необходимым опираться на положения традиционной семантики и семасиологии, для которых «синоним – базовое понятие, по типу и степени сходства денотатов подразделяющееся на абсолютные синонимы, синонимы с включением значения, с частичным совпадением значения» [3, 97].

Категория синонимичных наименований, понятий и представлений существует как в специальной, так и в общеупотребительной лексике, однако значение ее для этих пластов лексики далеко не однозначно и оценивается лингвистами по-разному, так как, в отличие от синонимии общеупотребительных слов, синонимия терминов представляет собой несоответствие между термином и понятием, т. е. избыточность средств формального выражения понятия.

Основная проблема существования терминов-синонимов связана с тем, что использование разных реализаций одного и того же явления может вызывать у специалиста, употребляющего данные лексемы, неуверенность в том, что пользующиеся определенными лексемами говорят об одном и том же понятии. Это приводит к затруднению взаимопонимания, к сбоям в работе специалистов и, безусловно, вызывает бесчисленные споры о терминах, даже в пределах одного языка. Поэтому в работах, посвященных нормализации терминологии, традиционно выдвигается требование отсутствия синонимов. Так, например, Н.В. Левандровская, отмечая недопустимость терминологической синонимии, утверждает, что «в действительности термины, называющие концепты специальных структур знания, могут включать и варианты, и дублиеты, и синонимы. Соотнесенные с одним и тем же понятием такие термины неравноценны по устойчивости, частотности, сфере употребления, их образование связано со стадией возникновения и становления новых концептов данной сферы знания»

[1, 56]. Наличие нескольких синонимичных терминов вызывает у пользующихся ими специалистов одной или нескольких отраслей стремление находить разницу (часто несущественную) между дефинициями, что нередко приводит к искажению их содержания. Ю.Д. Апресян замечал, что «в ряде случаев различия между синонимами не могут быть сведены ни к различиям в их толковании в собственном смысле слова, ни даже к коммуникативным свойствам..., а касаются прагматических и других экстралингвистических условий их употребления, их возможных референтов» [4, 97]. Таким образом, справедливо утверждать, что терминологические единицы можно считать синонимами, если они будут референционно соотноситься в любой сфере реализации. Другие лингвисты, напротив, рассматривают терминологическую синонимию наравне с общеупотребительной синонимией как позитивное и достаточно распространенное явление. Ю.Н. Марчук, например, отмечает, что «такие семантические классы терминов, как синонимия, имеют едва ли не большее распространение, чем соответствующие группы слов в общелитературном языке. Благодаря этим разрядам терминологических единиц выражаются многообразные логико-понятийные взаимосвязи в терминологии. С помощью множественности номинативных средств реализуется лабильность мыслительных структур» [4, 204]. С такой точкой зрения трудно согласиться, потому что терминологическая внутриотраслевая синонимия в отдельных случаях способна нарушить сформировавшиеся логические связи между профессиональными и научными дефинициями, повлиять на обособление отрасли функционирования термина в узкоспециальную терминологию. Кроме того, немотивированное использование терминологических синонимов в профессиональных текстах влечет за собой утрату значимости термина как однозначной единицы уникального научного понятия.

Современное языкознание много внимания уделяет проблемам терминологической синонимии, считая важным аспектом этой области знания необходимость упорядочения употребления основных терминов. На наш взгляд, оптимальной является классификация, предложенная С.В. Гриневым [5]. Основываясь на данных разработках, мы классифицировали термины-синонимы терминов отраслей авиапроизводства и лётного дела и получили следующие результаты.

В исследуемой терминосистеме отношения синонимии достаточно хорошо развиты: 250 терминов имеют синонимы (468 синоним), т. е. приблизительно на каждый термин приходится 2,07 синонима, длина синонимического ряда вариативна и составляет 2 – 5 синонимов на один термин.

При систематизации отобранного материала были выделены: **абсолютные синонимы**, которые, в свою очередь, были подразделены на графические варианты; фонетические варианты; деривационные варианты; синтаксические варианты; морфолого-синтаксические варианты; композитные варианты.

К графическим вариантам относятся следующие термины: *benzine – benzin – бензин; benzole – benzol – бензол; kerosene – kerosene – керосин.*

Обилие графических вариантов можно объяснить исторически сложившимся сосуществованием устаревшего и современного слова или ареальных разновидностей английского языка.

К фонетическим вариантам относятся: *agent – [eid nt] – [ˈeid ənt] – агент; fluid – [ˈfluid] – [flu:ɪd] – жидкость; petrol – [petrl] – [ˈpetrəl] – бензин.*

Наличие фонетических вариантов связано с существованием разных произносительных традиций и территориальных вариантов английского языка.

К деривационным вариантам можно причислить *machine oil – machinery oil – машинное масло; dissolvent – resolvent – solvent – растворитель; oil – oiling – смазка; смазывание.*

Появление деривационных вариантов можно объяснить следующими причинами:

- 1) упрощением морфемной структуры лексемы из-за утраты нескольких морфем;
- 2) наличием синонимических аффиксов (префиксов и суффиксов);
- 3) синонимией грамматических форм.

Примером синтаксических вариантов могут послужить следующие синонимы: *plane piloting – piloting of plane – пилотирование; sweptforward wing – forward-swept wing – крыло с обратной стреловидностью.*

Одной из разновидностей морфологических синонимов можно считать морфосинтаксические варианты. Чаще всего встречается эллиптическая вариация термина с выпадением одного, реже нескольких избыточных в смысловом плане элементов: *diesel-fuel oil – diesel fuel – дизельное топливо; residual fuel oil – residual oil – остаточный нефтепродукт, нефтяной остаток; gear box oil – gear oil – смазочное масло для коробки передач; transmission gear oil – transmission oil – трансмиссионное масло.*

Еще одним видом синтаксических синонимов являются композитные термины, т. е. формы, образованные сложением основ или частей многокомпонентного термина, включая аббревиатурные формы: *aviation gasoline – avgas – авиационный керосин; locking nut – locknut – lock nut – контргайка.*

Кроме абсолютных синонимов, в анализируемом материале можно также выделить следующие подтипы синонимов, которые С.В. Гриневым именуется **условными**. Следует отметить, что количество условных терминов гораздо больше, чем абсолютных. На 250 терминов приходится 94 условных варианта, среди которых были также выделены квазисинонимы, текстуальные синонимы (варианты), ситуационные варианты.

Такой объем условных синонимов относительно абсолютных подтверждает точку зрения многих терминоведов о том, что абсолютная синонимия научных терминов носит временный характер, который проявляется на этапах возникновения, формирования, развития новых терминов в результате становления научной и технической мысли. Следовательно, абсолютно синонимичные термины редко надолго остаются в языке, в то время как условные варианты, являясь наиболее продуктивными в плане образования, имеют значительные шансы закрепиться в том или ином подязыке науки.

Кортун Е. А.

**СИНОНИМИЯ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ
НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ И НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)**

К квазисинонимам можно отнести следующие примеры: *cutting fluid – lubricating fluid – смазка; storageability – conservability – сохраняемость.*

Примерами текстуальных синонимов (используемых для замены более объемного термина в условиях, исключающих ошибку в понимании) являются: *soft petroleum ointment – petrolatum; emulsified crude oil – sediment.*

К ситуационным синонимам относятся: *bitumen – pitch mineral – битум; cutting fluid – cooling mixture – смазочно-охлаждающая жидкость; kerosene – burning oil – керосин;*

Вышеизложенные иллюстрации синонимических параллелей английских терминосистем нефтедобычи и нефтепереработки позволяют сделать некоторые выводы.

Проанализировав 250 терминов терминосистем «нефтепереработка» и «нефтедобыча» и систематизировав их в соответствии с классификацией терминолога С. В. Гринева [4], мы выявили превалирование в терминопле «нефть» условных синонимов: 94 лексем, из которых наиболее многочисленны ситуационные синонимы (45 синонимов). Достаточно велико количество абсолютных синонимов в исследуемой терминологии: 56 единиц, среди которых наиболее распространена морфолого-синтаксическая вариация (24 синонима от общего числа синонимов). Приблизительно одинаковое количество лексем текстуальных и квазисинонимов: 26 и 23 единицы соответственно. Фонетических вариантов в анализируемой лексике встретилось лишь 8 единиц, синтаксических синонимов – 11; словообразовательных – 13 лексических единиц.

Интенсивность проявления синонимии в английской терминологии, на наш взгляд, вызвана следующими причинами: 1) широким употреблением терминов в смежных областях нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, что, в свою очередь, обусловлено быстрым развитием этих областей; 2) семантической скудостью существующего запаса терминов, необходимостью более точной и исчерпывающей номинации новых понятий; 3) влиянием словообразовательных и синтаксических языковых процессов; 4) активным использованием ареальных разновидностей английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса: моногр. / Л. Ю. Буянова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. – 185 с.
2. Болотов, В. И. Значение слова, термина и энциклопедическое значение имени собственного / В. И. Болотов // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига, 1983. – С 103-114.
3. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие / Б.Н. Головин [и др.]. – М., 1987. – 268 с.
4. Гринев, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М.: Моск. лицей, 1993. – 309 с.
5. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1979. – 246 с.
6. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 252 с.
7. Левандровская, Н. В. Глагольная синонимия в терминологии военной авиации (на материале английского и русского языков) / Н. В. Левандровская // Современная лингвистика: теория и практика: материалы VII межвуз. науч.-метод. конф. Ч.1. – Краснодар, 2007. – С. 97.
8. Марчук, Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учеб. пособие / Ю. Н. Марчук. – М., 2007. – С. 144.
9. Суперанская, А. В. Общая терминология: терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
10. Сусов, И. П. Введение в языкознание: учеб. / И. П. Сусов. – М., 2007. – 357 с.
11. Татаринцев, В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический Словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм / В. А. Татаринцев. – М.: Моск. лицей, 2006. – 528 с.
12. Толикина, Е. Н. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии / Е. Н. Толикина. – М.: Заря, 1970. – 269 с.
13. Булатов, А. И. Англо-русский словарь по нефти и газу / А. И. Булатов. – М.: «РУССО», 2005. – 352 с.

Рассоха М. Н.
M.N.Rassokha

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА: ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ON THE ISSUE OF LANGUAGE FUNCTIONS: IDENTIFICATION

Рассоха Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: m rassokha@gmail.com

Ms. Marina N. Rassokha – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (city of Vladivostok). E-mail: m rassokha@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает вопросы выявления и определения функций языка преимущественно в двух ракурсах: с точки зрения языковой системы и в перспективе речевой деятельности. Наряду с традиционно выделяемыми функциями языка – коммуникативной, когнитивной и эмоциональной предлагается обзор и критический анализ спорных вопросов содержания и статуса целого ряда других функций языка. Обосновывается теоретическая значимость выделения функции идентификации, содержание которой определяется свойством языка маркировать лингвокультурную принадлежность индивидуумов и коллективов.

Summary. The paper examines the issues of determining language functions primarily from two perspectives: a system approach and discursive interpretation. An overview of traditional functions – communicative, cognitive and emotional is provided along with critical analysis of the content and status of a number of other language functions. The author argues the importance of distinguishing one more language function and suggests a term for it – “identification”. In this function language marks and translates cultural-linguistic identity of speakers and speech communities.

Ключевые слова: функции языка, функции языка и речи, функция идентификации, лингвокультурная идентичность

Key words: language functions, language and speech functions, identification function, cultural-linguistic identity

УДК 801:001.8

Сущность и природа языка, как известно, выражаются в его функциях. В специальной литературе, как показывает даже беглый обзор, выделяется разное количество функций – от двух-трех до двадцати пяти, при этом их часто подразделяют на функции языка и речи. Приходится признать, что до сих пор разнообразие подходов и несходство точек зрения составляют существенный момент в определении функций языка (см. прим. 1). По этому поводу следует согласиться с А.В. Оляничем в том, что проблема выделения самих функций языка, их количества и назначения может быть отнесена к «вечным проблемам» языкознания [10,158].

В репертуаре функций языка нередко выделяют так называемые базовые функции. Кроме эмоциональной, к ним относят коммуникативную и когнитивную, называя их главнейшими функциями [7]. Действительно, две стороны одного процесса трудно разъединить: в целом общение людей в языковом коллективе тесно связано с познавательной активностью, через общение также аккумулируется опыт общественной и личной практики. Это обуславливает достаточно сложное содержание базовых функций, что отражается в терминологии

гической неоднозначности. К примеру, в лингвистической литературе когнитивную функцию также называют кумулятивной, гносеологической, познавательной, иногда экспрессивной и так далее [1; 4; 7; 9; 10; 12]. При этом акцентируется, с одной стороны, свойство языка сохранять и передавать накопленный гносеологический опыт языкового коллектива в виде систем значимых единиц, с другой, участвовать в речемыслительных процессах и операциях. В этой связи обращается внимание на общественную значимость языка, на общественный характер его функций: «...язык обладает общественными функциями, и сколько бы функций у него не было, все они имеют общественный характер...» [1, 33-34].

Кроме коммуникативной, когнитивной и эмоциональной многие авторы к главным функциям также относят и метаязыковую функцию [7]. Отнесение метаязыковой (металингвистической) функции к функциям языка первого порядка, т.е. базовым, на наш взгляд, довольно спорно. Данная функция, как известно, заключается в способности языка являться «средством исследования и описания языка в терминах самого языка» [7, 564] или, по словам Н.Б. Мечковской, в комментировании использования языка в речевой деятельности [9, 20]. Однако в такой трактовке эта функция по сравнению с другими базовыми функциями достаточно узкоспециальна. Если рассматривать язык в качестве системы знаков, обслуживающей социокультурную деятельность людей, то очевидно, что язык также используется для описания и исследования не только самого себя, но и любых других феноменов действительности. И в каждом случае средствами языка создается свой метаязык, свой терминологический аппарат для изучения и описания того или иного общественного института или явления. В узком же смысле – использование языка в качестве метаязыкового комментария – данная функция сводима скорее к стратегии общения и в основном выражается в явлении водности (*так сказать, собственно говоря ...*), и шире – модальности (*необходимо подчеркнуть*). Таким образом, представляется нецелесообразным относить металингвистическую функцию к базовым. Она, скорее, в данной трактовке является разновидностью когнитивной функции, используемой для исследования и описания явлений действительности, в том числе самого языка. Сходную позицию отмечаем также в работе В.Б. Кашкина, указывающего, что металингвистическая функция является не столько функцией языка, сколько частью деятельности его носителя [3]. Этот автор также подчеркивает, что выделяя метаязыковую деятельность, мы, разумеется, говорим лишь об одном из аспектов языковой деятельности и человеческой деятельности в целом [3].

Помимо того, что функции языка рассматриваются исходя из его системных свойств, из «лингвоцентрической модели коммуникации» [10, 158], в целом в ряде работ известны также попытки представить соотношение функций языка и речевого акта [9; 10; 12]. Данный ракурс, предложенный Р. Якобсоном, позволяет показать функционирование языка в речевой действительности, в самом акте использования языка [13]. При этом отметим, что разделение на функции языка и речи в этом свете представляется условным, как и само деление на язык и речь, как известно, является теоретическим построением, необходимым, впрочем, для лучшего понимания сущности и природы языка. Тем не менее, проекция функций языка на речевую деятельность позволяет провести их более детальное описание и систематизацию и, в конечном итоге, выявить содержание того, что мы понимаем под главной коммуникативной функцией. Так, с компонентами речевого акта – адресантом, референцией, сообщением, контактом, кодом и адресатом (структура коммуникативного акта по Р. Якобсону) – связана актуализация ряда функций. Например, участники коммуникации адресант и адресат могут реализовывать такие функции, как: *апеллятивную* (призывно-побудительную, конативную или регулятивную), заключающуюся в обращении к адресату с целью побуждения его к восприятию речи; *эмоциональную* (эмотивную по Р. Якобсону), передающую эмоциональное состояние говорящих; *контактоустанавливающую* (социативную, фатическую), создающую общее единое коммуникативное пространство говорящих и укрепляющую контакт между ними. При этом речевой акт в целом реализует коммуникативную и гносеологическую функции, которым подчинены вышеназванные функции речи, таким образом, их, в ко-

нечном счете, «можно рассматривать как особые частные проявления основной функции языка – коммуникативной» [7, 565; 9, 15].

Необходимо подчеркнуть, что при таком подходе содержательное и терминологическое деление функций языка на «базовые» и «частные» представляется целесообразным и не противоречащим делению на функции языка и речи. Так, коммуникативная, когнитивная и эмоциональная функции относятся к базовым первичным. Частными или производными от коммуникативной функции будут, например, апеллятивная, фатическая и некоторые другие, обеспечивающие успешное протекание коммуникативной деятельности. С когнитивной соотносятся: функции овладения социокультурным опытом, номинации нового опыта с помощью языковых знаков, аксеологическая, заключающаяся в оценке явлений действительности, и другие. Эмоциональная функция, соответственно, связана с модальной функцией и эстетической (поэтической). Последняя, выделяемая как функция речи, выражает отношение к языку как эстетическому объекту и обращает внимание, прежде всего, на благозвучие, красоту фигур речи, точность и искусность рифм, художественную ценность языкового произведения в целом [7, 564; 9; 12]. Очевидно, что вышеперечисленные функции языка в неодинаковой степени могут реализовываться в речевой деятельности, они часто дополняют друг друга и взаимодействуют друг с другом. Закljučая, отметим, что выделение частных или производных функций представляется целесообразным, так как, «разложив» коммуникативную функцию на отдельные составляющие, мы можем вскрыть сложный многоаспектный характер коммуникации.

В целом акцент на использовании языка в речевой деятельности и выделение достаточно большого количества языковых функций обусловлены глубоким интересом к функционированию языка, что проявилось в развитии лингвистического функционализма в XX веке [2]. Последний позволил лингвистам сосредоточиться на функциональной стороне многих языковых единиц и структур, их роли в коммуникации и, в целом, в новом свете подойти к функциям языка (см. прим. 2). Проблема функций языка, подчеркивает Н.А. Слюсарева, вызывает особый интерес в связи с *расширением сфер изучения языка в действии* (выделено нами), особенностей разговорной речи, функциональных стилей, лингвистики текста и т.д. [7, 565].

В связи с «новыми попытками построения антропоцентрической модели коммуникации» [10, 158], особенно важно, как представляется, обратиться к проблеме функций языка с точки зрения *коммуникативного взаимодействия с целью лингвокультурного (само)определения и позиционирования*. Признается, что коммуникативная деятельность человека и его язык напрямую связаны с идентификацией его самого и коллектива, к которому он принадлежит: «язык является наиболее распространенным способом идентификации человека» [16, 57]. Введение в качестве параметра коммуникации такого показателя, как идентичность коммуникантов, подводит к выявлению и определению новой функции языка – *функции идентификации*.

Исходя из того, что функция языка – это «проявление его сущности, его назначения и действия в обществе» [7, 564], сущность и содержание функции идентификации, как очевидно, состоят, с одной стороны, в выделении и отождествлении человека через его индивидуальное использование языка, с другой, в определении средствами языка лингвокультурной уникальности сообщества в целом. Иными словами, именно язык является инструментом выражения индивидуальной и коллективной идентичности, и именно в языковой коммуникации формируются и транслируются разного рода идентичности.

Следует подчеркнуть, что на данное назначение языка неоднократно обращали внимание лингвисты. Э. Сепир был одним из первых, указавших на свойство языка идентифицировать индивидуумов и группы людей в языковом и культурном плане. Характерно, что это свойство рассмотрено им в разделе, посвященном языковым функциям. При этом автор не дает терминологических наименований функциям языка, определяя их в общем как «первичные» и «производные» [11, 231]. В качестве первичных функций называется – достаточно

обобщенно – употребление языка в сферах общения, мышления и выражения чувств. В то же время указывается, что особый интерес для исследователей общества представляют производные от них функции, а именно роль языка в социализации членов общества и, во-вторых, сохранение языком культуры [11, 231]. Сепир, таким образом, приближается в своих рассуждениях к тому, что мы определяем как функцию идентификации. Так, прежде всего, он обращает внимание на язык как фактор социализации, отмечая, что «обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке» [11, 232]. Справедливо подчеркивая психологическую значимость принадлежности к языковому коллективу (семье, школе, профессиональному союзу и т.д.), Сепир указывает на свойство языка (речи) «выполнять символическую функцию выделения данной группы из более обширной группы. <...>Это инстинктивно чувствуется большинством людей: “Он говорит как мы” равнозначно утверждению “Он один из наших”» [11, 232]. Наряду со свойством языка выделять языковой коллектив, т.е. действовать «как социализующая и унифицирующая сила», автор также указывает и на роль языка выделять индивидуума из его языковой группы [11, 231]. Язык отождествляет индивидуума на основе таких характеристик, как особенности звучащей стороны речи, характер и объем словаря и его качественное содержание, строение предложений, языковые привычки и пр. Таким образом, примеры и рассуждения этого выдающегося лингвиста, по сути, указывают на свойства языка вербально позиционировать и репрезентировать языковые группы, а также дифференцировать его членов, что соотносимо с функцией языка, которую мы предлагаем называть идентифицирующей.

Впоследствии на свойство языка выразить индивидуальную и групповую идентичность неоднократно указывалось в специальной литературе. Так, Н.А. Слюсарева пишет, что есть «функция хранения и передачи (разрядка автора) национального самосознания, традиций культуры и истории народа» [7, 564]. Она также не дает названия этой функции, относя ее к частным, производным функциям, совмещающимся с коммуникативной функцией.

Среди названий функций языка и речи встречается также термин «этническая функция» [1; 9]. В частности, Н.Б. Мечковская, выделяя этническую функцию, считает ее не универсальной в отличие от других функций языка. Автор пишет: «Этноконсолидирующая функция является во многом символической, она создается не употреблением языка, а отношением (разрядка автора) людей к языку, национально-культурной идеологией» [9, 24].

Здесь предлагается слишком узкое понимание роли языка в идентификационных процессах языкового сообщества. Следует учитывать, что, во-первых, именно с помощью языка создаются дискурсы, означающие социокультурную уникальность сообщества в целом, в основе которых лежит отношение людей к себе и другим и к языку (и здесь автор права) в том числе. И, во-вторых, язык данного этнического объединения транслирует не только этническую, но и другие виды идентичности. Более того, языком идентифицируется не только этнос или этнические группы внутри него, но и другие языковые группы и коллективы в пределах одного этноса, объединенные и маркированные специальным языком на основе территориальной, профессиональной, социальной, гендерной, религиозной общности и т.д. Например, речь можно вести о региональных вариантах одного языка, указать на наличие городских койне и т.п. Исходя из социолингвистических параметров, можно также назвать детский секретный язык, воровской жаргон, язык профессиональных сообществ и т.д.

Более правомерной в этом вопросе представляется точка зрения Ю.С. Маслова, полагающего, что функция указания на принадлежность к языковому коллективу, напротив, имеет особую значимость. По его словам: «Особое место занимает функция индикатора (показателя) принадлежности к определенной группе людей (к нации, народности, к той или иной профессии и т. д.). В случае сознательного использования этой функции она превращается в своеобразное средство самоопределения индивида в обществе» [8]. Подчеркнем важный мо-

мент сознательного использования данной функции, проявляющегося в намеренном отборе языковых средств самоопределения коллективов и индивидов. Кроме того, обратим внимание на то, что и здесь терминологически данная функция не определена.

Разработка новых парадигм лингвистических исследований довольно часто приводит к иному осмыслению известных науке функций языка, к выявлению новых языковых функций. Так, например А.В. Олянич, исследуя язык в свете антропоцентрического подхода, выявил и обосновал статус особой языковой функции – презентационной [10]. В основе выделения данной функции лежит концепция «социальной драматургии» И. Гоффмана (см. прим. 3). Основное назначение данной функции, по мнению автора, заключается в том, что у говорящих имеется потребность в самопрезентации, которая реализуется как попытка создания у партнера истинного или ложного представления о себе. С целью воздействия на партнера по коммуникации говорящим задействуются определенные языковые элементы. Иными словами, говорящий «формирует цепь эффективных лингвосомиотических моделей своего речевого поведения» [10, 168-169]. Однако, очевидно, что язык выполняет функцию идентификации говорящих не только в этом, но и в более широком смысле. Он отождествляет их и без намеренного с их стороны коммуникативного усилия, только лишь благодаря наличию у них языка и благодаря присутствию в нем конвенциональных структур, указывающих на принадлежность говорящего к лингвокультуре в целом. Таким образом, несмотря на то, что в специальной литературе имеются попытки выявить функцию языка, указывающую на лингвокультурную принадлежность говорящих – индивидуумов и коллективов, т.е. функцию выражения идентичности, до сих пор нет ясности относительно ее содержания и терминологического обозначения.

Исходя из того, что язык является способом присутствия человека в мире, способом оповещения о своей группе/своем сообществе и о себе, то есть о своей идентичности, мы полагаем, что при рассмотрении указанных выше функций, обобщая их, следует вести речь об *идентифицирующей функции языка*. Эта функция языка проявляется практически в любом коммуникативном акте. Брок и Тулашевич подчеркивают, что именно язык являет свою силу в качестве элемента идентификации: «*language proves its strength as an identifying element*» [14, 2]. Действительно, индивидуумы и группы создают дискурсы для выражения своей национальной, профессиональной, возрастной и других идентичностей, которые маркируют их как единый языковой коллектив.

Оставляя в стороне индивидуальные языковые особенности говорящего, транслирующие его идентичность (см. прим. 4), обратимся к проявлениям групповой идентичности и проиллюстрируем ее выражение средствами языка. Реализация функции идентификации видна, в частности, в том, как, например, языковая группа отождествляет себя со своим языком (языками или их разновидностями), с репертуаром определенных вербальных средств. Именно эта совокупность средств языка и будет указывать на лингвокультурную принадлежность коллектива, выделяя его на фоне остальных групп пользователей языка. Можно привести многочисленные примеры, иллюстрирующие данный тезис. В антропологических работах, к примеру, приводятся нередкие случаи использования специального отдельного языка для общения с миссионерами или другими племенами и нежелание (или запрет) говорить на внутригрупповом языке с чужаками. Также данные исследований многих социолингвистов могут быть использованы в качестве яркой иллюстрации идентифицирующей функции языка. Приведем лишь один характерный пример, описанный П. Траджиллом со ссылкой на У. Лабова. Последний отметил, что на острове Martha's Vineyard, находящемся рядом с Новой Англией, присутствуют два типа произношения ряда дифтонгов – традиционное (скорее старомодное) и более позднее, близкое к произносительной норме северо-востока США. Первое воспринималось жителями как менее престижное, и среди островитян наметилась тенденция все чаще прибегать к новому произношению. В 1960-е годы остров стал популярен среди огромного числа отдыхающих из континентальных США, что вызывало в целом недовольство островитян, которые видели в этом угрозу своему жизненному укладу.

Идентифицируя себя как *единый и отдельный языковой коллектив*, противопоставленный приезжим, жители острова, и – что характерно – особенно представители молодого поколения, массово стали возвращаться к традиционному произношению [17, 12–13].

Данный пример является крайне показательным в плане проявления языковой функции идентификации. Именно язык наиболее ярко маркирует групповую солидарность, сообщает об лингвокультурных отличиях своего сообщества от чужого. Именно в этой функции язык стремится устанавливать границы (и барьеры) группы, социума, этноса, четко обозначая «своих» и «чужих». Таким образом, в самом общем представлении идентифицирующая функция языка служит для выделения индивидуума или группы/коллектива, для номинации его особых свойств и характеристик.

Следует подчеркнуть, что функция идентификации в плане указания на принадлежность к языковому коллективу без труда иллюстрируется обширным языковым материалом. Язык как способ самоорганизации общества, установления границ коллектива, говорящего на одном языке, вырабатывает конкретные средства самоотождествления своего языкового сообщества и его представителей.

Обосновывая существование данной функции можно привести давно известный в лингвистике факт прочной когнитивной ассоциации, реализуемой архетипом «народ – язык». Действительно, в самых разных языках находим лексические единицы, являющиеся результатом идентификационного акта называния себя и другого с позиции своего языка. Так, известный аллоэтноним *немцы* собственно означает неспособность говорить на «нашем языке». Также часто ссылаются на греческое *barbarous*, которое использовалось греками для обозначения народов, не говоривших по-гречески. В представлениях греков язык других был груб, неблагозвучен и непонятен: *barbarous*. Устанавливаемая этимологическая параллель греч. *bárbaros* с санскритским *barbaras* “stammering” [15, 74] указывает на то, что при определении одним народом другого народа в первую очередь выделялась его языковая характеристика.

Древний синкретизм значений «язык» и «народ», проявляющийся в слове *язык* известен языкам и другим семей: финно-угорским, турецкому, некоторым языкам Африки [9, 89]. В славянском мире напрямую связывается язык и говорящий на нем народ через отождествление народ = язык. В.В. Колесов указывает, что «соседи славян, иные племена, называются словом *языци*, ибо говорят они иначе, не по-славянски» [5, 23]. Для своих существует наименование *роды*, т.е. актуализируется такая черта, как кровное/этническое родство. «Но вот что любопытно: слово *родь* употребляется только по отношению к своим. Стоило появиться легенде о «призвании варягов» на Русь, как и варяги стали «своими», и у них появились «роды». Всех прочих называли: *языци, иноземцы, тьземци* (той земли жители)» [5, 23-24]. Такие словоупотребления говорят о многом и позволяют судить об основаниях древней языковой и социокультурной идентификации: род как индикатор принадлежности для «своих», язык – для других. Таким образом, при характеристике другого народа уже не отношения родства, а опять же язык становится различающим идентификационным признаком.

В самом деле, язык один из главнейших ключевых признаков этноса, служащий его консолидации и сохраняющий его культурную самобытность. Дихотомия «народ – язык» свидетельствует о «тесной связи этих понятий в сознании людей: один народ – это те, кто говорит на одном языке, а язык – это то, на чем говорит народ, он объединяет народ и отличает его от других народов» [9, 89].

В свете функции языка идентифицировать коллективы говорящих следует проинтерпретировать и наличие в языке лингвонимов, названий языков и диалектов, соотносимых с этнонимами. Тот факт, что лингвонимы *коррелируют* с этнонимами, свидетельствует о тесной связи языка и народа, об отождествлении народа со своим языком: *The English speak English. Русские* говорят на *русском* и т.п. И даже в том случае, когда разные народы пользуются одним языком (но на самом деле его самостоятельными региональными вариантами),

данные варианты, как правило, получают название, эксплицирующее ту же смысловую модель *народ = язык*, например, американский, канадский, австралийский, новозеландский и т.д. варианты английского языка. Действительно, языковые сообщества – от крупных этносов до небольших профессиональных групп – приспособливают и те языки, которые обслуживают несколько социумов. При этом возникают локальные варианты и языковые разновидности для выражения *собственного* опыта, *своего* мировидения, *своего* социального поведения со своими языковыми привычками.

Резюмируя сказанное, также отметим, что существенным в характеристике функции идентификации является то, что ее можно интерпретировать и в терминах функций языка, и как функцию речи. Язык, существующий как система знаков, как семиотический код, которым пользуется определенный коллектив, обладает данной функцией лингвокультурного отождествления языкового сообщества в целом. В речевой деятельности язык также маркирует лингвокультурную принадлежность говорящего, прежде всего, через его языковые действия. Если бы язык не обладал функцией идентифицировать, то мы бы просто не могли определять лингвокультурную принадлежность собеседников.

Подводя итоги рассуждениям о функциях языка, следует еще раз подчеркнуть, что интерес к функциональности в современной лингвистике не случаен. Он обусловлен, в первую очередь, разработкой новых парадигм исследований языка и коммуникативного поведения индивидуумов и коллективов, что заставляет по-новому осмыслить известные науке языковые функции, выявить либо их новые аспекты, либо предложить и описать новые функции. Отсюда – относительно частая инвентаризация функций языка, уточнения их содержания и сфер применения.

Предлагаемая в данной статье идентифицирующая функция языка обладает своей эвристической значимостью именно при исследовании роли языка в коммуникации. Назначение этой функции – использование языка для формирования и выражения языковой и культурной идентичности индивидуумов и групп, обеспечение их социокультурного взаимодействия. Идентифицирующая функция крайне важна для человека для определения своего места в мире, осознания особенностей своего социума, установления наиважнейших референтных связей в идентификационных процессах. Целесообразность включения функции идентификации в репертуар языковых функций обуславливается интересом к феномену идентичности, имеющему яркие проявления в речевой деятельности.

Таким образом, введение и обоснование той или иной функции языка оправдывается целями конкретного исследования и применяемым подходом. Нельзя не согласиться с Е.С. Кубряковой в том, что « чем больший объем свойств и функций языка, чем большее число его сторон, аспектов и т.п. будет адекватно описано, какие бы науки не участвовали в этом процессе, это все равно идет на пользу дела и совершенствует наши представления о таком сложном феномене, как язык» [6, 46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 275 с.
2. Демьянков, В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века. Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Func.htm>
3. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж, 2002. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBTPL2002/KASHKINETPL2002.HTM>
4. Кодухов, В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1979. – 351 с.
5. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 312 с.

Рассоха М. Н.

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКА: ФУНКЦИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ

6. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34-47.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
8. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание. Режим доступа: (http://www.classes.ru/grammar/120.Maslov/html/topic_4.html)
9. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
10. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
11. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. и под ред. проф. А. Е. Кибрика. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 655 с.
12. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М.: «Молодая гвардия», 1995. – 352 с.
13. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. – М., 1975. – С. 193-230.
14. Brock, C. & Tulasiewicz, W. The Concept of Identity: Editors' Introduction // C. Brock & W. Tulasiewicz (Eds.). Cultural Identity and Educational Policy. London and Sydney: Croom Helm, Ltd. 1985. – 350 p.
15. Onions, C.T. The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.T. Onions et al. Oxford: Oxford University Press. 1985. – 1024 p.
16. Spolsky, B. Sociolinguistics. Oxford, Oxford University Press. 2001. –128 p.
17. Trudgill, P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. Fourth Edition, London: Penguin Books, 2000. – 222 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, интерпретации разных функций языка и сопутствующие им терминологические различия находим в работах В.А. Аврорина, Н.Б. Мечковской, В.И. Кодухова, А.В. Олянича, А. Соломоника и других авторов, цитируемых в данной статье.
2. В работе В. З. Демьянкова, например, описывается полифункционализм как естественный языковой феномен и приводятся десятки функций языка [2]. Автор достаточно доказателен, справедливо полагая, что в основе выявления функций должен лежать телеологический принцип.
3. Концепция «социальной драматургии» основывается на сценарности коммуникативного поведения и рассматривает ритуал, игру, драму и др. в качестве форм сохранения социального порядка.
4. Вне всякого сомнения, индивидуальная и коллективная идентичности взаимообусловлены: в любом «я» репрезентируется «мы», что отражается и средствами языка. Вербальное выражение индивидуальной идентичности содержит компонент общего.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A.Shuneyko, I.A.Avdeenko

АДАПТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД СВОИ ЗАДАЧИ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ADAPTATION OF COMMUNICATIVE SPACE FOR ONE'S OWN GOALS AS IMPLE- MENTATION OF SCENARIOS OF INFORMATION&COMMUNICATION EVENTS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin avenue. Phone: +7 (4217) 52-98-18, e-mail: shuneyko@knastu.ru

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language Studies, the Amur Humanitarian and Pedagogical State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. Общая природа этого этапа у всех сценариев такова: участник задает благоприятное в его представлении (продиктованное сценарием) состояние внешней среды и своей координации с ней, наиболее подходящее для реализации целевой установки сценария. В частности, подбирает время и место, организует предметную обстановку, находит оптимальные точки присутствия в среде для себя и собеседника, удаляет неугодных людей и приглашает желательных, устраняет невыгодные обстоятельства и создает выгодные.

Summary. All scenarios have the following manner of modeling: a participant determines a state for the external medium and for his/her coordination with the latter, which to his/her mind (and inasmuch as it is imposed by the scenario) are the most favourable for the implementation of the scenario's goal. In particular, he/she chooses time and place, organizes scenery, finds optimal points of presence for him/herself and his/her partner, sends away undesirable participants and invites eligible ones, eliminates disadvantageous circumstances and creates beneficial ones.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, адаптация, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Keywords: information and communication events scenario, adaptation, participant, information space, communicative space.

УДК: 804.0:801.1

Шестым этапом реализации любого сценария [1] является адаптация коммуникативного пространства под свои задачи в соответствии с диктатом сценария. Общая природа этого этапа у всех сценариев такова: участник задает благоприятное в его представлении (про-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

АДАПТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД СВОИ ЗАДАЧИ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

диктованное сценарием) состояние внешней среды и своей координации с ней, наиболее подходящее для реализации целевой установки сценария. В частности, подбирает время и место, организует предметную обстановку, находит оптимальные точки присутствия в среде для себя и собеседника, удаляет неугодных людей и приглашает желательных, устраняет невыгодные обстоятельства и создает выгодные. По сути, участник сценария производит явное или скрытое декорирование, культивирование коммуникативного пространства с целью обеспечения максимальной комфортности своих действий. Принципы этого декорирования, кроме диктата сценария, определяются коммуникативными стереотипами, семантизацией предметной реальности, а также учитывают специфику используемых участником стратегий и тактик.

Оптимальное время для реализации коммуникативного сценария определяется соединением двух факторов. Во-первых, момента, когда участники максимально предрасположены к успешной реализации данного сценария. Во-вторых, времени суток, которое наиболее благоприятствует проведению сценария. При реальных реализациях значимость каждого из этих факторов может оказываться главенствующей, то есть, например, если участники максимально предрасположены или готовы, то сценарий может быть успешно реализован и в неудобное или неподходящее для него время суток. Но это не отменяет того, что существуют временные отрезки, наиболее подходящие для осуществления сценария. Так, для сценария допроса – это ночь или раннее утро, для сценария отчета – это световой день. Для сценария миротворчества таким временем является послеобеденное время, для сценария провокации – утро и вечер, преимущественно выходных дней. Для сценария самонавязывания – нерабочее время, для сценария отпугивания – вечер и ночь, для сценария состязания – первая половина дня, для сценария подчинения – вторая половина дня, для сценария создания – любое время, для сценария уничтожения – ночь. Для сценария эксперимента оптимальное время суток определяется его условиями, для сценария мимикрии – утро и вечер.

Инициатор любого сценария стремится создать идеальную для реализуемого сценария коммуникативную среду или попасть в неё. Идеальной коммуникативной средой является такая совокупность факторов (обстановки, установок коммуникантов, предписаний, стереотипов), в которой инициатору не нужно прилагать никаких усилий для реализации сценария. Идеальная коммуникативная среда сама решает за инициатора стоящие перед ним коммуникативные задачи. Идеальная коммуникативная среда имеет двойную природу. С одной стороны – это интерьерная среда (совокупность характеристик помещения, предметов, обстановки и т.п.), а с другой – социальная среда, то есть совокупность характеристик участников коммуникации. Различным сценариям свойственно преобладание важности той или иной стороны.

Так, для сценария допроса идеальной коммуникативной средой является пыточная камера (допросная), попадая в которую любой реагент готов выложить всё, что ему известно, еще до того, как его об этом спросят. Для сценария отчета – это среда рок-концерта (закрытое помещение, мощная звукоусиливающая аппаратура, восторженное внимание слушателей). Для сценария миротворчества такой средой является суггестарий (пространство для медитации), в котором отсутствуют раздражающие факторы, но всё направлено на покой, умиротворение. В качестве такой среды для сценария провокации выступает казарма, где отсутствуют напоминания о личных интересах и все коммуниканты нацелены на подчинение внешнему воздействию. Самонавязывание идеально реализуется в зале ожидания, где участники пространства находятся в информационном вакууме и вынужденном бездействии. Для сценария отпугивания такой средой является дом с привидениями, подвал, чердак, присутствие в которых предполагает желание выйти из него, чтобы не столкнуться с тем, что заведомо пугает. Для сценария состязания идеальна коммуникативная среда, в которой инициатор – единственный претендент на первенство или в котором он занимает единственную дорожку в бассейне, где есть попутное течение. Для сценария подчинения, соответственно, такой средой является собрание амбициозных претендентов на доминирование во всём или хотя бы в чем-то. Для сценария создания такой средой является среда, в которой ничего и никого нет, для сценария

уничтожения – захламленный склад, в котором никого нет. Для сценария эксперимента такой средой является хорошо оснащенная лаборатория, для сценария мимикрии – театр.

Коммуникативное пространство путем проецирования представлений и установок на предполагаемую ситуацию насильно наделяется функциями помощника и участника этого сценария или подстраивается к оптимальным условиям коммуникации, что осуществляется за счет подтягивания его характеристик к имеющимся у участников стереотипам успешной коммуникации, в рамках которой всё должно помогать и ничто не должно мешать. Среда должна быть такой, чтобы другие участники не могли повести себя иначе. В этом отношении коммуникативное пространство, в котором в конечном счете реализуется сценарий, виртуально. Причем виртуализацией занимаются все участники сценария, в том числе незапланированные, посторонние, в результате чего действия всех участников напоминают потуги лебедя, рака и щуки. Хотя в лучшем случае, если представления о комфортных условиях и установки на коммуникацию у участников совпадают, результат оказывается положительным. Кроме того, за счет приписывания признаков коммуникативному пространству оно приобретает некоторые соответствующие этим признакам реальные черты.

Общие принципы адаптации коммуникативного пространства дополняются специфическими для каждого сценария действиями, связанными с особенностями решаемых задач.

Сценарий допроса

Коммуникативное пространство организуется так, что инициатор загоняет других участников в угол, каким бы уютным он ни казался. Один из важных факторов – ограничение пространства и выделение его из всего остального либо поиски пространства, которое и так уже ограничено. Оптимальное пространство допроса имеет подавляющий характер, учитывающий предпочтения инициатора, и предполагает, что инициатор и реагент находятся в явно неравноправных условиях, где главенствует инициатор. Главенство может быть реализовано за счет особой интонации, физически более высокой позиции и т.д. Характерной особенностью коммуникативного пространства сценария допроса является предпочтительная направленность света на реагента, которая отражает повышенное внимание к той информации, которую он может сообщить. При этом инициатор стремится оставаться в тени. Координация участников в горизонтальной плоскости предполагает, что инициатор занимает позицию, которая несколько выше позиции реагента, что призвано подчеркнуть ведущий статус инициатора (даже в случае чтения или гадания как разновидностей допроса источник информации находится ниже уровня глаз инициатора). Инициатор стремится удалить участников и предметы, которые могут закрыть реагента, отвлечь от него внимание, поэтому обстановка для допроса максимально аскетична. В интерьер включаются устрашающие предметы (от экзаменационной ведомости до револьвера). На этом аскетичном фоне большую значимость приобретают возможные стимуляторы разговорчивости (кофе, сигареты и т.д.).

Сценарий отчета

Коммуникативное пространство организуется так, чтобы максимально обеспечить одностороннюю направленность трансляции. Для этого инициатору нужно максимально облегчить восприятие, удалить преграды и отвлекающие предметы и одновременно акцентировать собственную авторитетность за счет семиотических свойств элементов обстановки (герб на трибуне, портреты вождей за спиной). В зависимости от темы инициатор может ограничивать пространство («Отойдем в сторону, я тебе что-то скажу») или стремиться к его максимальному векторному расширению во все стороны (желание быть услышанным всеми), в том числе за счет распространения информации реагентами, предположительно (в рамках смоделированного коммуникативного пространства) обладающими свойством передавать услышанное другим. Особенностью коммуникативного пространства сценария отчета является предпочтительная направленность света на инициатора, что подчеркивает важность получаемой от него информации. Это касается как живых, так и неживых трансляторов. Так, не только трибуна, сцена освещается прожекторами, но и в страшные советские времена репродукторы размещались на фонарных столбах. Реагенту же отводится место в тени. Координация участ-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

АДАПТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД СВОИ ЗАДАЧИ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ников в горизонтальной плоскости предполагает, что инициатор занимает позицию, которая несколько выше позиции реагента, что подчеркивает статус инициатора. При том, что инициатор отчета противопоставлен реагентам по признаку единства – множества, что придает ему выделенность и авторитетность, в ситуацию отчета включаются участники (живые или неживые), которые наделяют его статусом транслятора (президиум, спикер, звонок в учебном заведении, диспетчер по расписанию) и защищают право таковым являться.

Сценарий миротворчества

Коммуникативное пространство этого сценария является расслабляющим, успокаивающим и закрытым, учитывающим визуальные, тактильные и слуховые предпочтения участников конфликта, монотонным и монохромным. Оно не должно вызывать у участников конфликта раздражения, отторжения и в то же время должно быть комфортным, стимулирующим (повышающим) доверие к инициатору, консолидирующим, объединяющим, располагающим к снижению активности, демонстрирующим показное равноправие участников. Особенностью сценария миротворчества является предпочтительная рассеянность света в коммуникативном пространстве, которая направлена на создание доверительной, нераздражающей, комфортной атмосферы, лишенной контрастов, значительных перепадов и доминирующего участника. Координация участников в горизонтальной плоскости предполагает, что они находятся на одном уровне (подчеркивание доверительности). Инициатор стремится удалить из ситуации людей и предметы, которые могут её накалить. В то же время он стремится слиться с другими участниками, стать (казаться) таким же. Для этого могут использоваться совместные действия (еда, рыбная ловля, присутствие на матче и т.д.).

Сценарий провокации

Коммуникативное пространство, в котором реализуется сценарий провокации, безразлично к закрытости и открытости, предполагает раздражающий, дестабилизирующий характер, неприемлемый для реагента и не располагающий к сохранению его установок, заполнение пространства вещами. У реагента должно возникнуть желание вырваться из этого пространства, освободиться от него, заменить его на более комфортное. Причем характеристики пространства, в котором реализуется сценарий, контрастно противоположны характеристикам приемлемого пространства, переход в которое так или иначе обусловлен выполнением требований провокатора. Это такое пространство, которое создает и усиливает состояние тревожности и выталкивает реагента в пространство, нужное инициатору. Инициатор создает мосты между дискомфортным (созданным самим же инициатором) и комфортным пространством и предлагает ими воспользоваться, причем эти мосты есть всегда, даже в тупиковых ситуациях. Характеристики освещенности и координации в горизонтальном пространстве могут быть любыми, но предпочтительно – раздражающими, контрастными (например, грабитель прячется в темном углу, а нищий садится на землю). Видимое отсутствие контраста объясняется созданием раздражающего фактора стирания контраста там, где он предполагается. Контраст может реализоваться в неожиданных сочетаниях, обеспечивающих кроме дискомфорта для реагента возможность маневра для инициатора. С другой стороны, пространство для провокации может быть подчеркнута комфортом, но в этом случае комфортная ситуация является продолжением другой, дискомфортной: реагента предварительно помещают (если он сам там уже не находится) в условия, повышающие тревожность, а затем, реализуют провокацию в ситуации комфорта, играющей роль мостика для окончательного перехода в комфортные условия при выполнении действий, нужных провокатору.

Сценарий самонавязывания

Специфика сценария состоит в том, что инициатору важно быть не сверху, а вровень и в центре, на равноприближенном ко всем расстоянии, но в то же время обеспечить такое пространство, которое лишает реагента возможности выхода из него. Поэтому предпочтительными являются ситуации вынужденного контакта (в купе поезда, в самолете, в автобусе, в очереди, за кафедрой в аудитории, в лифте, в кафе, на рабочем месте, если помещение занимают несколько человек), закрытые небольшие пространства. Инициатор может готовить

пространство невербальными средствами: заинтересованным всматриванием в потенциальных реагентов, рассматриванием какого-либо предмета, но при этом он делает ставку на комфортность, привычность среды для него (если кафе – то он его завсегда; если самолет – то он постоянно летает). В то же время он озабочен тем, чтобы в этой среде ничто не отвлекало реагента от инициатора, что также объясняет тягу к закрытым пространствам. Идеальным пространством для самонавязывания является сегмент реальности, организованный как цирковая арена: о самонавязывателях говорят: «Весь вечер на арене». Ему нужно пространство, в котором он может беспрепятственно обращаться ко всем, не быть обеспокоенным тем, что реагенты вот-вот разбегутся; положение, которое воспринимается как его естественное состояние и которое позволяет ему визуально находить подтверждение своим словам. Характеристики комфортности пространства для реагента безразличны самонавязывателю: он будет навязываться и к больному клаустрофобией в лифте. К характеристикам освещенности самонавязыватель также безразличен (он может реализовать сценарий и в полной темноте), хотя допускает и приветствует направление света на себя.

Сценарий отпугивания

Коммуникативное пространство подбирается и организуется таким образом, чтобы оно диссонировало с привычными для реагента условиями и было комфортным для инициатора. В идеале начало активных действий инициатора совпадает с перемещением реагента в подготовленные инициатором неожиданные для него условия. Образно говоря, инициатор запугивания стремится спрятаться за дверью, чтобы из-за неё неожиданно выскочить. Оно позволяет осуществлять неожиданные нападения функционального двойника инициатора. Пространство организуется так, что в нем представлено множество предметов, за которыми кто-либо может прятаться (двери, шторы, ширмы, шкафы), для инициатора важна категория потенциального присутствия неведомой силы или существа. При общем сходстве ситуации запугивания с ситуацией провокации специфика данного сценария не допускает возможности использования комфортных условий. Пространство запугивания преимущественно характеризуется приглушенным освещением (затемнением) с подсветкой лица запугивателя снизу или сзади (получаемые при этом тени придают облику инициатора зловещие черты). Инициатор и реагент не могут находиться на одном уровне: инициатор реализует свои действия либо из-под земли, либо с небес. Важной оказывается характеристика расположения обоих реагентов: это может быть крыша небоскреба, кабина башенного крана или подвал, шахта. Звуковой фон организуется так, чтобы источник звука был реагенту не до конца понятен и создавалось впечатление, что звук создает не столько инициатор, сколько силы, которые он представляет. Пространство может заполняться и резкими звуками, непосредственно связанными с действиями инициатора (трещотка сторожа, удары палкой в железное ведро, стук кулаком в дверь). С точки зрения своих границ, пространство для запугивания преимущественно закрытое, предоставляющее возможность выхода только для инициатора, реагент может только сбежать, используя случайные подручные средства.

Сценарий состязания

Коммуникативное пространство организуется так, чтобы подчеркнуть противостояние и попасть в поле внимания всех. Оно подобно боксерскому рингу: пространство между соперниками и зрителями отграничивается (за счет барьеров или наличия чистого, не занятого пространства, разных уровней расположения зрителей и соперников). Присутствие зрителей желательно, соперники находятся на одном уровне и одинаково ярко освещены, но четко разделены, например, цветом одежды. Это пространство призвано обеспечить демонстрацию честности боя, прямого пути соотнесения инициатора с интересующей его иерархией, хотя следует подчеркнуть, что этап моделирования задает именно обходные пути, то есть при видимой честности состязания оно всё равно честным не является. Поскольку инициатор озабочен вниманием к своей победе, он стремится использовать возвышенные пространства: сцену, подиум. В то же время это пространство заполняется предметами, которыми может воспользоваться только инициатор и не может воспользоваться реагент (спрятанный писто-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

АДАПТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД СВОИ ЗАДАЧИ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

лет, ловушка и т.п.). Звук в идеальном для сценария пространстве должен создавать эффект эпического события за счет эха или шума, создаваемого зрителями. Эпичность звука может достигаться направлением звука вверх (инициатор говорит, высоко поднимая голову).

В пространстве состязания обязательно существует полоса отчуждения, которая никому не принадлежит. Она ограждает территорию, где непосредственно происходит состязание, от всего окружающего мира, где могут находиться зрители, и представляет собой пустое, внешне пронизываемое пространство. Наличие такой полосы отчуждения является одной из специфических особенностей данного сценария (в остальных сценариях она может быть избыточна, здесь же присутствует всегда, даже при наличии материального барьера), связанной не только с необходимостью разделить соперников и зрителей, акцентировать значительность происходящего, но и с рядом более важных функций. Полоса отчуждения – это особое семиотическое пространство, где совмещаются прежнее и новое наполнение иерархии, но по сути никакого наполнения нет. Это, условно говоря, место, выключенное из реального мира. На специфическую роль этого пространства указывает, например, то, что люди всегда ускоряют темп движения при необходимом пересечении этой полосы. Если такая полоса отсутствует, то инициатор предпринимает речевые («Разойдитесь, сейчас я его бить буду!») и неречевые (расталкивание) действия, направленные на её создание. Этим он, во-первых, обеспечивает себе возможность для маневра; во-вторых, демонстрирует свою способность моделировать пространство, то есть силу; в-третьих, подчеркивает, что ситуация специфическая; в-четвертых, проявляет заботу о зрителе, тем самым заручаясь его симпатией; в-пятых, он создает магический круг. Кроме того, полосу могут создавать и зрители, отходя от дерущихся, спорящих, соревнующихся, и организаторы систематических состязаний. Стереотипное основание существования полосы отчуждения зафиксировано в пословице «Двое дерутся – третий не встречай». Специально предназначенные для соревнований помещения обязательно включают в себя такую полосу, например, свободное пространство вокруг ринга. Выход одного из соперников на эту полосу, как правило, означает его поражение или бегство. Факт создания этой полосы уже говорит о том, что пространство превращается в поле состязания, пусть даже соревноваться в данный момент еще некому и незачем.

Сценарий подчинения

Коммуникативное пространство организуется так, чтобы инициатор мог показать свое приниженное положение, продемонстрировать, что он не на своем месте. Инициатор старается оставаться в тени в буквальном смысле слова, он избегает центральных коммуникативных позиций, предпочитая позицию где-то сбоку, игнорирует трибуну, не выходит в центр, отказывается от использования микрофона, ограничивает свое пространство с помощью предметов (сажаясь на такое место, которое не позволяет выйти) или условно очерчивая границы перемещения, то есть организует коммуникативное пространство так, чтобы оно его подавляло, подчеркивало его незначительность, дезориентированность и неуместность. Инициатор одной ногой стоит за пределами коммуникативного пространства, символически выражая это положением у двери. Кроме того, инициатор может подчеркивать свое выключение, закрывая глаза, не имея традиционно используемых в рамках иерархии предметов (блокнотов, ручек, портфелей), натываясь на предметы, совершая неловкие движения, вечно ища что-нибудь. Поэтому инициатор избирает действительно непривычные места коммуникации, в которых его поведение будет выглядеть естественнее, не предусмотренные темами иерархии, никак не связанные с его реальным статусом (разговор в коридоре, на пороге, у будки вахтера, празднование юбилея не в ресторане, а на кухне дома). В коммуникативном пространстве инициатор создает объекты, символизирующие подчинение и тем самым подчеркивающие приниженность. В идеале инициатор данного сценария должен себя вести как монах: стремиться к аскезе, даже наедине с собой создавать для себя некомфортную среду.

Сценарий создания

Специфика действий инициатора на этом этапе определяется двумя факторами: 1) инициатор точно не знает, о чем он собирается вещать, а следовательно, не представляет,

где это удобно и продуктивно делать, и методом тыка ищет это пространство; 2) инициатор находится в плену у зарождающейся темы, ничего важнее неё для него нет, а следовательно, он стремится оказаться в центре внимания, поместить себя на возвышенность и т.д. Эти два фактора помещают его в необходимость быть везде и одновременно – в центре. Отсюда выходит, что ему нужно максимально широкое и вариативное пространство, в противном случае он сам стремится его расширить, потому что только расширение позволяет инициатору чувствовать себя комфортно и даёт возможность для вариативности. Он избегает закрытых пространств, а оказавшись в них, стремится их трансформировать: рушит стены, ломает заборы, указывает на недостаточность замкнутого пространства, предлагает выйти на свежий воздух или представлять себе ситуацию разговора в мировом пространстве, чем обеспечивает себе простор для коммуникативных действий. Кроме того, он находится в состоянии поиска, поэтому стремится к перемещению, организуя ситуацию разговора на ходу или отражая свои поиски в хождении по замкнутому пространству.

Вместе с тем, инициатор отождествляет себя с зарождающейся темой, вследствие чего непроизвольно отгораживается от реагентов, боясь её засорения чем-то чужеродным. Он не допускает пространства, с которым может слиться, в результате чего стремится к обособленности от пространства и тех, кто его окружает, вне зависимости от того, стремится ли он сам к реагентам или ждёт, что реагенты обратятся к нему. Элементом ограждения может стать как необычное, непривычное пространство, так и наличие полосы отчуждения (свободного, незанятого пространства между инициатором и реагентами). Эта отгороженность может неосознанно проявляться и в разделении окружающих предметов на нужные и ненужные, объявлении всех предметов ненужными, а также в приписывании отдельным предметам ограждающих, помогающих свойств.

Одним из способов организации коммуникативного пространства является создание круга учеников. В результате создания этого круга инициатор получает относительную отгороженность, с одной стороны, и опосредованную открытость – с другой. Наличие такой группы поддержки создаёт впечатление значительности вынашиваемых идей и одновременно выделенности из пространства. Таким образом, происходит подмена материального пространства ментальным, где живые существа используются как элементы интерьера.

Отсутствие четкого представления об удобном коммуникативном пространстве, стремление к его открытости, динамичности, обособленности и контрастированию, наличие полосы отчуждения, маркирование окружающих предметов, использование живых существ в качестве элементов интерьера, подмена материального пространства ментальным приводит к тому, что в это пространство вынужденно затягиваются структурированные единицы коммуникативного пространства, возникают конфликтные буферные зоны. Однако следует подчеркнуть, что само по себе создание конфликта пространств не входит в круг интересов инициатора, но является закономерным следствием его действий.

Одной из форм взаимодействия структурированных единиц коммуникативного пространства с пространством, адаптированным инициатором, является перенос информации о выделенной, противопоставленной коммуникативной области функционерами структурированных единиц, которые, как разведчики, проникают в пространство, организованное инициатором, и переносят представления о происходящем в социальные иерархии.

Сценарий уничтожения

Инициатора данного сценария принципиально не устраивает коммуникативное пространство в целом, так как в нем представлен устраняемый объект. Это приводит, с одной стороны, к стремлению оказаться в таком пространстве, где стираемое зло сосредоточено, а с другой – в таком пространстве, где сосредоточены способы устранения этого зла. Адаптация коммуникативного пространства в рамках этого сценария производится через концентрацию внимания на устраняемом объекте и способах его устранения. При этом концентрация внимания может осуществляться через выделение устраняемых объектов или способов их уничтожения, а также через выделение себя и присоединение к этим объектам. В зависимости от

того, как рассредоточен устранимый объект, инициатор может сужать или расширять пространство: если этот объект рассредоточен, он нуждается в маневре и увеличивает охватываемое пространство, если сосредоточен – уменьшает.

Инициатору важно создать пространство, которое не присоединяет и не отгораживает его от реагентов, а способствует их притягиванию к инициатору. Для этого он расставляет утрированные метки, делающие малозаметное сильно заметным, выбивающимся из общего фона, в результате чего сам выступает в функции такой метки. В идеале сконцентрировавшийся реагент перестает замечать всё, что его окружает, кроме того, что выделено инициатором, и тем самым со своей стороны обеспечивает адаптированное к нуждам инициатора пространство.

Характеристики пространства, нужного инициатору, зависят от самой редуцированной им картины мира. Это редуцирование из ментальной сферы проникает в материальную реальность как стремление к упрощению окружающей обстановки, удалению того, что кажется инициатору ненужным, особенно если оно каким-то образом ассоциируется с тем, что подвергается уничтожению. В центре упрощенного пространства, тем не менее, оказываются предметы, символизирующие стираемый объект и способ его уничтожения, что может приводить к их фетишизированию, превращению их в предметы культа. На периферии или непосредственно за границами этого пространства создается скопление вымещенных предметов, которое не только проявляет аномальность пространства, но и создает эффект контраста: там – беспорядочное скопление, здесь – упорядоченный минимум. Это свойство делает пространство, созданное инициатором, малопривлекательным и малодоступным для реагентов и наблюдателей, и инициатор изолируется.

Сценарий эксперимента (игры)

Инициатора принципиально не устраивает однотипность и предсказуемость среды. Это приводит к стремлению всё поменять, внести элементы хаоса или сделать их доминирующими. Он пытается расчистить завалы, сделать так, чтобы пространство его не сковывало и не определяло его действий, создать так называемый «творческий беспорядок». Возникновение «творческого беспорядка» является следствием трех причин: 1) того, что инициатор не уделяет должного внимания окружающей обстановке; 2) того, что он пытается обеспечить себе дополнительные, неожиданные сочетания; 3) того, что инициатор проецирует на пространство свое ментальное состояние. Инициатору нужно, чтобы беспорядок был динамичным, он вовлекает в него новые элементы и переструктурирует уже втянутые. Восприятие такого состояния среды реагентом не интересует инициатора, он создает пространство исключительно для себя. Попытки других вмешаться в этот процесс – навести порядок, разложить всё по полочкам, переместить или добавить элементы пространства – инициатор воспринимает раздраженно или агрессивно. В этом пространстве деформируются ценности: то, что обладало ценностью, лишается таковой, что не имело – наделяется. Причем определение ценности инициатором постоянно меняется. Это, в свою очередь, является еще одним фактором увеличения беспорядка.

Взгляд инициатора на упорядоченность окружающего пространства кардинально отличается от взгляда на это пространство окружающих людей. При этом он, в отличие от инициаторов других сценариев, не стремится вовлечь реагента в свой порядок. Напротив, он прилагает усилия для того, чтобы оградить его от внешнего вмешательства. Это ведет к еще большему обособлению от окружающего коммуникативного контекста, которое само по себе способствует тому, что инициатор оказывается в изоляции: один на один с проводимым им экспериментом. Таким образом, адаптацию он осуществляет не для кого-то постороннего, а для себя и эксперимента. Внешне эти действия выглядят как замусоривание пространства.

Сценарий мимикрии

Инициатору необходимо создать такие условия коммуникации, в которых осуществляемая им подмена будет максимально незаметной. Для этого он либо сам уходит в тень, создавая ситуацию, составные части которой имеют отношение только к той теме, которая скрывает

реальность, либо надевает маску, которая не допускает актуализации скрываемой темы, либо делает и то, и другое одновременно. То есть он деформирует сегмент коммуникативного пространства, лишая его одних семантически значимых элементов и выпячивая другие. Он стремится сделать коммуникативную ситуацию внешне простой, поскольку любая часть сложной структуры потенциально способна дезавуировать подмену, и одновременно отрезает выходы из неё. В связи с этим он затрачивает основные усилия на локализацию соответствующего маскирующей теме пространства, осуществляет пространственно-временной сдвиг.

Себя и реagenta он координирует в соответствии с этим: изображая доверительность, он будет сокращать дистанцию, а изображая начальника – увеличивать её. Все категории пространства и времени инициатор подбирает в соответствии с замещающей темой. Реальные объекты он превращает в бутафорию, а себя – в актера. Предметы лишаются своих функций, но наделяются нужным инициатору смыслом, становясь знаками безусловного отношения ситуации к маскирующей теме. Например, портфель выступает в ситуации не как разновидность сумки, а как признак ума, деловых качеств, социальной значимости его носителя. Понимая реальную ситуацию как сцену, он продумывает и дополнительные средства создания иллюзий.

Созданное им самим окружение, являясь по сути бутафорским, начинает угрожать инициатору, с одной стороны, риском случайной актуализации изначальных свойств и функций объектов (реагент может спросить о содержании книги, выступающей в качестве реквизита), с другой – взаимодействием смысловых комплексов, которое становится неподконтрольным инициатору (отсюда и возникновение образов привидений, которые всегда сопровождают попытки подменить одну реальность другой). Это вызывает у него напряжение и создает необходимость вести себя с оглядкой. Поэтому инициатор чувствует себя в созданном или используемом пространстве неуютно и неосознанно стремится дистанцироваться от него. Это дистанцирование очень заметно определяет характер поведения инициатора.

Инициатор создает противоречивую ситуацию: он заботится о комфортности ситуации для себя, но создает дискомфорт; демонстрирует закономерность существования предметов в данном пространстве, но вынужден подчеркивать непреднамеренность их включения в ситуацию; старается казаться безусловно включенным в ситуацию, но вынужден дистанцироваться от неё; рассчитывает на устойчивость созданной иллюзии, но желает, чтобы об этом не вспоминали.

Следует отметить, что инициатор стремится к тому, чтобы в рамках коммуникативной ситуации не было представителей той коммуникативной общности, которая соотносится с маскирующей темой (они могли бы дополнительно поддерживать действительность мнимого), поскольку им будет более очевидна осуществляемая подмена.

В заключение подчеркнем, что успешность коммуникации обеспечивается соответствием коммуникативной ситуации реализуемому сценарию. Учет закономерных свойств описанных выше коммуникативных пространств настраивает реагента на адекватное восприятие сказанного, способствует уменьшению затрат на достижение поставленных целей. Игнорирование же этих свойств ставит под угрозу не только достижение сиюминутных или стратегических целей, но и подрывает коммуникативный авторитет некомпетентного инициатора в целом, проецируясь на следующие ситуации, в которых он оказывается. Следите за тем, в каком пространстве вы оказываетесь, поскольку по его признакам можно четко определить, в какой сценарий вас вовлекают и чего от вас хотят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – 2010. – № 1 – 4; 2011 – № 1 – 4.

Юртайкина О. В.

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Юртайкина О. В.

O.V.Iurtaikina

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

BASIC COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN SPECIALIZED PRINTED MEDIA FOR SENIOR CITIZENS

Юртайкина Оксана Вячеславовна – директор центра обучения иностранным языкам Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Мира, д. 33, кв. 50; 8-914-175-47-95. E-mail: flec@knastu.ru.

Ms. Oksana V. Yurtaikina – director of the Foreign Language Centre, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 33 Mira str., apt. 50. Phone: +7 (914) 175-47-95, e-mail: flec@knastu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные коммуникативные стратегии и тактики специализированной английской и французской прессы для пожилых людей. Автор статьи доказывает, что медиадискурс специализированной прессы для пожилых строится с учетом психологических и психолингвистических особенностей данной целевой аудитории. В связи с чем, аргументативная стратегия является основной в данном виде дискурса и представлена тремя типами: рациональной аргументативной стратегией, эмоциональной аргументативной стратегией и смешанной аргументативной стратегией.

Summary. The paper deals with the analysis of communicative strategies and tactics used in specialized printed media for senior citizens in the English and French languages. The author makes an effort to prove the fact that the media discourse of specialized printed media for senior citizens is organized in accordance with psychological peculiarities of the target group. Therefore, argumentative strategy is the basic one for this type of discourse and is presented by three models: rational strategy of argumentation, emotional argumentative strategy and a mixed strategy.

Ключевые слова: психолингвистические особенности, аргументативная коммуникативная стратегия, коммуникативные тактики, маркеры коммуникативных тактик, целевая аудитория.

Key words: psycholinguistic peculiarities, argumentative communicative strategy, communicative tactics, communicative markers, target audience.

УДК 80(075.8)

Средства массовой информации в целом и пресса как один из основных видов СМИ, в частности, являются мощным средством воздействия на общественное сознание. Выполняя свои основные функции: информационную и преобразовательную, – массмедиа распространяют новости, пропагандируют определенные жизненные ценности и моделируют соответствующую картину мира. Таким образом, СМИ обеспечивают расширенную форму речевой коммуникации.

Известно, что речевая коммуникация – это стратегический процесс, базисом для которого является выбор оптимальных языковых ресурсов [6, 10]. Если в некоторых случаях (в устных речевых формах, например) выбор языковых ресурсов происходит спонтанно и адаптируется в ходе актуализации высказывания, то в прессе, где практически отсутствует прямая обратная связь, сообщение невозможно корректировать, основываясь на непосредствен-

ном анализе реакции аудитории. Следовательно, роль стратегического планирования речи в данном виде коммуникации является решающей. Для осуществления такого планирования, в частности, используются различные коммуникативные стратегии и тактики.

В современных лингвистических исследованиях понятия коммуникативной стратегии и тактики используются уже давно и успешно [2; 3; 4; 6; 9; 11]. При некоторых различиях в подходах под коммуникативной стратегией в общем понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [6, 54], «результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для говорящего направлении» [6, 70]. Коммуникативные тактики представляют собой конкретные способы достижения поставленных коммуникативно-прагматических целей, способствующие реализации стратегии.

На сегодняшний момент не существует универсальной классификации коммуникативных стратегий и тактик, что, по мнению О. С. Иссерс, связано с «многообразием самих коммуникативных ситуаций» [6, 105]. Основываясь на принципе функциональности, коммуникативные стратегии подразделяются на две глобальные группы: *основные* («наиболее значимые с точки зрения иерархии мотивов и целей») и *вспомогательные* (способствующие эффективному построению процесса коммуникации и оптимальному воздействию на адресата). К основным стратегиям О. С. Иссерс относит семантические или когнитивные стратегии, такие как дискредитация или подчинение. Вспомогательные стратегии подразделяются на *прагматические (коммуникативно-ситуационные)* стратегии, такие как самопрезентация или эмоционально настраивающие стратегии, *диалоговые* стратегии, отвечающие за контроль над пониманием темы, инициативой и т.д., а также *риторические* стратегии, в рамках которых используются различные приемы ораторского искусства [6].

Другие исследователи, основываясь на критериях сотрудничества, соперничества и конфликта, рассматривают коммуникативные стратегии как кооперативные или некооперативные. Коммуникативные стратегии кооперации строятся на принципе направленности сообщения на партнера по коммуникации. К данным стратегиям относят: аргументативную, информативную, побуждающую стратегии, а также стратегию компромисса. В рамках некооперативной стратегии выделяют стратегии конфронтации, манипуляции, нападения и др. [1; 5].

В процессе коммуникации на выбор общей стратегии и тактик, посредством которых происходит ее воплощение, влияют не только целевые установки и характеристики адресанта, но и социально-ролевые, психологические, возрастные и другие особенности адресата. Так как материалом для нашего анализа является специализированная пресса для пожилых, представляется необходимым дать характеристику целевой аудитории данного вида печатных СМИ.

Для этого необходимо выделить социально-психологические особенности, своеобразие психики людей пожилого возраста. Этот этап жизни человека связан с замедлением процессов эволюции, что ведет к трудностям в социальной адаптации к современному образу жизни, быстро меняющемуся техническому прогрессу. Среди наиболее типичных проявлений старения можно выделить следующие: «забывчивость, трудности при запоминании новой информации, нарастание категоричности суждений и большая окрашенность их субъективным опытом» [10, 20], а также недоверчивость и негативное отношение к новому и непонятному.

Если еще несколько лет назад роль пожилого поколения сводилась в основном к заботе о внуках, садоводству-огородничеству, рукоделию, домоводству и т.д., то сегодня старые стереотипы меняются. Все большее количество пожилых людей занимают активную жизненную позицию, продолжают работать, следят не только за своим здоровьем, но и за внешним видом, много путешествуют и просто наслаждаются жизнью. Для многих вместо того, чтобы стать началом конца жизни, уход на пенсию сегодня – только ее начало.

Юртайкина О. В.

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Вышеперечисленные особенности, несомненно, оказывают влияние на выбор коммуникативных стратегий, которые используются при создании текстов в газетах и журналах для пожилых людей.

Для анализа мы использовали материалы на английском и французском языках. Это связано с тем, что в странах Европы, в США и Канаде проблема старения населения возникла давно и стоит наиболее остро. Вполне закономерной реакцией на данное обстоятельство является тот факт, что к настоящему моменту для всё возрастающего количества пожилого населения здесь издается довольно большое многообразие специализированной прессы.

Исходя из характеристик целевой аудитории, мы предполагаем, что для данного типа прессы основной дискурсивной стратегией является аргументативная стратегия, как обладающая наибольшим персуазивным потенциалом.

В процессе аргументации используются как рациональные, так и эмоциональные приемы убеждения, что позволяет выделить несколько типов аргументативной стратегии.

1. *Рациональную аргументативную* стратегию, которая апеллирует, прежде всего, к разуму адресата, предоставляет доказательства в качестве подтверждения того или иного утверждения.

2. *Эмоциональную аргументативную стратегию*, «побуждающую адресат поверить адресанту без критического осмысления полученной информации.

3. *Смешанную аргументативную стратегию*, воздействующую на адресат как с рациональной, так и с эмоциональной стороны [9, 64].

Рациональная аргументативная стратегия направлена в основном на информирование адресата, на привлечение его внимания к определенной проблеме, на побуждение его к действию с целью решения этой проблемы.

В прессе для пожилых данная стратегия реализуется при помощи различных тактик. Одной из самых распространенных тактик являются *ссылки на авторитет* или *авторитетную организацию*. При этом возможно упоминание конкретного лица или организации (A new study by the *Toronto-based Rotman Research Institute* suggests (Zoomer, sept. 2010, 26) или употребление слов, обозначающих обобщенные понятия (experts, researchers, economists scientists, doctors, les chercheurs, les médecins, les scientifiques и др.).

Тактика ссылки на источник информации обладает большей убедительностью при использовании цитат, дословно передающих мнение известных и авторитетных личностей: «Safe-deposit boxes are loss resistant, not loss proof» says David McGuinn, president of Safe Deposit Specialists (AARP the magazine Nov./Dec. 2009, p. 18).

Следующий пример демонстрирует использование *цифровых и временных показателей* в качестве надежных аргументов: You could save \$ 402 on your auto insurance – *in the first year alone* – when you switch to the AARP Auto Insurance Program from The Hartford (AARP, Jan./Feb. 2010, 5).

Необходимо отметить, что в прессе для пожилых людей очень часто используется тактический ход – *пример реального человека*. Многие статьи начинаются историями из жизни, которые становятся основной иллюстрацией главной темы сообщения. Так в статье «The Claim Game» (AARP, Nov./Dec. 2009, 28-30) автор рассматривает проблему медицинского страхования – отказ страховых компаний оплачивать лечение или медикаментозные средства. Статья начинается рассказом истории Джорджа Крафта: George Craft has *Parkinson's disease*. A retired machinist from Dunlop, Tennessee, Craft, 71, thought purchasing Medicare drug coverage would lower all his prescription costs. So he couldn't understand why the insurer refused to pay for Mirapex, *the only drug that has helped keep his Parkinson's symptoms in check*.

Далее следует еще один реальный пример Терезы Ратей, 51 год, которая больна раком: For Arizona resident Theresa Rattei, it became *a life-to-death struggle*. Rattei, 51, was diagnosed with a *rare cancer* in 2006 and had chemotherapy twice, *with little success*. In January 2008 her doctor prescribed a radiation treatment, but the insurer managing Rattei's health plan deemed it experimental – and thus not covered.

В обоих случаях герои рассказов страдают от серьезных заболеваний (болезнь Паркинсона и 4-я степень рака), что само по себе является пугающим и неприятным. При помощи таких маркеров, как *the only drug that has helped* (единственное лекарство, которое помогает), *a life-to-death struggle* (борьба не на жизнь, а на смерть), *with little success* (почти без результата), автор сообщения еще больше усиливает тревожную тональность, прибегая к тактике запугивания. Упоминание зрелого возраста героев историй (Craft, 71; Rattei, 51), а так же их затруднительного финансового положения (*A retired machinist, Medicare drug coverage would lower all his prescription costs*) окончательно сгущает краски и заставляет читателей задуматься о серьезности ситуации, в которую каждый из них может попасть.

При помощи истории из жизни обычных людей такого же возраста, что и целевая аудитория журнала, автор статьи имплицитно дает понять читателям, что находится на их стороне. Таким образом, вся последующая информация, представленная в статье, кажется более убедительной. Данная тактика в работах многих исследователей называется «свой круг» [6].

В основе *эмоциональной аргументативной стратегии* лежит принцип воздействия на различные чувства адресанта, такие как страх, воодушевление, любовь, ненависть, гордость и др. В прессе для пожилых для осуществления эмоционального воздействия на адресата активно используется *тактика предостережения* о возможных последствиях. Автор апеллирует к страху читателя самому оказаться в трудной или неприятной ситуации: *Discover truth about osteoporosis. Truth: After the age of 50, about half of women will have a fracture related to osteoporosis in their remaining lifetime (According to the 2004 Bone Health and Osteoporosis: a report of the surgeon general) (AARP, Nov./Dec. 2009, 29)*. В данном примере ключевым компонентом, создающим тревожную тональность сообщения, является побудительная конструкция *Discover truth...* (раскройте правду...). При этих словах читатель должен насторожиться и задуматься о том, что, возможно, он не владеет важной информацией. Повтор существительного *truth* еще более усиливает эффект ожидания чего-то важного. Далее приводятся статистические данные (*about half of women*), а также ссылки на авторитетный источник (*a report of the surgeon general*), что позволяет внедрить адресату мысль о том, что после определенного возраста он или она попадают в группу риска и могут заболеть остеопорозом.

Еще более убедительной силой обладает коммуникативная тактика *персона-символ* с участием известных личностей, которая основывается не только на доверии читателей к звездам, но и на желании походить на тот или иной престижный и успешный образ. Об этом пишет в своей работе «Дискурс вежливости в прессе для пожилых» Елена Феррарио: «Для того чтобы усилить значение молодости, которое пресса подчеркивает при помощи определенных ключевых слов, не существует достаточно авторитетных источников. Поэтому на страницах современной прессы появляется персона-символ, «третьего или четвертого возраста», широко известная кинозвезда или общественный деятель, которая или который систематически выставляет напоказ совершенно счастливую улыбку и напористость человека с неиссякаемой энергией» [12, 78]. Так, известная американская киноактриса Энди МокДауэл рекламирует краску для волос компании L'Oréal: «*Mon secret de jeunesse, c'est ma couleur!*» (*Pleine Vie* № 283, 25). Другая известная киноактриса Джейн Фонда выступает в рекламе крема той же фирмы: «*C'est l'anti-âge complet pour ma peau!*» (*Pleine Vie* № 286, 2).

В качестве одной из форм воплощения аргументативных стратегий используется тактика «*введения в заблуждение жанром*» (по определению Баранова А. Н.). Так как различные виды жанров отличаются коммуникативными установками и ожиданиями, возникающими у адресата, «эксплуатация установок, характеризующих жанр и дискурсивный тип текста, представляет собой весьма действенное средство управления пониманием» [2, 237]. Так, например, реклама медикаментозных средств против слепоты представлена в жанре письма, в котором заботливая дочь подробно описывает своим престарелым родителям необходимость употребления данных препаратов, ссылаясь при этом на авторитетный источник – Национальный институт глаза: *Dear Mom,*

Юртайкина О. В.

ОСНОВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПРЕССЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

I need to *keep this short* but wanted to tell you about something I read. As folks age, they experience age-related changes that damage the retina (*millions of people experience this*). This can lead to BLINDNESS! *It happens more in people over 50*, so naturally I thought of you and Dad. Do you know if *anything like this* runs in our family?

They say our habits are part of this too... I know what you're thinking, *honey* we already take vitamins! But the ones you have don't have the right amount and type of eye-health ingredients. But don't trust me, trust *the National Eye Institute*. *Gotta go. Love*, Laura (AARP, Nov./Dec. 2009, 19).

Признаки неофициального письма четко прослеживаются в стандартном приветствии *Dear Mom* и в заключении *Love*. При помощи фраз и выражений разговорного жанра (*to keep this shot, anything like this, they say, maybe, gotta go*), а также интимных обращений к адресату (*Mom, Dad, honey*) автор сообщения усиливает доверительный тон письма. Используя графический прием – написание целого слова заглавными буквами (BLINDNESS!), автор придает тревожную тональность сообщению, пугая, в случае бездействия, страшной болезнью – слепотой. Для большей убедительности приводятся статистические данные (*millions of people experience this... It happens more in people over 50...*) и ссылка на авторитетный источник (*the National Eye Institute*).

Если при чтении рекламного сообщения, представленного в классическом формате, у адресата могут возникнуть сомнения в необходимости принимать данный препарат, то подмена жанров (рекламы на письмо дочери) порождает в сознании читателя совершенно другие ожидания: срежиссированная дочерняя забота вызывает доверие и побуждает к определенному действию – покупке профилактического лекарственного средства.

В целях создания непринужденной беседы и прямого диалога с адресатом, авторы часто прибегают к тактическому приему *интимизации*, или непосредственного обращения к читателю. Маркерами такой тактики может выступать:

– использование личного местоимения *вы*, притяжательного местоимения *ваш*: *It is important to inform your physician and pharmacist of all substances you take, ... and of your dietary habits* (Zoomer, April 2011, p. 28);

– использование грамматических конструкций повелительного наклонения: *Associez techniques esthétiques et cosmétique, et l'anti-âge gagne en naturel!* (Pleine Vie 287, p. 30);

– использование вопросов с целью создания иллюзии диалога с адресатом и атмосферы доверительного общения: *Why leave the home you love? ...* (AARP, Jan./Feb. 2010, 26).

В последнем примере прием интимизации усиливается при помощи использования эллиптической конструкции в вопросах, что делает стиль высказывания разговорным и еще более похожим на диалог.

Третий вид аргументативной стратегии является комбинацией двух вышеописанных видов – рациональной и эмоциональной аргументативных стратегий и встречается наиболее часто. Это связано с тем, что не всегда представляется возможным четко разграничить, обращается ли адресант к разуму или к эмоциям адресата, так как эмоциональное и рациональное иногда очень взаимосвязано в сознании людей. Поэтому в большинстве случаев мы сталкиваемся со *смешанной аргументативной стратегией*.

Так, в статье *Eat Your Lunch* автор с первых строк использует две различные стратегии, апеллируя к эмоциям посредством вопроса и к разуму, используя тактику ссылки на авторитетные источники:

Experiencing lunch bag letdown? According to research, one in five Canadians says they're too busy to eat lunch. Canadian dietitian Liz Pearson, offers this advice (Zoomer, April 2011, p. 31).

Итак, проведенный анализ англо- и франкоязычной прессы для пожилых позволяет выделить основные, используемые в ней стратегии и тактики, а также различные средства их реализации. Как мы видим, в качестве основной стратегии в рассматриваемом нами типе дискурса используется аргументативная стратегия, как обладающая наибольшим персуазивным потенциалом. Данная стратегия представлена тремя основными типами: рациональной,

эмоциональной и смешанной аргументативной стратегиями. Для реализации данных типов аргументативной стратегии адресант дискурса прессы для пожилых прибегает к целому набору разнообразных тактических приемов, таких как ссылки на авторитет или авторитетную организацию, использование цифровых показателей, придание точности и достоверности, обращение к примерам, предостережение о возможных последствиях, персона-символ, введение в заблуждение жанром, тактика интимизации.

ИССЛЕДУЕМЫЙ ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

1. «The Magazine AARP» сентябрь 2009 г. – февраль 2010 г. (три номера).
2. «Zoomer» апрель 2011 г. (один номер).
3. «Pleine Vie» декабря 2009 г. – июнь 2010 г., апрель 2005 г. (восемь номеров).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Стратегия и тактика речевого поведения / Н. Д. Арутюнова // Прагматические аспекты изучения предложения и текста. – Киев: Глобус, 1983. – 82 с.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
3. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Р. М. Блакар. М.: Прогресс, 1987. – С. 88-120.
4. Дейк, ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Дейк ван Т. А., В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-211.
5. Жданова, Е. В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в. – конца XX в.): автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Е. В. Жданова. – Краснодар, 2008. – 24 с.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
7. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 50-61.
8. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
9. Полуйкова, С. Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе / С. Ю. Полуйкова // Вестн. Пермск. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 63-67.
10. Сухобская, Г. С. Пожилой человек в современном мире (пособие для социальных педагогов) / Г. С. Сухобская, Н. М. Божко. – СПб.: ИОВ РАО, «Тускарора», 1999. – 146 с.
11. Шунейко, А. А. Механизмы коммуникативного воздействия / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2008. – 247 с.
12. Ferrario E. Ou est ta victoire? Le discours de la politesse dans la presse pour seniors//CILL, № 29, 2003, P. – 73-88.

Иванов Анд. А.
A. A. Ivanov

СУБЪЕКТ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(1930-1960-е гг.)

SUBJECT WITHIN THE STRUCTURE OF SOVIET IDEOLOGICAL DISCOURSE (1930-1960-es)

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7-138; 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor at the Department of Civil Engineering and Architecture, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035, Komsomolsk-on-Amur, 85/7-138, Lenin St.; tel.: 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Аннотация. В статье советский идеологический дискурс анализируется как символический порядок, подчиняющий и замещающий собой субъекта и представляющий для него укрытие от травматической основы советской цивилизации. Рассматриваются процессы трансформации идеологии в авторитетный дискурс и возникновения символических практик, отражающих восстановление субъективности в эпоху «оттепели».

Summary. In this paper the Soviet ideological discourse is analyzed as a symbolic order, which subdues & replaces subjectivity and ensures for it a shelter from the injuring nature of the Soviet culture. Investigated are processes of ideology transformation into the authoritative discourse, and the genesis of symbolic practices that reflected the revival of subjectivity during the time of the ‘thaw’ is considered.

Ключевые слова: дискурс, идеология, субъект, символический порядок, отчуждение.

Key words: discourse, ideology, subject, symbolic order, alienation.

УДК 008 (091)

«И вот я хочу выступить здесь под давлением того, что я называю своими собственными убеждениями» – с этих слов начинается речь В. Герасимовой на собрании московской организации Союза писателей 31 октября 1958 г. [13, 436]. Структура фразы сама по себе парадоксальна: можно ли хотеть, т.е. внутренне чего-то желать, под давлением? И могут ли довлеть над человеком его собственные убеждения? Причем эти убеждения она *называет* своими – подразумевается, что они существуют где-то извне, объективно, но становятся внутренними в процессе называния. Целью оказывается не выражение собственных убеждений субъекта, а убеждение слушающих в том, что он говорит искренне, что высказываемые слова идут «от чистого сердца». Иными словами, субъект данного высказывания обнаруживает себя объектом давления со стороны некоторых убеждений, содержащихся в самом процессе высказывания, в его речи, а не в нем самом, и задача субъекта – хотеть того, чего желает его речь.

Собрание московских писателей в тот день было посвящено обсуждению «предательства», совершенного советским писателем Б. Пастернаком, который опубликовал роман «Доктор Живаго» в зарубежном издательстве и удостоился Нобелевской премии по литературе. Стенограмма заседания содержит однозначные оценки самого поэта и его произведений (и слова В. Герасимовой из общего строя никак не выбиваются): «враг своего народа и

литературы», «внутренний эмигрант», «знамя холодной войны», «политическое и моральное падение», «бешеное исступление индивидуализма», «апология предательства» и т.д. [13]. Основной вывод выступления председательствующего С.С. Смирнова – аполитичность, утверждение чистоты искусства равноценны предательству, пособничеству врагам страны: «В наше время не может быть литературы, отгороженной от политики, никаких разговоров о чистом искусстве не может быть» [13, 429]. Л. Ошанин говорит об отчужденности Пастернака от жизни народа, от значимых событий в жизни страны и мира и заканчивает мобилизационным призывом: «Мне хочется призвать вас всех к очень большой и дружной работе, потому что сейчас, как никогда, мир на нас смотрит, как никогда, сейчас наше с вами слово здесь на трибуне и слово за письменным столом имеет непосредственное грандиозное значение в той борьбе, которая происходит в мире» [13, 431]. В.О. Перцов старается остаться в пределах эстетических оценок творчества Пастернака: «его стихи при том, что там всегда есть ряд эффектных строк и необычных метафор, они в целом распадаются, – в них нет того единства формы, которая дается большой идеей» [13, 438]. Эстетический идеал – цельность художественной формы – обеспечивается здесь связью с неким внелитературным, трансцендентным критерием, который одновременно обеспечивает связность и других модусов бытия: традиций русской литературы, советского народа, международной обстановки и т.д. Главная вина Пастернака в том, что он оторван от этой цельности и сверхсвязанности, замкнут в мире «чистого искусства», внутри себя: «восемьдесят тысяч верст вокруг собственного пупа», по выражению В.О. Перцова. Более милостивая Г. Николаева говорит о том же: «этот одаренный человек не видит того, что делается, не выходит за пределы того мирка, где он живет, не видит людей» [13, 445]. Общий вердикт – лишение Б. Пастернака советского гражданства – поэт А.И. Безыменский выразил в форме народной поговорки: «Дурную траву – вон с поля!» [13, 441].

Расправа над Пастернаком – это еще одно напоминание о том, что «гамбургский счет» в советском искусстве неприемлем, что оценки и иерархии, исходящие из специальных критериев художественного поля и тем самым игнорирующие идеологический контроль, невозможны и равноценны государственной измене. Целостность, связанность рисунка советской действительности обеспечивается подчинением всех ее сторон (от сфер народного хозяйства и внешней политики до литературного творчества и выбора издательства) критериям идеологического поля – «большой идее», по словам В.А. Перцова. Точнее, разрозненные элементы социальной реальности обретают свой смысл и назначение, когда структурируются в пределах единого идеологического дискурса. При этом последний не распределяет по элементам некое имеющееся у него «большое означаемое», но, скорее, связывает элементы между собой, выполняя исключительно структурную функцию. Так, в данной стенограмме выстраивается нескончаемый метонимический перенос от означающего к означаемому: литература – политика – народ – советское гражданство – чистое искусство – антисоветская клевета – холодная война и т.д. Автономные означаемые данных элементов как бы стираются, а сами элементы превращаются в чистые различия под давлением «сверхструктуры», значение которой при этом само постоянно ускользает, очерчивается лишь в виде некоторого пустого места. Перед нами бесконечная символическая детерминация, в процессе которой «одна иллюзия отсылает к другой и вместе они суть метафора центра, который отсутствует» [17, 452].

Иными словами, идеологический универсум есть символический порядок в том смысле, в каком его понимал Ж. Лакан: дифференцированная система, под властью которой вещь подменяется означающим, означаемым которого выступает связь с другими означающими. Как отмечает С. Жижек, советский народ являлся народом в той мере, в какой он олицетворялся партией: признак «поддерживать руководящую роль партии» есть «жесткий десигнатор» термина «народ», его главный и единственный признак [3, 150]. И в этом смысле народ как таковой, без партии, просто не существует. Точно так же советский писатель являлся писателем в той мере, в какой он был именно советским, т.е. выражал чаяния и интересы советского народа, который в свою очередь... (см. выше). Когда В. Герасимова говорит, что нахо-

дится под давлением того, что она называет собственными убеждениями, она тем свидетельствует о подчинении своей речи, а значит, своей субъективности, символическому порядку идеологии. Место субъекта занимает самодостаточный язык, «бесцветный голос, полностью освобожденный от любых остатков «психологии»» [3, 211].

В 1957 г. в газете «Коммунист» была опубликована статья Н.С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», где есть такие строки: «для художника, который верно служит своему народу, не существует вопроса о том, свободен или не свободен он в своем творчестве. Для такого художника вопрос о подходе к явлениям действительности ясен, ему не нужно приспособляться, принуждать себя, правдивое освещение жизни с позиций коммунистической партийности является потребностью его души» [12, 461]. В утверждении, что вопроса о свободе или несвободе творчества не существует, на самом деле содержится четкое предписание: этого вопроса не должно быть, он неприемлем для художника, «который верно служит своему народу». Известный уже нам десигнатор народа «коммунистическая партийность» возводит принуждение писателя «освещать жизнь» с позиций этой партийности в «потребность души», тем самым скрывая сам факт принуждения, репрезентируя его как естественное, само собой разумеющееся. Перед нами завуалированный запрет на то, что невозможно в рамках существующего порядка, но подается как невозможное само по себе.

Идеологический закон, таким образом, устанавливает свою власть через вытеснение изначального акта своего провозглашения, имеющего те или иные исторические причины, и деформацию предписания в безусловный закон сцепления означающих. Тот факт, что полное подчинение личных интересов интересам партии было когда-то, в условиях революционной борьбы, исторической необходимостью, вытесняется в бессознательное. Остается закон как таковой, освобожденный от исторических меток, переживаемый как имманентно справедливый и истинный. Примером может послужить воспоминание А.Т. Твардовского, приведенное в мемуарах В.Я. Лакшина, о восприятии писателями постановления 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «Однажды сидели и мирно разговаривали Фадеев, Твардовский и Шолохов. Твардовский усомнился в ждановском постановлении. Фадеев сказал с искренним удивлением, покраснев всем лицом и шеей: «Неужели ты не понимаешь его необходимость, более того, его гениальность?». А Шолохов спросил: «Может, ты не в ту партию вступил?» [8, 245]. Вопрос А.А. Фадеева и не предполагал ответа: «необходимость» и «гениальность» – это то, что требуется безусловно признать, а не понять. М.А. Шолохов в третий раз возвращает нас к десигнатору «партийность», как бы замыкая цепь означающих, за пределы которой выйти уже невозможно. Иными словами, условием принятия «безусловного Закона» является некоторое упущение – не-понимание, не-знание субъекта о его источниках и отчуждение субъекта в символический порядок идеологии. В этом смысле механизм идеологии аналогичен действию невротического симптома, который, согласно Фрейду, является способом забвения травматического для индивида вытеснения влечения, эфемерным заместителем вытесненного.

По мнению Ж. Лакана, основателя структурного психоанализа, в самом средоточии символического порядка содержится некий травматический элемент, который не может быть символизирован, он существует только в качестве некоторого отсутствия, представлен рядом симптоматических следствий, проявляющихся как деформации и смещения [3, 165]. У Лакана этот «негативный» по отношению к символическому порядку, но лежащий в его основе элемент получает название Реального – первичный мир отсутствия субъекта и Символического. Если применить это понятие к советской цивилизации сталинского периода, то Реальное обнаружит себя встроенным в саму ее структуру: это «непостижимые» колебания линии партии; это показательные процессы над «врагами народа»; это «травматические» постановления, от которых не застрахован никто; это массовые репрессии и разросшаяся по стране сеть ГУЛАГа. При этом абсурдная жестокость власти способствует безусловному ей подчи-

нению, не только (и не столько) опираясь на страх, сколько преобразовывая последний в своего рода упоение идеологической действительностью. С. Жижек, применяя лакановский психоанализ к феномену идеологии, говорит, что она представляет собой фантазм – конструкцию, позволяющую субъекту согласиться с этим травматическим ядром. «Функция идеологии – пишет Жижек, – состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму действительность как укрытие от некоей травматической, реальной сущности» [3, 52]. Принятие Реальной советской цивилизации, ее «непристойной изнанки» [3] с необходимостью предполагает растворение «Я» в самодостаточном порядке идеологических означающих, представляющем социальную реальность как сцепленный, целостный рисунок, где все элементы взаимосвязаны, оправданы и гармоничны, но структурируются вокруг непостижимого, травматического ядра.

Данная система отношений между Реальным, Символическим и измерением субъекта имеет прежде всего мобилизационное назначение, так как формирует беспрекословное подчинение посредством культивации жертвенности. Чем больше жертвуешь своей субъективностью, тем прекрасней будущее. Получается, что не будущее оправдывает жертвенность настоящего, а, наоборот, жертва – как принятие Реального в его исключительной жестокости – оправдывает любое будущее. Видимо, в наиболее чистой форме реализация этих отношений характерна для сталинской эпохи индустриализации, воплощением которой можно считать показательные процессы 1930-х гг., когда долгом искреннего коммуниста перед партией было признание себя врагом народа и требование для себя высшей меры наказания.

Но система движется – в результате сталинских чисток ведущее место в партии занял «новый класс», как пишет М. Джилас, «индифферентный к высоким идеалам, но зато крайне небезразличный к повседневному жизненному комфорту» [2, 304]. По мнению А.Г. Вишневого, эта социальная группа, формировавшаяся, главным образом, из бывших крестьян и, в меньшей степени, рабочих, представляла собой маргинальный тип полуавтономного, полусоборного человека, устремившегося в открытые революцией каналы социальной мобильности [1, 190]. Для такого человека отчуждение в язык советской идеологии, видимо, не составляло особого труда, так как было необходимым элементом социальной адаптации. Да и сама идеология в ее официозной, «застывшей» форме утвердилась под влиянием в большей степени не идеалов «ленинской гвардии», а «разрешающей способности все еще синкретичного, по преимуществу, сознания» нового класса [1, 196]. Перформативную составляющую идеологического дискурса ведь можно было и не принимать на свой счет, дискурс создавал для этого объективную иллюзию «Большого Другого» [3, 57] – нового социалистического человека, на которого переносилась вера и на фоне которого можно было спокойно участвовать в борьбе за власть или жилплощадь.

Однако положение партийной номенклатуры при Сталине было непростым: при множестве материальных и управленческих привилегий она испытывала постоянный и небезосновательный страх потерять место. Как отмечает А.Г. Вишневский, «режимом культивировался показной аскетизм, соответствовавший общему духу мобилизационного развития, во имя которого все должны были приносить жертвы, так что “законные” привилегии надлежало тщательно скрывать от посторонних глаз. К тому же их всегда можно было потерять, потому что это были привилегии не человека, а места, которое он занимал» [1, 216]. Поэтому когда режим почувствовал себя прочнее и исчезла фигура, воплощающая контроль догматических предписаний над «естественными склонностями человека», то «правлящие слои оказались первыми, у кого появилось желание расслабиться, снять мобилизационное напряжение, обезопасить себя» [1, 217]. Партийная бюрократия пытается выработать систему защиты от

структур тотального контроля и политического сыска и потому вынуждена, что называется, «пробить брешь» в идеологическом поле – артикулировать, включить в символический порядок Реальное сталинской власти, чтобы тем самым его ограничить. В закрытом докладе Н.С. Хрущева XX съезду КПСС в 1956 г. массовые репрессии над партийным аппаратом (о жертвах коллективизации умалчивается) определяются как «тяжелые извращения партийных принципов, партийной демократии, революционной законности» [16, 361], сложившиеся в результате деспотизма Сталина, возвеличивания его фигуры, «культа личности».

Доклад вызвал шок. Во время речи Хрущева более десятка делегатов получили нервный срыв и вынуждены были обратиться за медицинской помощью. Болеслав Берут, генеральный секретарь коммунистической партии Польши, даже скончался от сердечного приступа через несколько дней. В рабочих тетрадях А.Т. Твардовского запись за март 1956 г.: «Ужасный месяц после доклада о культе – голова не вмещала всего» [14, 178]. Александр Фадеев покончил жизнь самоубийством в мае. Были ли разоблачения XX съезда для этих людей открытием, разрушившим их идеологические иллюзии? Фадеев, генеральный секретарь Союза писателей СССР, судя по предсмертному письму, никаких иллюзий не питал и был отлично осведомлен о порочности всей системы. То же самое можно сказать и о многих других. Тем не менее, Л.З. Копелев, осужденный в 1945-м на 10 лет лагерей и реабилитированный в 1954-м, пишет о докладе Хрущева: «Он заставил меня *впервые* (курсив мой – И.А.) усомниться в справедливости нашего общественного строя» [7, 24].

Вспомним, что к моменту XX съезда уже как три года шла волна освобождений и реабилитаций «незаконно репрессированных». Вчерашние зэки возвращались в свои семьи, где со стороны родных их чаще всего встречало единственное требование: «отцы, матери, жены вернувшихся из лагерей просили, если нужно, требовали от выживших забыть все, что они там увидели и испытали, и жить дальше, как если бы ничего не случилось» [10, 20]. Когда В. Шаламов вернулся с Колымы, его жена в первую очередь хотела уберечь их дочь от его лагерных воспоминаний: «Дай мне слово, что оставишь Леночку в покое, не будешь разрушать ее идеалы. Она воспитана мною лично, подчеркиваю это слово, в казенных традициях, и никакого другого пути я для нее не хочу» [10, 20]. Иными словами, все (и бывших лагерников долго упрашивать не пришлось) желали во что бы то ни стало сохранить иллюзию «Большого Другого», предположительно верящего за них в идеологические постулаты. Именно на его фоне каждый, как отмечает Э. Орловский, «зная многое, мог делать вид (и перед другими, и перед собой), что он как бы ничего не знает» [9, 183]. Двадцатый съезд разрушил именно эту иллюзию веры, находящейся вне субъекта, веры, отчужденной в идеологический дискурс.

Из этой ситуации прорыва Реального в символический порядок, разрушившего «объективную иллюзию» веры, власть вышла известным способом – оставила все как есть, не требуя только самой веры. «Дискурс – отмечает А. Юрчак, характеризуя позднюю советскую эпоху, – перестал функционировать как *идеология*,... как некое описание реальности, которое воспринимается как верное или неверное. Теперь функция этого дискурса была не столько в репрезентации реальности, сколько в воспроизводстве ощущения того, что существующий дискурсивный режим неизменен и не поддается публичному оспариванию» [18, 92]. Ритуальное воспроизводство идеологического фантазма продолжалось, но «Я» могло оставаться в покое и не идентифицироваться с ним (и это даже желательно). П. Слотердаjk говорит о феномене циничной идеологии: «доминирующим в идеологии стал цинический модус – ... субъект вполне отдает в себе отчет в дистанции между идеологической маской и социальной действительностью, но тем не менее не отказывается от маски» [3, 36].

Характерное явление советской эпохи – ритуал «проработки» на партийном (или любом другом) собрании, где все присутствующие должны были единодушно разоблачить и осудить «прорабатываемого», который, в свою очередь, обязан был публично «разоружиться перед партией». Бенедикт Сарнов вспоминает, как в 1947 г. его исключали из комсомола и его лучший друг, Григорий Поженян произнес на собрании разоблачительную речь о нем как о выходе из семьи с мелкобуржуазными, мещанскими нравами. «Но тут же выяснилось, что эта раздавившая меня его речь вовсе не была предательством ... он исходил из того, что в сложившейся ситуации мне уж лучше выглядеть сопляком и маменькиным сынком, чем злостным антисоветчиком и политическим хулиганом» [11, 706]. В результате – строгий выговор с предупреждением и занесением в личное дело: «Окружившие меня после собрания ребята хлопали меня по плечу, поздравляли» [11, 707]. В 1944 г., когда в Союзе писателей «прорабатывали» К.А. Федина за книгу «Горький среди нас», М. Шагинян, резко бранившая книгу с трибуны, после собрания подошла к писателю и поблагодарила за «волнение, с каким его читала». Б.Я. Фрезинский, у которого мы нашли это упоминание, далее делает ремарку: «В 1956 г., при чтении рассказа А. Яшина «Рычаги», Федин вспомнит эту историю и назовет Шагинян «рычагом», после чего уже сам поступит с Яшиным, как Шагинян с ним» [15, 515]. Легко представить, как кто-нибудь из участников общесоюзного собрания писателей – например, В. Перцов, Г. Николаева, Б. Слуцкий – после едет к Пастернаку, чтобы выразить ему восхищение прочитанной книгой и поздравить с нобелевской премией. В.Б. Шкловский, вспоминая проработку Федина, пишет о том, что все участники воспринимали происходящее действие как спектакль: «Хуже того положения, в котором очутилась литература, уже не будет. Так зачем стараться, зачем избивать друг друга – так рассудили беспартийные и не пришли вовсе на Федина. Вместо них собрали служащих Союза и перед ними разбирали Федина и разбирали мягко, даже жалели, а потом пошли и выпили и Федина тоже взяли с собой» [15, 513]. Другое дело, что такой «несознательный» подход к общеобязательному ритуалу непременно фиксировался в донесениях сексотов, и Сталин считал своим долгом регулярно устраивать «встряски» в виде каких-либо постановлений и разгромных кампаний, чтобы вернуть людям рвение. В позднесоветский период, в годы застывания системы, искреннего рвения уже не требовалось; абсурдный травматизм власти, способный быть направленным на ее саму, был ограничен и канализирован. С другой стороны, уже никто (почти никто!) не позволял себе недобросовестного отправления ритуала: ставший истинно самодостаточным дискурс прилежно воспроизводился, создавая нужное, но ложное ощущение монолитности и неизменности системы.

Ложное потому, что другим следствием переломного XX съезда стало разрушение монологической речи, проникновение в советский культурный монолит «Другого Я», отличного от «Я» власти. Прорыв «непристойного Реального» в символический порядок скомпрометировал последний в умах многих и подтолкнул их к самостоятельным поискам описания и объяснения Реального, как тогда говорили, к поискам правды. Видимо, это был тот сегмент советского общества, для которого дискурс был скорее не способом приспособления, но способом идентификации, те, для кого негласно предписанное «двоемыслие» было источником внутреннего конфликта. В дневниках А.Т. Твардовского за 1954 г. находим описание этого разлада в размышлениях о прочтенной статье М.А. Салтыкова-Щедрина: «Добавить можно только то, что «недоразумения», происходящие от «форм жизни», враждебных тебе по самому изначальному существу своему, – это еще не так горько, как «недоразумения» от «форм жизни», за которые ты готов положить голову и вне которых не представляешь себя человеком» [14, 141]. Наличие у таких людей иллюзии, что представители власти думают или мо-

гут думать так же, характеризует умонастроения эпохи «Оттепели», конец которой знаменуется осознанием того факта, что идеологический дискурс власти и ее действительные намерения не совпадают, что для власти желателен циничный подход к официальной идеологии.

В противовес автономной синтактике идеологического языка, не способного репрезентировать открывшуюся противоречивость действительности, в обществе начинают осваиваться иные, альтернативные официозу, формы символического освоения социальной реальности. Примером и индикатором этого процесса может послужить деятельность журнала «Новый мир» под руководством А.Т. Твардовского, где обязательной «идейности» литературы, оборачивающейся «лакировкой» и «лукавым сглаживанием противоречий», «недостатком жизненной глубины и правды», были противопоставлены «искренность» и «достоверность». По воспоминаниям В.Я. Лакшина, одними из ключевых требований Твардовского к авторам журнала были документальность, близость к реальной жизни и антириторизм: поэту В-ву он рекомендовал поработать машинистом метро, «поездить бы так под землей, в душных, без вентиляции тоннелях Сокольничьего радиуса, глядишь, перестал бы писать стихи ни о чем» [8, 119]; «Побожьего Александр Трифонович просил искоренять вкравшиеся в его рассказ беллетристику, “красоты слога” и не стесняться дать больше деловых, конкретных подробностей строительства дороги» [8, 141]. «Беллетристика» и «красоты слога» воспринимались как знаки фальши, обмана, «лакировки» действительности. Антитеза идейности и достоверности, проводимая на страницах «Нового мира», была формой скрытой полемики с канонами социалистического реализма – регламентированным способом символического освоения советской действительности.

Разумеется, «новомировская» линия критического реализма исходила из тех же мифологем, на которые опирался и реализм социалистический: вера в человеческий разум, в рациональное мироустройство, в упорядочивающую роль системы означающих, раскрывающей причинно-следственные связи в мире. Достоверность этой литературы была во многом ограничена рамками традиционно понимаемой «литературности» – требованиями прописывания характеров, связи взглядов и поступков персонажей, объективности природной среды, позитивной программы и т.д. «Правдивым» мог считаться текст, интерпретирующий реальность в каноне «реалистической», «очеркистской» эстетики. Поэтому на страницах «Нового мира» не могла появиться лагерная проза В. Шаламова, в попытке описать безымянное Реальное «полностью сосредоточившаяся на опыте стирания, изведения жизни» и тем самым бросающая вызов традиционному письму [10, 23]. Но появился облегченный вариант лагерного опыта – «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына с острой темой и всеми признаками настоящей (т.е. традиционной) литературы: системой художественных образов, «маленьким человеком» в роли героя, авторскими симпатиями, очищающей ролью труда (Шаламов говорил: «бригадирской моралью»).

Важно то, что «Новый мир» времен Твардовского стал говорить на несколько ином, чем власть, языке, стал выражать точку зрения, в чем-то отличную от точки зрения «Правды», т.е. обнаружил в официальном символическом поле возможность Другого «Я» – субъективности, не подавленной безличным дискурсом идеологии. Уже на закате «оттепели» на заседании секретариата СП СССР, посвященном деятельности «неудобного» журнала, А.Т. Твардовский пытается оправдать разнообразие мнений внутри партии: «Линия партии в литературе у нас одна, обязательная для всех журналов и газет. Но линия журнала – это частное, конкретное выражение линии партии, это лицо журнала, более или менее определяющееся в единстве его идейно-эстетических пристрастий и принципов» [5, 180]. В этот же ряд журналов «с лицами» можно поставить и неосталинистский, консервативно-охранительный

«Октябрь» под руководством В.А. Кочетова, развернувший на своих страницах яростную полемику с либеральным «Новым миром». Это тоже было своеобразным проявлением в официальном символическом поле самостоятельного, субъективного рвения, невозможного в эпоху Сталина. В конце 1960-х гг. появился третий журнал с направлением – «Молодая гвардия», отстаивавший идеи почвенничества и русского национализма. В начале 1970-х гг. все три линии (либеральная, сталинистская, почвенническая) так или иначе властью были приручены, введены в надлежащее русло, однако к тому времени уже сформировалось иное пространство, в котором формирующаяся субъективность социальных групп осваивала символические формы своего выражения – это пространство «второй культуры» и частной, индивидуальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневецкий. – М.: ОГИ, 1998. – 432 с.
2. Джилас, М. Новый класс / М. Джилас // Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / под общ. ред. В. В. Игрунова. – М.: МИГПИ, 2005. – Т. 1, кн. 2: До 1966 года. – С. 294-305.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художественный журнал, 1999. – 235 с.
4. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
5. Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов: Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам СП СССР. 1967-1970 // Октябрь. – 1990. – № 8. – С. 179-196.
6. Ковалов, О. «Четвертый смысл» / О. Ковалов // Искусство кино. – 2008. – № 10. – С. 133-141.
7. Копелев, Л. З. Мы жили в Москве. 1956-1980 / Л. З. Копелев, Р. Д. Орлова. – М.: Книга, 1990. – 447 с.
8. Лакшин, В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневник и попутное (1953-1964) / В. Я. Лакшин. – М.: Книжная палата, 1991. – 269 с.
9. Орловский, Э. С. Мой путь в диссиденты / Э. С. Орловский // Нева. – 2002. – № 6. – С. 166-187.
10. Рыклин, М. К. Свобода и запрет. Культура в эпоху террора / М. К. Рыклин. – М.: Логос, 2008. – 296 с.
11. Сарнов, Б. Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. Сарнов. – М.: Эксмо, 2005. – 768 с.
12. Синявский, А. Д. Что такое социалистический реализм / А. Д. Синявский // Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / под общ. ред. В. В. Игрунова. – М.: МИГПИ, 2005. – Т. 1, кн. 1: До 1966 года. – С. 458-473.
13. Стенограмма общемосковского собрания писателей (31 октября 1958 года) // Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / под общ. ред. В. В. Игрунова. – М.: МИГПИ, 2005. – Т. 1, кн. 1: До 1966 года. – С. 423-449.
14. Твардовский, А. Т. Из рабочих тетрадей (1953-1960) / А. Т. Твардовский // Знамя. – 1989. – № 7. – С. 124-192.
15. Фрезинский, Б. Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1819-1960 годов / Б. Я. Фрезинский. – М.: Эллис Лак, 2008. – 672 с.
16. Хрущев, Н. С. Доклад XX съезду Коммунистической партии Советского союза / Н. С. Хрущев // Антология Самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / под общ. ред. В. В. Игрунова. – М.: МИГПИ, 2005. – Т. 1, кн. 1: До 1966 года. – С. 360-374.
17. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
18. Юрчак, А. Поздний социализм и последнее советское поколение / А. Юрчак // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2(52). – С. 81-97.

Коноплева Н. А.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И «ЧЕЛОВЕКА ТВОРЧЕСКОГО» В КУЛЬТУРЕ

Коноплева Н. А.

N.A.Konopleva

ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И «ЧЕЛОВЕКА ТВОРЧЕСКОГО» В КУЛЬТУРЕ

GENDER-SPECIFIC FOUNDATIONS OF CREATIVE ACTIVITY AND «CREATIVE PERSON » IN CULTURE

Коноплева Нина Алексеевна – кандидат культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Россия, Владивосток). E-mail: nika.konopleva@gmail.com.

Ms. Nina A. Konopleva – PhD in Cultural Studies, Senior Lecturer, acting Head of the Department of Service and Fashion, city of Vladivostok State University of Economy and Service. E -mail Nina.konopleva@vvsu.ru

Аннотация. В статье аргументируется положение, что становление культурной идентичности «человека творческого» характеризуется взаимодополняющими гендерными началами маскулинности – фемининности, способствующими становлению андрогинного культурного типа субъекта творческой деятельности.

Summary. The paper argues that development of a cultural identity of «the person creative» is characterized by complementary gender characteristics "masculinity – femininity", promoting the making of an androgynous cultural type of the subject of creative activity.

Ключевые слова: гендер, человек, личность, субъект, образ, типология, творчество, «творческий гендер».

Key words: gender, person, subject, image, typology, creativity, «creative gender».

УДК: 008.009

Научные подходы к творчеству многоаспектны, они обусловлены его изучением с различных позиций: процесса, продукта, личности. Для нашего исследования определяющими являются постулаты М. С. Кагана о том, что культура включает в себя филогенетические и онтогенетические формы преобразования человеком его собственной природы [6, 96]; В. Ф. Овчинникова – о том, что творчество предполагает единство репродуктивных и продуктивных начал, выражение предметно-деятельностной природы в форме внутреннего противоречия воспроизведения и изменения, преемственности и новообразования, устойчивости и обновления [9, 19-26], а также М. С. Кагана о том, что «в искусстве происходит столкновение противоположностей; рождающееся при этом целое становится существенно отличным от слившихся в нем компонентов» [6, 67]. Искусство – один из важнейших механизмов социального наследования и передачи значимого опыта людей, культурной информации. Эти положения определяют обоснование доминирующих творческих стратегий каждого гендера: только в единстве противоположных начал – мужского и женского – рождаются великие творения. Однако до сих пор остается нерешенным вопрос о специфике гендерного своеобразия «человека творческого». Для обозначения его социокультурной сущности целесообразно оперирование термином «творческий гендер», введение которого обусловлено тем, что формирование культурной идентичности субъекта творческой деятельности способствует конструированию особого типа личности – андрогинного («третий пол»), отличающегося вы-

раженностью черт, стереотипно приписываемых маскулинной и фемининной половым ролям. Это может служить основанием общественного и индивидуального бытия творческой личности в культуре, так как понятия «мужское» и «женское» в культуре не являются раз и навсегда зафиксированной данностью.

Исследование гендера предполагает изучение социокультурно обусловленных мужских и женских ролей, отношений и особенностей личности – анализ «мужского» и «женского» в культуре. В теории культурного феминизма аргументированы положительные аспекты того, что рассматривалось как «женский характер» или «женская личность», обоснованы различные модели мотивации в достижении целей и стиля общения. Согласно этой теории причины гендерного различия кроются в биологии, институциональных ролях, в процессах социализации и взаимодействия. Э. Росси объяснила различие биологических функций мужчин и женщин моделями гормонально обусловленного развития. Представители экзистенциального и феноменологического толка объяснили оттеснение женщин созданной мужчинами культурой как «Других»: мир создан мужчинами, их культура вытесняет культуру женщин на периферию. Феминистский подход в объяснении гендерного неравенства определяется положениями: мужчины и женщины занимают в обществе неравное положение; это возникает вследствие типа организации общества, а не вследствие биологических или личностных различий.

Социокультурное положение женщин ведет к тому, что, сталкиваясь с исторически сложившимися преимуществами мужского гендера, стремясь к карьерному росту и самореализации, они во многом теряют собственную сущность, приобретая черты, стереотипно приписываемые мужской идентичности. Андрогиния, необходимая в творческой деятельности обоим полам, из-за социокультурного положения женщин и стремления воспитателей в процессе их социализации сформировать «не крылья, а корни», проявляется в их культурной идентичности не гармоничным сочетанием женственности и мужественности, а избыточным проявлением женственности. Это способствует творчеству, нуждающемуся в адаптивности и в реализации требований современной культуры. Онтогенетическая изменчивость и лучшая приспособляемость присуща именно женскому полу, поэтому женское творчество может реализовывать запросы современной культуры, а не служить будущим эпохам, то есть оно может быть талантливым, но не гениальным.

Радикальный феминизм обосновывает дискриминацию женщин мужским господством. Так, Г. Поллок полагает, что только при устранении господства мужчины может осуществиться новое духовное состояние общества, что «зло не в мужчине и не в его личном господстве над женщиной, зло – в мировой цивилизации, в сложившихся общественных отношениях. Категории «женского» и «мужского» – продукт социальной эволюции, и для того, чтобы вполне понять их, нужно распутать клубок психо-социальных отношений, породивший эти категории в нынешнем смысле» [1, 337].

Сторонники психоаналитического феминизма полагают, что мужчины в повседневной практике настойчиво утверждают и сохраняют систему патриархата. Ребенок мужского пола, вырастая в культуре, где позитивно оценивается мужественность и принижается женственность, осознавая свою идентичность, стремится отделиться от женщины/матери. Отчуждение, инициированное культурой, деструктивно по своим последствиям. Эмоциональный остаток детского отношения к женщине – потребность в ней, любовь, с одной стороны, ненависть – с другой, вызывают требовательность мужчины к женщине, удовлетворяющей его эмоциональные потребности, но при этом зависимой и контролируемой им. Девочка, осознавая свою женскую идентичность и сталкиваясь с тем, что роль женщин в культуре обесценивается, вырастает со смешанными позитивными и негативными эмоциями.

В феминистском анализе взаимодействия подчеркиваются различия между мужчинами и женщинами, объяснимые с точки зрения глубинных культурных факторов. Воспитание мужчин поощряет индивидуализацию и ведет к отрицанию женского начала; мужчина понимает, что его притязания на преимущество означают, что следует реализовывать свои планы.

Коноплева Н. А.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И «ЧЕЛОВЕКА ТВОРЧЕСКОГО» В КУЛЬТУРЕ

Женщина рано узнает, что одна из ее обязанностей – признать личность другого человека. В процессе социализации женщины учатся видеть себя глазами мужчин, и даже если «значимыми Другими» являются женщины, они перенимают мужское представление о себе и о женщине вообще. На усвоение женщинами своей роли влияет тот факт, что они, в отличие от мужчин, должны научиться роли «Другого», в которой выступает мужчина. Для мужчин другие – в первую очередь мужчины, равные ему по гендерному признаку. При этом индивид учится принимать на себя роль «обобщенного Другого», представляющего собой конструкт, созданный субъектом из совокупности событий его социальной и культурной жизни. В патриархальной культуре, где господствуют мужчины, «обобщенный Другой» – это нормы, принятые в сообществе, которые вынуждают женщину считать, что она «нечто более низкое» или «неравное» по отношению к ним. Таким образом, и феминизм, и социологические теории гендера, признавая существование неравенства, подходят с различных позиций к его объяснению.

В современной теории имеется несколько понятий, обозначающих устойчивые нормы «женского» и «мужского»: «гендерные роли», «гендерная социализация», «гендерная система», «гендерные стереотипы», «гендерные контракты», «гендерная культура» и др. Введение конструкта «гендер» зафиксировало тот факт, что биологически пол не может быть адекватным объяснением развития личностных качеств, моделей поведения, видов деятельности, социальных ролей, выбора профессий. Современные исследования показали, что психические различия между полами являются в значительной степени продуктом социокультурных влияний.

Обобщая современные варианты западных моделей понимания гендера, О. А. Воронина отмечает, что он рассматривается как «психологическая категория, социальная конструкция, субъективность, идеологический конструкт, сеть, технология, культурная метафора» [3, 9-20]. Н. М. Ершова, очерчивая социально-философское значение гендера, дает следующее определение понятию: *гендер* есть социальная конструкция, возникающая в результате практик повседневного взаимодействия между мужским и женским и выступающая в качестве способа символизации общественного и индивидуального бытия [5, 12]. Мы понимаем гендер как культурную метафору в русле теории социального конструирования. Это обусловлено тем, что смысл данного подхода состоит не только в «показе культурно детерминированных различий между полами, но и того, как культурное конструирование различий сказывается на социальном статусе гендерных групп, а значит и на профессиональной реализации [2, 180-191].

Следует обратить внимание на то, что исследуемый нами первый временной период характеризуется началом социокультурной динамики научных представлений о мужчинах и женщинах. В XIX веке маскулинные и фемининные черты и свойства считались строго дихотомичными, взаимоисключающими, и любое отступление от них воспринималось как патология. Затем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-фемининных свойств. Многочисленные исследования показали, что хотя сами свойства маскулинности и фемининности полярны и альтернативны, конкретные индивиды отличаются друг от друга лишь по степени их выраженности, т.е. маскулинность и фемининность являются производными социокультурных ролей. Разные культуры в разные периоды конструируют гендер по-разному. Его образы многослойны, многогранны, противоречивы и изменчивы.

В XX веке меняется порядок, описанный В. А. Геодакьяном, постулирующим, что поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, вначале воспринимают самцы, и лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных генетическая информация попадает внутрь устойчивого ядра популяции, представленного самками [4, 70-80]. Гендерный порядок «ломают» женщины, социальное положение, деятельность, психика которых в настоящее время изменяется быстрее и радикальнее, чем мужская. Как отмечал И. С. Кон, при этом имеет значение радикальность социальных изменений, осуществляемых прежде всего теми, кто в них заинтересован, то есть – женщины [8]. «Маскулинность» и «фемининность» являются не психологическими, а антропологическими и социокультурными категориями.

Так как главными детерминантами при созидании гендера, полагает И. С. Клецина [7], являются социальные ожидания, конвенциональные требования половой адекватности поведения, требования, которые, как нами установлено при анализе адаптационных характеристик творческой личности (аллопластическая адаптация), она стремится преодолеть, то и в процессе формирования самоидентичности творческая личность трансформирует свои субъектные характеристики не с учетом культурных требований, а на основании собственных предпочтений и ценностных установок. Формируя собственную идентичность, характеризуясь активностью и творческими новациями, субъект творческой деятельности стремится преодолеть устоявшиеся в культуре требования к мужским и женским ролям и автоматическую культурную маркировку, когда «мужское» определяется как доминирующее, приоритетное.

Проведенное нами исследование с использованием опросника С. Бем, направленного на выявление у субъекта творческой деятельности преобладающих гендерных характеристик (маскулинности, фемининности, андрогинности), показало, что в 73 % случаев у мужчин выявлена андрогинность, в 17 % случаев – маскулинность, в 10 % случаев наблюдается проявление фемининности. Среди женщин выявлены: андрогинность – 80 %, маскулинность и фемининность в 10 % случаев соответственно. В свою очередь, интерпретация результатов исследования субъекта деятельности в изобразительном творчестве по методике 16-и факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла показала отличия мужского и женского гендеров лишь по пяти факторам. У мужского гендера тенденция к высокой оценке наблюдается по фактору *N* (*N* + искусственность – *N* - безыскусственность), фактор *O* (*O* + склонность к чувству вины – *O* - не склонность к чувству вины). Учитывая полученные данные, можно говорить о наличии таких психологических особенностей, как проницательность в отношении других людей, честолюбие, эстетическая изощренность. Мужчины – художники предпочитают общение с утонченными людьми (*N* = 6 стенов (ст.)). Они склонны к размышлениям в одиночестве, недооценивают свои возможности, знания и способности, а их поведение и настроение в значительной мере зависят от одобрения или неодобрения окружающих. Они легко подвергаются различным страхам и тяжело переживают жизненные неудачи (*O* = 6 ст.). Вместе с тем у женщин как по фактору *N* = 5 ст., так и фактору *O* = 5 ст., наблюдается тенденция к низким результатам и, следовательно, к совершенно противоположным личностным характеристикам, чем у мужчин. Женщинам присуща тенденция к прямолинейности, меньшая скованность правилами и стандартами общества, им трудно логикой обуздать свои чувства. Они довольно чувствительны и сентиментальны, легко переносят жизненные неудачи, верят в себя, менее, чем мужчины, склонны к страхам и самоупрекам.

Также отличие в личностных характеристиках между мужским и женским гендером выявлены по фактору *E* (*E* + доминантность – *E* - конформизм), (7 ст. у женщин и 5 ст. у мужчин), что свидетельствует о присущих женщинам стремлениях к самоутверждению, самостоятельности и независимости. Они игнорируют социальные условности и авторитеты, агрессивно отстаивают свои права на самостоятельность, склонны действовать энергично и активно, им нравится принимать «вызовы» и чувствовать превосходство над другими. Мужскому же гендеру, в свою очередь, присущи зависимость, руководство мнением окружающих, неверие в себя и свои возможности.

Кроме того, отличаются, хотя и незначительно, результаты по фактору *C* (*C* + Сила «Я» – *C* - слабость «Я»): (тенденция к высоким результатам у женщин и к низким – у мужчин (6 ст. у женщин и 5 ст. у мужчин). Это говорит о том, что женский «творческий гендер» можно рассматривать как эмоционально зрелый и хорошо приспособленный, отличающийся силой «Я». Женщины способны достигать своих личных целей без особых трудностей, смело смотрят в лицо фактам, хорошо осознают требования действительности. В свою очередь, у мужчин наблюдается тенденция к нехватке энергии, беспомощность и усталость. Они неспособны справляться с жизненными трудностями, имеют беспричинные страхи, беспокойный сон и обиды на других. Они плохо контролируют свои эмоциональные импульсы и выражают их в социально допустимой форме. Незначительное отличие отмечается по фактору (*F* +

жизнерадостность – F - пессимизм = 7 ст. у женщин, 6 ст. у мужчин), у женщин – высокий результат, у мужчин – тенденция к высокому результату). Это свидетельствует о том, что женщинам присущ оптимизм, они легко относятся к жизни и верят в удачу. Они бывают находчивы и остроумны в разговоре, получают удовольствие от работы, предполагающей разнообразие, перемены, путешествия. В свою очередь, мужчинам также присущи эти характеристики, но в менее выраженной степени.

Сходство как мужчин, так женщин, обусловлено всеми остальными личностными характеристиками. Так, абсолютно одинаковые результаты получены у тех и других по факторам (*A + аффектотимия (доброта – сердечность) – A - шизотимия (обособленность – отчужденность) = 5 ст.*); (*H + смелость – H - робость = 7 ст.*); (*L + подозрительность – L - доверчивость = 4 ст.*); (*M + мечтательность, оригинальность – M - практичность = 6 ст.*); (*Q 4 + фрустрированность (напряженность) – Q 4 - нефрустрированность (расслабленность) = 5 ст.*). Результаты по данным факторам свидетельствуют о том (фактор A), что и мужчинам и женщинам присуща несклонность к аффектам (фактор A), они внешне холодны и формальны в контактах, не интересуются жизнью окружающих, любят трудиться в одиночестве, предпочитают общение с книгами и вещами, не склонны идти на компромиссы. В делах у них доминирует тенденция к точности и обязательности, но присутствует недостаточная гибкость. Они (фактор H) имеют тягу к риску, склонны быстро принимать решения, которые необязательно являются правильными, быстро забывают о неудачах, не делая надлежащих выводов, они беззаботны и доверчивы, имеют эмоциональные и художественные интересы. Считают (фактор L) всех людей добрыми и хорошими, не ожидают от окружающих враждебности, независтливы и не стремятся к конкуренции, бескорыстны. Им присущи (фактор M) богатство воображения, поглощенность собственными идеями и фантазиями, напряженность внутреннего мира, интерес к искусству, мировоззренческим проблемам. Их отличает тенденция к расслабленности (фактор Q 4), они удовлетворяются любым положением дел и не стремятся к достижениям.

Кроме того, сходство характеристик отмечается и по всем остальным факторам, хотя показатели мужского и женского гендера несколько отличаются, но относятся у тех и других к отрицательному или положительному значению (низкие или высокие результаты): (*B + высокий интеллект – B - низкий интеллект = 5 ст. у женщин, 3 ст. у мужчин*); (*G + сила «сверх я» – G - «слабость сверх я» – фактор моральной регуляции поведения = 7 ст. у женщин и 6 ст. у мужчин*); (*I + мягкосердечие – I - суровость = 4 ст. у женщин и 5 ст. у мужчин*) (*Q1 + радикализм – Q1 - консерватизм = 5 ст. у женщин, 4 ст. у мужчин*); (*Q2 + самостоятельность – Q2 - зависимость = 3 ст. у женщин, 2 ст. у мужчин*); (*Q3 + контроль желаний – Q3 - импульсивность = 5 ст. у женщин и 4 ст. у мужчин*). По фактору B нами получены средние значения у женщин и низкие – у мужчин. Вместе с тем, если обратиться к результатам нашего анализа и установленным многими исследователями влияния высокого – интеллекта на креативность, то указанные выше результаты могут свидетельствовать о склонности личности не к интеллектуальной деятельности, а к творческой, в связи с более высоким уровнем креативности, а не интеллекта. Причем по уровню показателя у мужчин и женщин можно предположить наличие более выраженной креативности у мужского гендера. По фактору G (*сила «сверх я» – «слабость сверх я» – фактор моральной регуляции поведения*) в группе женского гендера – высокая оценка, у мужского – тенденция к высокой (7 и 6 ст. соответственно). Это говорит о том, что творческие личности обоих гендеров добросовестны, глубоко порядочны, не потому, что это может оказаться выгодным, а потому, что не могут поступить иначе по своим убеждениям. Они настойчивы и упорны в деятельности. У мужчин по фактору I (*мягкосердечие – суровость*) наблюдается тенденция к низкому результату (5 ст.), у женщин – низкая оценка (4 ст.). Низкий показатель по данному фактору свидетельствует о том, субъектам нашего исследования, независимо от гендера, присущи мужественность, стойкость, их можно характеризовать, как независимых, придерживающихся соб-

ственной точки зрения, склонных принимать на себя ответственность. Свойственная им чѐрствость иногда может доходить до степени цинизма. По фактору *Q1* (радикализм – консерватизм) (5 ст. у женщин, 4 ст. у мужчин). Низкие показатели по данному фактору свидетельствуют о том, что они склонны к нравоучениям и морализации (в некоторой степени больше женщины), не склонны проявлять инициативность. По фактору *Q2* (самостоятельность – зависимость) наблюдаются низкие оценки (3 ст. у женщин и 2 ст. у мужчин). Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод: как мужскому, так и женскому гендеру присуща «мыслящая интроверсия», несамостоятельность, нуждаемость в поддержке и одобрении окружающих. Они могут легко попадать под влияние плохих компаний и иметь неприятности с законом. По фактору *Q3* (контроль желаний - *Q3* – импульсивность) низкие показатели (5 ст. у женщин и 4 ст. у мужчин) указывают на плохой самоконтроль, особенно над желаниями. Им (особенно мужчинам) сложно придать своей энергии конструктивное направление, не расточать ее, они не умеют организовывать свое время и порядок выполнения дел. Как мужчинам, так и женщинам сложно адаптироваться в большой корпоративной и управленческой иерархии.

Учитывая, что гендер – сложный социокультурный конструкт, проявляющийся различиями в поведенческих ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках между «мужским» и «женским», конструируемыми обществом и культурой, обнаруживая в культурной идентичности творческой личности переплетение и определенное сочетание мужских и женских личностных характеристик, можно утверждать, что творческая личность является особой культурно-антропологической реальностью, стремящейся снять социально-культурную оппозицию понятий «мужское – женское» и приобретающей в процессе формирования культурной идентичности взаимодополняющие гендерные характеристики маскулинности – фемининности, способствующие становлению андрогинного типа личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланов, В. Г. Феминизм Гризелды Поллок и другое. Я художника (проблема автопортрета) / В. Г. Арсланов // *Метаморфозы творческого Я художника* / под ред. О. А. Кривцун. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 376 с.
2. Барчунова, Т. В. «Эгоистический гендер» или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 5. – С. 180-191.
3. Воронина, О. Н. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 4. – С. 9-20.
4. Геодакян, В. А. Эволюционная логика дифференциации полов и долголетие // *Природа*. – 1983. – № 1. – С. 70-80.
5. Ершова, Н. М. Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ершова Надежда Михайловна. – Екатеринбург, 2005. – С. 12.
6. Каган, М. С. Проблемы своеобразия художественной деятельности в истории эстетики // *Избранные труды: в 7 т. Т 2. Теоретические проблемы философии*. – СПб.: Петрополис, 2006. – 660 с.
7. Клецина, И. С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии // *Вопросы психологии*. – 2003. – № 1, С. 61-78.
8. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон. – М.: Время, 2009. – 496 с.
9. Овчинников, В. Ф. Деятельностная основа творчества // *Диалектика творческой деятельности* / В. Ф. Овчинников. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета. – 1999. – 141 с.

Крыжановская Я. С.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ

В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА

Крыжановская Я. С.

Y.S.Kryzhanovskaya

**К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА**

**TO THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF SPECTACLE FORMS IN THE TRADITIONAL
CULTURE OF THE AMUR AND SAKHALIN REGIONS**

Крыжановская Яна Станиславовна – кандидат культурологии, доцент кафедры литературы и культурологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, д. 68; (4212) 21-07-97. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Ms. Yana S. Kryzhanovskaya – PhD in Cultural Studies, Department of Literature and Culturology, the Far East State University of Humanities (Khabarovsk).

E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена обоснованию категорий «зрелище», «зрелищная культура» и типологическому рассмотрению зрелищных форм, исторически сложившихся в традиционной культуре этносов Амуро-Сахалинского региона. С позиции сформированности «образа зрителя» выделяются три самостоятельные группы зрелищ – обрядовые зрелища, фольклорный театр и современный любительский театр.

Summary. The paper argues the categories of "spectacle" and "spectacle culture", and provides typological consideration of spectacle forms historically developed in the traditional culture of peoples of the Amur and Sakhalin regions. From the point of view of the maturity of the "spectator figure" in the culture, three independent groups of spectacles are distinguished: ceremonial spectacles, folklore theatre and modern amateur theater.

Ключевые слова: зрелище, зрелищная культура, обрядовое зрелище, фольклорный театр, этнический театр.

Key words: spectacle, spectacle culture, ceremonial spectacle, folklore theatre, ethnic theatre.

УДК 008:39 (571)

Зрелище – одно из универсальных понятий общей истории и теории культуры, антропологии, этнологии. В каждом историческом типе культуры разнохарактерные зрелищные формы организуют собственное пространство со своей структурой и динамикой. Особое место они занимают в культуре коренного населения юга Дальнего Востока России. Игры, обряды, сказки, фольклорный театр и более поздний любительский театр – важнейшая часть духовных традиций нанайцев, ульчей, нивхов, других этносов, проживающих в регионе и скрепленных общностью исторических судеб.

Многообразие зрелищных форм порождает первую проблему, с которой сталкивается исследователь традиционной культуры. Проблема эта заключается в том, чтобы за всей совокупностью акций увидеть *зрелище* и определить его трансформационные возможности. Мы рассматриваем зрелище как многофункциональное явление широкого диапазона. Но если говорить о некоей «инвариантной мере», применимой ко всем зрелищным формам, об исходных признаках зрелища, таковыми автор считает:

– во-первых, активную адресованность взгляду, т.е. ориентацию на зрителя, с которым и связывается «акт смотрения». Такая точка зрения нашла отражение в самой полной на сегодняшний день энциклопедии в данной области «Культурология»: «зрелищем является все то, что предстает взгляду» [7, 699]. Без преувеличения можно сказать, что для той или иной акции все решается присутствием публики, готовой воспринять «это» именно как зрелище;

– во-вторых, визуально-динамическую, процессуальную природу.

Направленность зрелища на публику и его потенциально массовое воздействие задают характеристику, которую можно назвать *«зрелищность»*. С этой позиции зрелищность – свойство явления, предполагающее ограничение словесных обозначений в пользу визуально-экспрессивной формы, и действия, переведенного в план внешнего выражения, своеобразный «апофеоз предмета и жеста» (Р. Барт). Источником зрелищности того или иного действия, воспринимаемой зрителем как декоративная выразительность, лежащего в его основе пластического рисунка, является не семантика этого действия, но визуальная активность происходящего, связанная с интенсивностью присутствия человека-участника, с форсированностью («спектаклярностью») его действий, адресованных вовне.

Очевидное многообразие зрелищных разновидностей позволяет говорить о существовании зрелищной культуры как особого слоя в духовном опыте социума. Применительно к культуре конкретного этноса *«зрелищная культура»* представляет собой целостную систему исторически сложившихся зрелищных форм (связанных единством языка, принципов драматургии и т.п.), с их структурой и динамикой, а также механизмами их претворения и восприятия. Эта категория позволяет выйти за пределы зрелища в привычной художественной разновидности и рассматривать его как самоценное явление духовной культуры этноса, выявить основные направления исторического развития зрелищ от обозримых или реконструируемых истоков до современных театрально-художественных и иных разновидностей. Зрелищная культура, включая такую ее более позднюю составляющую, как культура театральная, активно воздействует на участников и зрителей, является одним из мощных пропагандистов ведущих идей в культурном пространстве эпохи и в целом отражает состояние культуры и общественной жизни определенного этноса или региона.

В данной работе зрелищная культура рассматривается как часть традиционной культуры амуро-сахалинских этносов. При этом под традиционной культурой в пределах анализируемого периода (сер. XIX – нач. XXI вв.) понимается исторически развивающееся явление, включающее элементы не только собственно традиционной культуры, но и культуры архаической (начальной стадии развития традиционной культуры), а также, уже в XX в., элементы культуры новационной. В рамках последней проявления традиционной зрелищности сохраняются либо как «пережитки» (обрядовое зрелище), либо как реконструкция (этнический театр), либо как стилизация (национальный театр).

Для народов, населяющих юг дальневосточного региона, актуальными формами традиционной зрелищной культуры являлись игры, обряды, шаманские камлания, праздники, некоторые явления сказочного фольклора и другие формы, входящие в живую ткань народного бытия. В данном случае речь идет не просто о культурных явлениях, но о генетически наиболее глубоком уровне в системе духовного наследия этих этносов. Если, согласно Н. А. Хренову, «первичным и самым общим определением зрелища будет всякая демонстрация человеческого действия в пространстве» [12, 48], то при создании такой акции почти не требовалось привлечения дополнительного реквизита, использовалось то, что непосредственно дано человеку как «форма его биосоциального бытия» (М. Каган). Движение человеческого тела выступало как один из простейших актов творчества, что и позволило исследователю определить зрелище «не только как самую древнюю, но и самую демократичную форму культуры» [13, 8].

Другим аргументом в пользу первичности визуальных способов коммуникации являются данные физиологов и психологов. Их исследования говорят о том, что левое полушарие, управляющее акустическими образами (в том числе речью), моложе по происхождению, чем правое, связанное с передачей информации посредством зрительных и пространственных образов [5, 34]. Из этого следует, что человек начал общаться при помощи жестикуля-

Крыжановская Я. С.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ

В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА

ции, пантомимики, танца значительно раньше, чем начал говорить. И в дальнейшем, на ранних стадиях культуры и в культурах традиционного типа, генетически связанных с древними истоками, оптические образы продолжают играть большую роль, чем акустические. Применительно к культурам народов Севера гипотеза о преобладании пространственно-образного мышления подтверждается исследованиями В. В. Аршавского и В. С. Ротенберга, которые совместно с рядом других ученых провели комплекс психо- и электрофизиологических исследований межполушарной асимметрии головного мозга у представителей населения крайнего северо-востока [1; 9]. Малочисленным этносам юга Дальнего Востока (нанайцам, нивхам, ульчам, удэгейцам и др.) также свойственна правополушарная ориентация. Все это подтверждает значимость визуально-пространственной коммуникации и зрелищных форм в культуре этносов дальневосточного региона.

Обращение к типологическому методу при исследовании комплекса традиционной зрелищной культуры позволяет классифицировать сложившиеся формы с учетом фундаментальных зрелищных признаков и специфических отличий. В качестве доминантного признака зрелища мы выделили активную ориентацию на зрителя.

Обращенность к зрителю, т.е. показ, под которым понимается всякая демонстрация человеческого действия в пространстве, – важное условие зрелищной акции. Смысл существования зрелища состоит в том, чтобы служить объектом восприятия для зрителя, в соответствии с которым оно только и может быть понято в своей специфике. Любое зрелище рассекает мир на два лагеря – участников и зрителей. В традиционной культуре, базирующейся на мифологических представлениях, подобная дихотомия относится к числу важнейших (здесь уместно вспомнить о двойственности видимого и невидимого миров, духа и материи, мужского и женского начал и т.п.).

Создание любого зрелища обязательно включало в себя необходимость учета позиции предполагаемого зрителя. Важно отметить, что применительно к традиционному зрелищу категория «зритель» трактуется широко и не всегда подразумевает созерцающего человека. Сами зрители не обязательно должны физически присутствовать в ситуации, их могут заменять символические фигуры. В роли «публики», т.е. группы наблюдателей, отделенных от действия «барьером неучастия», могли мыслиться как боги, духи, другие магические персонажи, так и вполне реальные соплеменники. И в том и в другом случае зритель присутствовал в создании действия в качестве своеобразного ориентира и в известной мере определял характер происходящего (ожидания виртуального зрителя оказывались иногда не менее значимыми, чем реакции присутствующих).

В контексте традиционной культуры в зависимости от исторической сформированности образа зрителя можно выделить три группы зрелищ. В *первую группу* войдут наиболее ранние *обрядовые зрелища*, являвшиеся первичным опытом богообщения. Участник такой акции начинал видеть себя как бы со стороны, глазами возможного «зрителя», в роли которого мыслился Бог, дух, высший НЕКТО, сотворенный самим коллективом. На него и был ориентирован обряд. В этом случае «коммуникативное пространство, создаваемое ритуалом, провоцирует асимметричный, доминантный выбор Другого в качестве единственной смысловой альтернативы для Я. Собственные смыслы Я оказываются растворенными или подчиненными, но глубина и сила экзистенциального переживания сохраняется. В ее основе – идентификация личностных смыслов Я с социокультурными смыслами Другого и приобщение к общим родовым первоистокам, к этнической и культурной памяти» [11, 207].

Зритель в этом случае существовал не столько как реальный представитель внутри рода, сколько как фактор сознания исполнителей, как «обобщенный образ Другого (Других) как несомненный» [11, 208]. От такого Зрителя не ждали ритуальной активности – действующей стороной в обряде выступал человек, исполнитель магического действия. А обрядовое

зрелище выступало как наилучшее место для конкретного физического контакта между участниками и Зрителями.

Позже, с развитием общества, позиция «актер-зритель» в традиционной культуре подверглась варьированию. Она могла распространяться на членов коллектива – тогда при исполнении обрядов с участием шамана или при драматизированной передаче сказок происходило расслоение присутствующих на участника и зрителей. Но магическое начало всегда мыслилось в процессе такого общения и определяло подчеркнутую наглядность происходящего, что и дает основание говорить об обрядовом зрелище.

Любопытно, что подобное расслоение в шаманских акциях могло затрагивать не только присутствующих сородичей («участников»), но и магических Зрителей, духов, с которыми шаманы имели дело. По сравнению с родовым обрядами в шаманских неизменным остается лишь то, что обрядовое действие связывает собою представителей разных миров. Но если духи-зрители дошаманских обрядов – «только зрители», то не столь пассивны те духи, с которыми имеют дело шаманы. Их можно сравнить даже не просто с активными зрителями, но Зрителями-режиссерами, конституирующими структуру обряда. Так, нанайские шаманы, по наблюдению Т. Д. Булгаковой, «склоняются скорее к предположению о том, что в обряде люди исполняют потребность духов в той форме, которая *подсказана им самими духами*» (выделено нами – Я.К.) [2, 22]. «Для нанайских шаманов обряд – это магическое действие, направленность которого (от человека к духу и наоборот) может меняться. Чаще при этом не столько человек магически воздействует на мир иной, сколько духи сами нацеливают, ориентируют его деятельность в нужном им направлении» [2, 28].

Во *вторую группу* войдут зрелищные формы, обращенные к реальным членам коллектива. Такая установка вызревает уже внутри обрядовых праздников, где магические элементы все более дополняются и вытесняются игровыми, художественными. Можно проследить явные следы мировоззренческого сдвига, когда при постоянно ощущаемом вмешательстве сакральных сил в обрядово-зрелищную акцию, центр тяжести в ней постепенно стал перемещаться на землю, придавая все большее значение реальному зрителю. Внутри коллектива соплеменников происходит разделение видящего (зрителя) и видимого (участника). Можем предположить, что именно с постепенной утраты этой всеобщности противостояния под взглядом магического Зрителя и с зарождением непосредственного общения с реальными соплеменниками и начинается процесс формирования собственно театральных («пратеатральных») элементов и выделения личностно-актерского начала. Именно это происходит в представлениях связанного с обрядовыми истоками *фольклорного театра*, который мы, рассматривая зрелищные формы в контексте традиционной амуро-сахалинской культуры, и будем считать наиболее ранней собственно театральной разновидностью.

На сегодняшний день в литературе существуют различные определения фольклорного театра, который понимается:

- 1) как проявление любых театрально-игровых элементов исполнения произведений фольклора, фрагментов обрядов и т.п. – то есть в самом широком смысле, как не выделенный из обрядовой сферы [10];
- 2) народное театральное искусство, включающее театральные явления в полном объеме (народные представления, игры, сценки, диалоги);
- 3) коррелирующий с более поздними понятиями «народный театр» и «народная драма», – то есть в узком и наиболее конкретном смысле термина.

В культуре коренных этносов юга Дальнего Востока о фольклорном театре в его развитых формах (например, в форме народной драмы) говорить сложно. Однако это не означает, что театрально-фольклорных проявлений не было вовсе. В этнографической литературе описано немало игр, которые приближаются к малым театральным формам. Так, известный

Крыжановская Я. С.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ

В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА

нанайский поэт и писатель А. А. Пассар вспоминает игру своего детства «*колдокачиори*» («*колдо*» – кедр), в которой мальчики изображали деревья. Его сестра передевалась в отцовскую одежду, брала метлу и становилась «дровосеком». «Дровосек» проводил по ногам ребят «топором» (метлой), и те падали, как срубленные кедровые деревья. Затем «дровосек» тащил «дерево» домой (на другие нары), сопровождая это шутивными высказываниями [4, 166].

Близки к традиции фольклорного театра и нанайские девичьи игры с куклами «*Акоачи*». В прошлом в каждой семье были куклы. В отдельных семьях девочка для игры использовала специальные «сценарии», которые передавались из поколения в поколение. В играх, проходивших дома или в хорошую погоду на улице, девочки воспроизводили домашний быт во всех деталях. Они строили дом с нарами, печью, полками, на нары стелили постель и представляли кукол. Если девочка играла одна, она строила дома для соседей. В процессе игры кукол передвигали, имитировали их разговоры, ссоры, их укладывали спать, куклы «ходили» в гости друг к другу, «шаманили» [3, 23].

При этом нас не должна смущать зыбкость границ между игровыми и театральными формами, типичная как раз для фольклорного театра. Сошлемся в данном случае на мнение Ю. М. Лотмана, который различал два типа аудитории: «взрослую» («театральная публика») и «детскую» («фольклорная» или «архаическая» публика): «Первая относится к художественному тексту как получатель информации: смотрит, слушает, читает, сидит в кресле театра, стоит перед статуей в музее, твердо помнит: «руками не трогать», «не нарушайте тишину» и уж конечно, «не лезьте на сцену» и «не вмешивайтесь в пьесу». Вторая относится к тексту как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картинку не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей, в пьесу вмешивается, указывая актерам, бьет книжку или целует ее. В первом случае – получение информации, во втором – выработка ее в процессе игры...» [8, 377].

Специфика фольклорного театра такова, что его представление обращено к культурно однородной публике, т.е. к своим же соплеменникам, воспитанным на общих традициях. Эта направленность на определенного зрителя крайне важна, т.к. в акте зрительского интегрирования фрагменты разного рода сведений и знаний, которым изначально обладает конкретный зритель. В случае с раннефольклорным зрелищем традиция, в которую погружены участники фольклорного театра, существовала актуально, не требуя особой теоретической рефлексии, она была знакома не только участникам зрелища, но и публике. Поэтому зрелище фольклорного театра существовало на правах еще одного импровизируемого варианта, наряду с другими в фольклоре.

Третью группу составят зрелищные (театральные) формы, ориентированные на неоднородную, разнокультурную публику. Исторически этот тип театра возникает в новых условиях, когда в результате социальных преобразований активизируются контакты данного этноса с другими народами, расширяются межэтнические и межкультурные связи, когда слушателями (а иногда и исполнителями) различных жанров фольклора становятся не только его носители, но и представители иных традиций. Именно в таких условиях в 1930-е гг. складывался у этносов Приамурья и Сахалина любительский театр на национальных языках, рожденный как результат взаимодействия двух традиций – своей и русской (европейской), чье влияние на протяжении XX в. постоянно возрастало.

Согласно позиции, сложившейся в отечественном искусствоведении, феномен любительского театра включает формы музыкально-драматического творчества, занимающие промежуточное положение между фольклорным и профессиональным театром. Применительно к этнокультуре Амуро-Сахалинского региона ситуация осложняется тем, что о формировании профессионального театра и сегодня, в начале XXI в., говорить преждевременно, в то время как любительские формы представлены очень широко.

Начиная с первых представлений любительских коллективов из национальных сел, обращение к фольклорным образам, сюжетам неизменно сохраняло свое значение, подчеркивая своеобразие этого театра. Но специфика разнонациональной публики, а также идеологические задачи, поставленные временем, постепенно переориентируют творческие усилия исполнителей с создания «здесь и сейчас» звучащего варианта на воспроизведение внеситуативного канона. Если в представлениях фольклорного театра «подготовленный» зритель прочитывал дополнительные смыслы и символы, скрывающиеся за каждым движением или предметом, то в представлении самодеятельного театра «неподготовленный» зритель видел только то, что ему в данный момент показывали.

В дальнейшем перед любительским театром, возникающим как часть культуры этноса, но ориентированном на разнокультурного зрителя, открываются два пути – к этническому театру и театру национальному.

Путь к *этническому театру* – это движение к театру, продолжающему фольклорные традиции в новых условиях. При таком исполнении фольклор вычленяется из среды бытования и приобретает оттенки, связанные с особенностями его воплощения как художественного явления на сцене. Этнический театр может включать выступления хранителей фольклорной традиции (народных музыкантов, танцоров, рассказчиков) или реставрировать уже не бытующие в народной среде жанры. И в том и в другом случае такой театр, являющийся частью этнической культуры как образования консервативного, направлен на сохранение существующих (или бывших) традиций и обычаев. И хотя в целом театр в регионе возникает под влиянием русского театра, путь этнического театра предполагает дистанцирование от этого опыта, поскольку этот тип театра ориентирован на сохранение и воспроизведение в новых условиях культурно-психологических особенностей амурской традиции. Этнический театр – это театр, формат которого принципиально отличается от русского психологического театра, т.е. театр невербальный, музыкально-пластический, учитывающий сценарные возможности фольклора, синтезирующий обрядовую практику поведения и систему музыкальных возможностей традиционного вокального и инструментального интонирования. С другой стороны, этнический театр предполагает и некоторое дистанцирование от фольклорной традиции, поскольку в нем эта традиция существует уже не столько актуально, сколько в форме теоретической реконструкции. Иными словами, деятели этнического театра знают о традиции не столько благодаря собственному жизненному опыту, сколько благодаря исследованиям этнографов и фольклористов. Заметим, что оба эти принципа вряд ли были актуальны для ситуации 1930-х гг., когда на Амуре рождались первые театральные опыты – с одной стороны, русские руководители, организовывавшие театральные кружки, с другой стороны – слишком живым еще был опыт фольклора, от которого трудно было отделить себя носителям традиции.

Путь к *национальному театру*. Национальный театр – иное качественное образование по сравнению с театром этническим, хотя в своем развитии он тоже опирается на традиции. Согласно В. А. Королевой, «национальный театр как художественное явление включает в себя коллектив актеров одной национальности (или воспитанных в рамках определенной национальной культуры), созданный для художественной работы со зрительской аудиторией (публикой) этой же национальности» [6, 11]. Однако, с нашей точки зрения, понятие «национальный театр» – значительно шире и носит универсальный характер (в отличие от локальной замкнутости «этнического театра»). При этом соотношение «этнический театр» – «театр национальный» вполне соотносимо с дихотомией «традиционное – новационное» в определениях культуры этноса как целостности. И если этнический театр направлен на сохранение существующего (обрядов, игр, фольклора), то цель национального театра – сочетание образных систем прошлого с решением задач будущего.

Крыжановская Я. С.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ЗРЕЛИЩНЫХ ФОРМ

В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА

Национальный театр в данном случае понимается как «театр стилизаций», т.е. как театр своеобразной рефлексии по поводу сложившихся канонов. Театр, который, с одной стороны, учитывает специфику национального – языка, музыкального интонирования, круга образов, национального темперамента, эстетических приоритетов. Но с другой стороны, национальный театр – это театр, ставящий в качестве перспективы универсальные задачи и обращенный к мультикультурной публике. Это попытка увидеть культуру своего этноса со стороны и обозначить ее место в более широком культурном контексте. Для культуры народов юга Дальнего Востока соотнесение с мировым опытом традиционно происходило через русскую культуру, в том числе через традиции отечественного театра. И если этнический театр может существовать в форме любительства, то само понятие «национальный театр» (как и «национальная живопись», «национальная литература») есть результат синтеза фольклорных истоков и профессионализации как элемента европейской индустриально-городской культуры.

Суммируя сказанное, еще раз подчеркнем – зрелище в традиционной культуре региона есть специфический способ существования столь разных явлений культуры, как обряды, игры, фольклорный и более поздний самодеятельный театр. Целостная система этих форм образует зрелищную культуру как особый слой в духовном опыте амуро-сахалинских этносов. Все эти явления сближает обращенность к зрительскому взгляду, взятая нами как основной критерий зрелища. При этом историческое изменение образа «зрителя» позволило выделить три самостоятельные группы зрелищ. Предложенная историко-культурологическая классификация является необходимым методическим средством для научного изучения процесса эволюции зрелищной культуры в Амуро-Сахалинском регионе за 160 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршавский, В. В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности (К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР) / В. В. Аршавский. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – 136 с.
2. Булгакова, Т. Д. Представление нанайцев об обрядовой активности духов / Т. Д. Булгакова // Кунсткамера: Этнографические тетради / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. – 1995. – Вып. 8-9. – С. 21-30.
3. Гонтмахер, П. Я. Утро мифа в стране нивху / П. Я. Гонтмахер // Скоринов С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов. – Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2004. – 416 с.
4. Горбунова, А. В. «Хупику» – традиционная нанайская и ульчская игрушка / А. В. Горбунова // Записки Гродековского музея. – Хабаровск: ХККМ, 2000. – Вып. 1.
5. Иванов, В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем / В. В. Иванов. – М.: Советское радио, 1978. – 184 с.
6. Королева, В. А. Синтез искусств как мировоззренческая проблема дальневосточного национального театра 1880-1930-х гг. / В. А. Королева // Взаимодействие искусств на рубеже веков: материалы науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002. – С. 11-26.
7. Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – М.: РОСПЭН, 2007. – 1392 с.
8. Лотман, Ю. М. Куклы в системе культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 377-380.
9. Ротенберг, В. С. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский // Вопросы философии. – 1984. – № 4. – С. 78-86.
10. Зуева, Т. В. Русский фольклор : учеб. для высших учебных заведений / Т. В. Зуева, Кирдан Б. П. – М.: Флинта, 2002. – 400 с.
11. Савелова, Е. В. Миф и образование в структуре человеческого бытия и культуры : моногр. / Е. В. Савелова. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2010. – 346 с.
12. Хренов, Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики / Н. А. Хренов. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
13. Хренов, Н. А. Зрелище в эпоху восстания масс / Н. А. Хренов. – М.: Наука, 2006. – 646 с.

Малова И.Ю.

I.Y.Malova

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ XXI ВЕКА В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

IMAGE OF MODERN RUSSIA IN XXI CENTURY IN AMERICAN PRESS

Малова И. Ю. – соискатель Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Russianirina@list.ru.

Ms. Irina Y. Malova – PhD Applicant, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Russianirina@list.ru.

Аннотация. Образ современной России в американской прессе формируется под влиянием существующих и часто устаревших представлений о нашей стране. В данной статье будет дан анализ выборке газетных текстов, в которых явления и события в современной России интерпретируются с точки зрения американских журналистов.

Summary. The image of contemporary Russia in American printed media is formed under the influence of existing and often obsolete perceptions about our country. The present paper provides an analysis of newspaper texts where contemporary Russian events are interpreted from the point of view of American journalists.

Ключевые слова: образ, современная Россия, статья, критика.

Key words: image, contemporary Russia, article, criticism.

УДК: 008

Сегодня средства массовой информации играют критическую роль в формировании общего представления человека о мире. Частные представления об отдельных составляющих нашей действительности не могут избежать подобного влияния. Так, создание образа отдельно взятой культуры и нации в большой степени зависит от того, как СМИ подают и интерпретируют информацию с иностранным колоритом.

Ранее нами уже предпринимались попытки дать оценку современному образу России в XXI веке в глазах американцев. С целью создания более полной и точной картины нам необходимо провести анализ образа России, создаваемого американской прессой. Нами был проведен анализ статей из газеты Уол Стрит Джорнал за период сентябрь-декабрь 2011 года.

За три с половиной месяца газета опубликовала порядка 35 статей, касающихся России в той или иной степени. Все они затрагивали область нашего исследования и касались таких тем, как: вход России в Международную торговую организацию, судебное слушание по делу олигарха, инновации в финансовой сфере, почему Путин опять баллотируется на президентский пост, кибершпионство, видео разоблаченных русских шпионов, критика в сторону запада от Путина, мятежи в Москве после парламентских выборов в декабре 2011 года, обновление парка Горького в Москве, ети и др.

Начнем со статьи, описывающей ежегодный ужин В. Путина с зарубежными академиками и журналистами, в которой автор неуклонно ведет читателя к мысли о резкой критике в сторону Запада, идущей от российского премьер-министра Путина, баллотирующегося на пост президента страны на выборах 2012. Статья была опубликована 12 ноября 2011. Журна-

лист намеренно выбирает только сильные глаголы, несущие негативную коннотацию и неизбежно вызывающие у читателя защитную реакцию. Это такие глаголы как: «обвинил» (два раза), «атаковал» (два раза), «критиковал» (два раза).

Фраза в самом начале задает тон всей статье: «...скорее всего, второй период президентства не будет отмечен смягчением жесткой критики в сторону западной политики, что отличало его (Путина) первый срок на посту».

Однозначно, что на ужине позиция премьер-министра была далека от мягкой, но журналист целенаправленно выбирает самые колкие фразы В. Путина, на которые американская аудитория всегда реагирует резонансно. Например: «Господин Путин обвинил США в заинтересованности в отношениях с Москвой, потому что Россия была единственной страной, которая могла разрушить США за полчаса или даже меньше». Положительным элементом в создании образа российской культуры в данной статье является перечисление блюд, которые сервировались на ужине: «меню включало копченую форель, утиную печень, суп из оленины, шербет из ревеня, телячьи щеки и грушевый суп с карамелью».

В другой статье под названием «Почему Путин опять баллотируется? Его рейтинги выше» от 1 октября журналист не раз упоминает о государственном доминировании: «Единая Россия, партия контролируемая Кремлем»; «...кандидаты оппозиции... игнорируются на телевидении, которое в России все еще подвержено влиянию и находится под жестким правительственным контролем».

В статье от 1 ноября об обнаружении видео, на котором запечатлены российские шпионы, арестованные в июне 2010 года, журналист ссылается на шпионов как «не такие уж тайные агенты». Дэлвин Баррет, штатный корреспондент Уол Стрит Джорнал, начинает свою статью тем, что ФБР обнародовало данное видео в самое подходящее время – в канун Хэллоуина, американского праздника всей нечистой силы. Нельзя обойти вниманием тот факт, что в статье упоминается дальнейшая судьба пойманных шпионов, и то, что россияне возвели их в ранг героев: «По возвращении в Россию, десять шпионов были встречены как герои, а миссис Чепмен стала моделью и лицом телевидения».

За анализируемый период нами было выявлено две другие статьи, в которых Россия упоминается в контексте международной разведки и шпионства. Первая из них называется «Сколько ядерного оружия есть у Китая?» и вторая – «Китай выделяется в кибершпионстве». Первая статья начинается с воспоминаний бывшего американского секретаря обороны, в которых он говорит, что после окончания Холодной войны американцы считали, что у СССР 20 000 боеголовок, хотя на самом деле их было 40 000. Подобный просчет случился во времена, когда «легионы агентов ЦРУ, Пентагона и специалисты по контролю над вооружением посвящали всю свою карьеру оценке размера арсенала СССР, США недоценило этот размер в 2 раза». Основная часть статьи полностью посвящена Китаю, но факт упоминания СССР и его ядерной мощи в каждой статье подобной тематики, мешает созданию образа новой России у читателя. Другая статья о кибершпионстве также полностью посвящена Китаю, но Россия в ней упоминается три раза: «Российская разведка осуществляет активный шпионаж с целью сбора экономических данных США и технологий»; «в докладе ЦРУ США, выпущенном в четверг, говорится о том, что Россия и Китай являются самыми агрессивными собирателями экономической информации США и технологий».

В очередной статье от 31 октября о судебном разбирательстве олигархов упоминается характер ведения бизнеса в российской промышленной индустрии: «дело подчеркивает мрачную природу российского алюминиевого сектора, который в 1990-е годы сотрясался от конфликтов владельцев». Уточнение журналистом статьи визового статуса олигарха также содействует составлению не очень позитивного образа российского бизнесмена, а именно: «У господина Дерипаска в течение длительного времени существуют проблемы с получением визы в США из-за того, что США видят его возможные связи с организованным криминалом».

В другой статье о финансовых инновациях в России также говорится о распространенной коррупции, бедной инфраструктуре и непрозрачной юридической системе. Подобные

факторы, отталкивающие иностранный бизнес и инвестиции, перечисляются в статье несколько раз. Ссылаясь на громкие судебные разбирательства последних нескольких лет, журналист делает вывод, что «политическая сила в России часто перевешивает букву закона». Статья заканчивается тем, что даже если Москве не удастся стать финансовым центром, все реформы в любом случае окажут позитивное влияние на город, страну и финансовую систему в целом.

В начале октября Уол Стрит Джорнал опубликовал несколько статей, связанных со вступлением России в ВТО и о том, что последней страной, выражающей несогласие по этому поводу, была Грузия. Напоминая о вооруженном конфликте с Грузией в 2008 году, журналист пишет: «...Грузия, российский враг с 2008 года. Тогда Россия провела короткую войну и наложила запреты на импорт вина и минеральной воды». Употребление глагола «вела войну» рисует образ России как агрессивной, атакующей стороны.

В статье совершенно другого характера от 25 октября говорится об очередных попытках русских найти ети или снежного человека. Интересен тот факт, что первая часть статьи была опубликована на первой/лицевой странице газеты. Тексты подобной тематики, в которых идет речь о поддержании хоминологии, новой науки о ети, а также о финансовой помощи энтузиастам со стороны местного правительства Сибири, помогают создавать аутентичный образ российской культуры, стимулировать рост интереса к России, ее неизведанным уголкам. Здесь же упоминаются некоторые культурные моменты, такие как: «попить чай, поговорить о жизни»; «Кемерово – бедный регион, известный из-за несчастных случаев в угольной промышленности, а не благодаря альпийским красотам».

Статья о недавно открытом месторождении нефти и газа (в Верхнехонске) сопровождается фотографией буровой скважины на фоне глубокой зимы. Здесь же прилагается карта России с подробным описанием того, как добраться до Верхнехонска: пять часов на самолете до Иркутска, полтора часа на турбовинтовом самолете до Усть-Кута и два с половиной часа на вертолете до Верхнехонска. Подобные описания маршрута укореняют представления американцев о бескрайних просторах России. Среднестатистический американец с трудом может поверить, что путешествие по России может занять как минимум день, при этом дорога покрывает только треть России. Эта мысль вызывает шок, поскольку всю Америку можно пролететь за четыре-пять часов с одного побережья до другого. В этой же статье колорит помогают создать описания местности Верхнехонска, на который автор ссылается как «безлюдное место, на краю света..., где в лесах обитают многочисленные медведи, волки и олени».

Таким образом, все вышеупомянутые факты укрепляют образ России, укоренившийся в сознании американцев, в соответствии с которым Россия – это страна с бесконечными снежными просторами, где много лесов с различными видами диких животных. Это также страна, богатая природными ресурсами.

Тексты данной тематики с позитивной направленностью содействуют созданию новых штрихов в образе современной России и российской культуры. Это могут быть совершенно новые факты о нашей стране для американской аудитории, которые стимулируют приток туристов не только в столицу, но и в сибирскую глубинку и поднимают общий уровень знаний о нашей стране.

Самые свежие выпуски Уол Стрит Джорнал пестрят сообщениями о беспорядках в России, и в столице в частности, в связи с результатами парламентских выборов, прошедших в начале декабря. Подобная ситуация ухудшает и так не самое позитивное отношение американцев к российской политике и власти в целом. Многочисленные статьи в течение первой и второй недель декабря комментируют ситуацию, сложившуюся в России. Российский электорат характеризуется как «потерявший терпение от удушающего доминирования политиков». В статье говорится о том, что, несмотря на контроль СМИ со стороны Кремлевского аппарата, властям не удалось удержать недовольство Интернета.

В 2008 году в свет вышла статья Чарльза Зиглера «Финальный год Путина?», в которой он проводил параллель правления Владимира Путина и Нурсултана Назарбаева, прези-

дента Казахстана. Тогда, в 2007, году многие предполагали, что Путин проигнорирует конституционный срок правления президента и останется на очередной срок. Но Владимир Путин предпочел стратегию передачи власти, в то время как сам стал управлять с другой позиции в государственной структуре. Чарльз Зиглер заканчивает свою статью идеей о том, что в не зависимости от исхода парламентских и президентских выборов (2008 года) консолидация власти Путина и ослабление сил оппозиций в конечном итоге отложат на неопределенный срок приход России к нормальному функционированию демократической системы. Хироши Кимура, Сэм Нан, Адам Стулберг, Уоррен Уолш и многие другие исследователи также занимались изучением вопроса правления Владимира Путина и политического образа России.

Спустя четыре года мы наблюдаем то, о чем говорил Чарльз Зиглер в своей статье. Только промедление на этот раз приняло жесткие формы. В одной из статей Уол Стрит Джорнал приводится комментарий Михаила Горбачева: «[выборы] не отражают волю народа. Поэтому, я думаю, необходимо аннулировать результаты этого голосования и провести новые выборы». В данной статье говорится, что парламентские выборы «затронули нервы даже самых молодых россиян и городского среднего класса, создавая массовое недовольство народа после того, как Владимир Путин объявил в сентябре о своих планах баллотироваться в президенты на выборах в марте».

В другой статье под рубрикой «Мнение» выборы характеризуются как «отражение растущего недовольства с единственным реальным выбором – очередное десятилетие правления Путина». Автор использует такие слова, как «преследование, блокирование, торможение, недовольство, быть сытым коррупцией, застойная политика, шоу одного человека». Отражая реальную ситуацию в стране на данный момент, подобные тексты усугубляют и так не самые позитивные представления американцев о российской политической действительности.

Газета приводит комментарии Гос. секретаря США Хилари Клинтон, которая называет парламентские выборы в России «ни свободными, ни честными». Выборы вызывают у Вашингтона «понятное беспокойство». Здесь же приводятся комментарии правительств Франции и Германии, которые также озабочены легитимностью последних выборов в России. Практически во всех вышеупомянутых статьях, посвященных скандалу с выборами, употребляется выражение «партия жуликов и воров» по отношению к «Единой России».

В статье родственной тематики «Мятежное настроение России» проводится параллель нынешней ситуации с арабскими восстаниями весной 2011 года. Автор связывает рост недовольства политикой правящей партии с растущим оттоком населения из страны. Нетрудно отследить и то, что образ Владимира Путина часто изображается или описывается следующим образом: в рубашке с коротким рукавом, солнечных очках и в одежде военной раскраски. Завершающая нота статьи о том, что в нашей стране «демократия не уважается», создает последний штрих в глазах американца, читающего обзор газеты о политической ситуации в России.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в американской прессе наблюдается положительная тенденция внедрения текстов новой тематики о России, которые помогают создавать образ современной России, более соответствующий действительности, чем те представления, которые укоренились в сознании американцев. Но при этом те события, которые происходят на сегодняшний день в политической и экономической жизни страны, не способствуют созданию образа с позитивной коннотацией. При всем нашем желании, изучаемый образ современной России в американской прессе (а именно его политическая составляющая) не может быть положительным или даже нейтральным, если наблюдаемые тенденции сохранятся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ziegler, C. E. (2008). Russia and the CIS in 2007: Putin's Final Year? *Asian Survey*, 48, 113-143.
2. Kimura, H. (2005). Russia and the 2004: Putin's Offensive and Defensive Actions. *Asian Survey*, 45, 59-66.
3. Nunn, S., Stulberg, A. N. (2000). The many faces of Modern Russia. *Foreign Affairs*, 79, 45-62.
4. Walsh, W. B. (1944-1945). What the American People Think of Russia. *The Public Opinion Quarterly*, 8, 513-522.

Ха Дон Джин
Ha Dong Jin

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONTEMPORARY YOUTH SUBCULTURE IN THE REPUBLIC OF KOREA

Ха Дон Джин – аспирант кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-924-229-1004. E-mail: djha77@yandex.ru.

Mr. Ha Dong Jin – PhD Candidate, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St. Phone: +7 (924) 229-1004, e-mail: djha77@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки и условия формирования молодёжных субкультур в Республике Корея, в частности, клубная культура, хип-хоп культура, выявляется их своеобразие и тенденции развития.

Summary. The paper examines prerequisites and conditions for the formation of youth subcultures in the Republic of Korea, club and hip-hop culture in particular, their peculiarities and development tendencies.

Ключевые слова: субкультура, корейская молодёжь, клубная культура, рок-музыка, хип-хоп культура.

Key words: subculture, Korean youth, club culture, rock music, hip-hop culture.

УДК 007

В процессе рассмотрения условий формирования и развития субкультурных образований в Республике Корея, прежде всего, следует отметить, что власть доминирующей национальной культуры долгое время являлась авторитарным интегрирующим началом общества. Исторический опыт Южной Кореи (положение колонии Японии, разделение страны на Южную и Северную, военный диктат, быстрая индустриализация и др.) определил формирование единого социального и культурного пространства с особыми географическими и демографическими условиями. При этом уникальная система образования, возможность поступления в тот или иной престижный вуз, сложившаяся правовая основа воинской обязанности позволили власти признать существование культурной гегемонии. В корейском обществе средства массовой коммуникации находились под контролем власти господствующей культуры и использовались в качестве политического и социокультурного рычага для объединения народа в рамках Республики Корея. В этой связи субкультурные объединения были под контролем господствующей культуры, и им было трудно реализоваться в обществе. Господствующая культура в Корее, с одной стороны, контролировала через СМИ деятельность субкультур, а с другой – она ещё больше увеличивала разрыв между субкультурой и доминирующей культурой. Это проявилось в культурном разрыве между поколениями, конфликте не столько в семейной, сколько в общественной сфере. Молодежь страдала и от системы образования: от невозможности поступления в престижный вуз; часть ее совершала самоубийства, другая – присоединялась к преступным молодёжным группировкам, создавала культуру, направленную против норм и ценностей, пропагандируемых доминантной культурой.

В настоящее время большинство молодых людей предпочитает иметь товарищей, у которых есть возможность помочь им стать известными и популярными в сфере массовой

Ха Дон Джин.

ФОРМИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

культуры, например в качестве певца, актёра, спортсмена и др. В корейском обществе понятие «субкультура» необходимо прояснить не только для того, чтобы выявить ее специфику, но и основные характеристики и функции массовой культуры. Популярные субкультуры Республики Корея тесно соприкасаются с массовой культурой, в них, в отличие от развитых западных стран, не всегда можно найти различия, обнаружить специфику между той или иной субкультурой и популярной массовой культурой. Следует отметить, что в развитых западных странах субкультуры формировались самопроизвольно в среде молодых людей. В Корее субкультуры сформировались в качестве коммерческого продукта средствами массовой коммуникации; 1990-е года – период вступления страны в постиндустриальную стадию развития.

Им предшествовала клубная культура (club culture), которая сформировалась с приездом из-за границы корейской молодёжи в начале 1990-х годов. Клубная культура в своей основе музыкально-досуговая, включающая в себя регулярно проводимые мероприятия с тематической, в зависимости от программы, направленностью. В начале 1990-х годов клубная жизнь определялась досуговым пространством, в котором молодежь танцевала; культурно-развлекательным пространством, в котором проходили концерты рок-групп в стиле андеграунда; социокультурным пространством, в котором слушали музыку и беседовали о рок-музыке или поп-музыке; зарытым пространством, в котором собиралась молодежь с нетрадиционной ориентацией. Клубная культура была путем обретения независимости: она помогала включаться во взрослые виды активных досуговых практик, поддерживать осознание своей независимости. Чаще всего интерес к клубному стилю жизни у молодых людей обуславливался процессом отчуждения от родительского дома. В пространстве клубной культуры молодёжь избегала семейного контроля, ощущала свободу. Клубная культура предлагала не только развлечения из «другого мира», но и культурное пространство для творческого развития и самореализации путём включения молодых людей в различные виды социокультурной деятельности. До середины 1990-х годов только небольшая часть молодёжи оставалась активным участником этой культуры, остальные же были наблюдателями.

Активизации молодежных субкультур дала толчок массовая культура, основной задачей которой является получение прибыли. В этой ситуации корейский рынок заняла продукция западной индустрии развлечений: в кинотеатрах, на телеэкранах, прилавках книжных магазинов в большом количестве появились её образцы. Стандарты американской и в меньшей степени европейской массовых культур очень быстро стали определяющими. В корейском обществе хип-хоп культура, пришедшая вместе с американскими военными базами, получила большую популярность в середине 1990-х годов, стала основой формирования молодёжной субкультуры. Кроме того, на процесс становления хип-хоп культуры оказало влияние массовое распространение технических новинок в области музыкального оборудования: виниловые пластинки, техника, позволяющая их проигрывать на уличных тусовках.

Хип-хоп – уличная культура, получившая распространение во многих странах мира в четырёх основных направлениях: брейк-данс (breakdance), рэп (rap), граффити (итал. graffito – нацарапанный) и ди-джеинг (от англ. disk jockey – диск-жокей). В Корее среди молодых людей по-прежнему востребован брейк-данс, образующий с хип-хоп музыкой стоящую несколько особняком молодёжную субкультуру. Первые корейские брейкеры появились в начале 1990-х годов, и сразу же большинство из них начало свою карьеру, потому на корейской массовой сцене преобладала танцевальная музыка. Вместе с исполнителями песен на сцене появились танцоры, которые со временем вызывали всё больший интерес у молодежи: они демонстрировали движения тех, кто работал с мировыми звездами. В становлении и раз-

витии хип-хоп музыки ди-джей (disk jockey – диск-жокей) сыграл значимую роль. Вначале на Ямайке ди-джей был хозяином всей музыкальной системы, в которой протекала молодёжная жизнь. Он сам организовывал вечеринки, произносил в микрофон интересные речитативы, подбирал пластинки, анонсировал их. Вскоре таких ди-джейев стали называть «эм-си» (сокр.: Master of Ceremonies). Когда ди-джейи стали анонсировать пластинки ритмическими текстами под музыку, это стали называть рэпом. Вначале корейские рэперы подражали модным американским, но вскоре обрели своё лицо и стали начитывать тексты о проблемах, хорошо знакомых корейским подросткам, на понятном им языке. В 1990-е годы появилось много корейских хип-хоп групп, но ведущей среди них стала группа «Со Тхэ Чжи энд бойз» (Seotaiji and Boys). Она привила местной молодёжной аудитории вкус к западным музыкальным стилям, особенно к стилю хип-хоп, и её популярность приобрела характер молодёжной моды, стала частью шоу-бизнеса в коммерческих проектах, например, в телешоу, рекламе, клипах, демонстрации одежды и др.

В Корее с приходом моды на брейк-данс определённой частью молодёжи начали осваиваться и практики граффити. Граффити – это художественное направление молодежного искусства, настенная символическая живопись, направленная на придание текстовой информации образной формы. Первые корейские райтеры занимались нанесением надписей и рисунков только на стены музыкального клуба, но с середины 1990-х годов они начали демонстрировать свое искусство на стенах зданий, заборах, транспортных средствах и др. Со временем стилистика граффити вместе с её молодыми почитателями вошла в поп-культуру, преобразовала компьютерный дизайн, стала широко применяться в интернете и рекламе. С середины 1990-х годов в крупных городах довольно много молодёжи носит одежду, стилистически связанную с рэпером: широкие штаны, большую футболку на два размера больше, напульсник, цепь, бейсбольную кепку и кроссовки.

Благодаря развитию массовой молодёжной культуры с середины 1990-х годов в корейском обществе молодёжь стала не только играть главную роль в условиях общества массового потребления, но и создавать свою собственную уличную культуру. Формирование и развитие молодёжных субкультур в Корее связано, прежде всего, с массовой музыкальной культурой. Музыка занимает особое место в жизни молодых людей, определяя их образ жизни. Музыкальные предпочтения рассматриваются как часть жизненного мира, как фактор, сближающий их с людьми других стран. Это именно считается следствием влияния процессов глобализации. Игровые тенденции в современной корейской молодёжной культуре определяются значительным влиянием американской и японской массовых культур, характеризующихся коммерциализацией. Игра в молодёжной среде становится способом самовыражения. Игровой момент определяет специфику языка и символов молодёжных субкультур, формы общения. В корейском обществе молодёжная субкультура достаточно активна в больших городах благодаря развитой сфере социокультурного сервиса и технической помощи, и она способствует социализации молодёжи, ее самовыражению и самоидентификации, формированию творческого стиля деятельности.

Леонов С. Н. Соломко М. Н.
S. N. Leonov, M. N. Solomko

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА
НА УРОВНЕ СУБЪЕКТА РФ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ,
ОРИЕНТИРОВАННОГО НА РЕЗУЛЬТАТ**

**IMPROVEMENT OF BUDGET PROCESS IN THE FACE OF RESULT-ORIENTED
BUDGETING AT THE REGIONAL LEVEL**

Леонов Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по науке Института экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Хабаровск), заведующий кафедрой «Государственное и муниципальное управление» ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» (Россия, Хабаровск); 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; 8(4212) 72-52-30. E-mail: leonov@ecrin.ru.

Sergey N. Leonov – Dr of Economics, professor, Deputy Director on Science of Economic Research Institute of the Far Eastern Department of Russian Science Academy, the Head of State and Municipal management Dept. of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 8(4212) 72-52-30. E-mail: leonov@ecrin.ru.

Соломко Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры финансов ФГБОУ ВПО «Хабаровская государственная академия экономики и права» (Россия, Хабаровск); 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134; 8(4212) 76-54-53; E-mail: solomko_m_n@mail.ru.

Maria N. Solomko senior – teacher of Finance Dept of Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 8(4212) 76-54-53. E-mail: solomko_m_n@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена теоретическим аспектам развития бюджетирования, ориентированного на результат, и методическим аспектам его внедрения на региональном уровне. Предложены три модели бюджетного процесса: консервативная, динамическая и инновационная. Разработаны рекомендации по совершенствованию бюджетного процесса для субъектов РФ с консервативной моделью бюджетирования (на примере Хабаровского края).

Summary. The article devoted to theoretical aspects of result-oriented budgeting and methodic aspects of its introducing at the regional level. Three models of budgeting, including conservative, dynamic and innovative, are presented. Some recommendations on budget process improvement for regions with conservative budgeting model are elaborated (on the example of Khabarovsk region).

Ключевые слова: бюджет, бюджетный процесс, бюджетирование, ориентированное на результат, бюджетная реформа, модели бюджетирования.

Key words: budget, budget process, result-oriented budgeting, budget reform, budgeting models.

УДК 336.143(043.3)

Повышение эффективности использования бюджетных средств и качества управления общественными финансами относится к числу приоритетных задач финансово-бюджетной политики Российской Федерации на современном этапе. В ходе последовательно осуществляемых на протяжении более 10 лет реформ в РФ была создана правовая база бюджетных отношений, устанавливающая разграничение бюджетных полномочий публично-правовых образований и определяющая единые принципы и подходы к организации бюджетного процесса и межбюджетных отношений, созданы предпосылки для перехода к бюджетированию, ориентированному на результат (далее – БОР).

В российской и зарубежной науке не существует единого подхода к определению сущности БОР. Анализ научных представлений о данной категории позволяет выделить два основных подхода к его трактовке: широкий и узкий. Согласно первому из них, под БОР понимается система организации бюджетного процесса и государственного (муниципального) управления, при которой планирование расходов осуществляется в непосредственной связи с достигаемыми результатами [4]. В соответствии со вторым подходом БОР определяется как система бюджетного планирования, в которой в том или ином виде существует привязка структуры и объёмов бюджетного финансирования к результатам деятельности органов государственной власти [3].

На наш взгляд, более обоснованной представляется первая позиция. Все стадии бюджетного процесса и виды деятельности, составляющие его содержание, тесно взаимосвязаны и должны методологически соответствовать друг другу. В связи с этим система, в которой на результат ориентированы только отдельные компоненты, не обеспечивает эффективного управления бюджетными средствами и может рассматриваться исключительно как переходное состояние организации бюджетного процесса в период бюджетной реформы.

Переход от бюджетирования, ориентированного на затраты к БОР, обосновывается тем, что последняя модель организации бюджетного процесса позволяет обеспечить наиболее рациональное и эффективное использование ограниченных бюджетных средств и достижение на данной основе социально и экономически значимых результатов. Основные отличия бюджетирования по затратам и БОР с точки зрения методологии и инструментария управления бюджетными средствами представлены в табл. 1. Особенность внедрения БОР в РФ – интенсивный ход реформы, активное заимствование зарубежного опыта (в том числе стран, избравших различные пути развития системы управления по результатам), одновременное внедрения множества инструментов БОР, вовлечение в реформирование органов власти не только федерального, но и регионального уровня, а также органов местного самоуправления.

На современном этапе стимулирование субъектов РФ к активному внедрению БОР осуществляется посредством предоставления на конкурсной основе субсидий из федерального бюджета на реализацию региональных программ повышения эффективности бюджетных расходов. В результате реформирования на современном этапе в РФ сформировалась модель бюджетирования, сочетающая признаки БОР и традиционного бюджетирования, ориентированного на затраты. На федеральном уровне создана правовая и методическая база большинства элементов БОР, осуществляется их практическое использование в управлении общественными финансами.

Ситуация на региональном уровне представляется не столь однозначной. По данным проводимого Министерством финансов РФ мониторинга, формирование правового и методического обеспечения БОР на региональном уровне осуществляется низкими темпами [5]. Следствием активного реформирования бюджетного процесса в одних субъектах РФ и сохранения консервативных подходов к управлению бюджетными средствами в других стал рост дифференциации субъектов РФ по качеству управления общественными финансами и степени внедрения БОР.

Необходимо отметить, что несмотря на существование множества классификационных признаков, характеризующих различные модификации моделей бюджетирования и в частности БОР (см. табл. 2), проблема различного уровня внедрения элементов «управления по результатам» в бюджетный процесс в существующих классификациях не отражена.

Полагаем, что для формирования целостной картины, на какой стадии находится развитие системы управления по результатам на региональном уровне, целесообразно проводить оценку состояния правовой базы БОР в субъектах РФ. На основании её результатов предлагается разделить субъектов РФ на три категории по признаку полноты использования элементов БОР и активности реформирования бюджетного процесса.

Сравнительная характеристика БОР и бюджетирования, ориентированного на затраты [4]

Критерий сравнения	БОР	Бюджетирование по затратам
Принцип распределения ресурсов	В зависимости от полученных и прогнозируемых результатов деятельности распорядителей (получателей) бюджетных средств, с учётом приоритетных направлений политики публично-правового образования	Вне зависимости от результатов функционирования, с сохранением исторически сложившихся пропорций, корректируемых исходя из динамики макроэкономических показателей. Слабый уровень корреляции с ориентирами стратегического развития государства (региона, муниципального образования)
Основные методы бюджетного планирования	Программно-целевой подход к планированию, нормативный метод и метод прямого счёта	Метод индексации, нормативный метод (в планировании показателей деятельности бюджетных учреждений)
Практика применения бюджетных программ	Широко используются, приоритет внутриведомственным программам. Высокий уровень методологического и методического обеспечения процесса подготовки, анализа, отбора и мониторинга реализации программ. Интеграция с другими инструментами БОР	Применяются в меньшей степени, при этом преобладают межведомственные программы. Низкий уровень разработки методологической базы составления и оценки программ, отсутствие связи с другими инструментами бюджетирования
Система исполнения бюджета	Разграничение полномочий «кассира» и распорядителя бюджетных средств	Казначейская либо банковская
Методы бюджетного учёта	Наряду с модифицированным кассовым методом широко используется метод начислений	Кассовый (модифицированный кассовый) метод. Ограниченно-модифицированный метод начислений
Приоритеты финансово-бюджетного контроля	Контроль эффективности, мониторинг качества финансового менеджмента	Контроль законности и целевого использования бюджетных средств
Преобладающие формы финансового контроля	Внутренний и внутриведомственный контроль. Аудит эффективности	Внешний контроль. Финансовый аудит
Степень самостоятельности участников бюджетного процесса в области осуществления бюджетных полномочий	Высокая. Главные распорядители наделены широкими полномочиями по правовому и методическому регулированию подведомственной сети	Низкая, действует система жёсткой регламентации

Классификация моделей БОР [4]

Критерий классификации	Модели БОР
Особенности взаимодействия участников бюджетного процесса и детальность регламентации	<ul style="list-style-type: none"> – «Контрактная» (высокий уровень самостоятельности участников бюджетного процесса, отсутствие жёсткой регламентации, минимальный уровень унификации); – «Административная» (сравнительно более детальная регламентация, система детального контроля на основе комплекса индикаторов)
Характер результата, оценка которого лежит в основе распределения бюджетных средств	<ul style="list-style-type: none"> – Бюджетирование, ориентированное на непосредственный результат (объёмные показатели оказания услуг); – Бюджетирование, ориентированное на конечный (социально-экономический) результат (изменение параметров социально-экономического развития)
«Единица ответственности органов власти (управления)»	<ul style="list-style-type: none"> – Сервисная («единица ответственности» – услуга); – Проблемно-ориентированная («единица ответственности» – проблема социально-экономического характера, ведомственного или межведомственного масштаба)
Временной горизонт	<ul style="list-style-type: none"> – БОР в рамках однолетнего бюджетного цикла; – Среднесрочное БОР; – Долгосрочное БОР
Уровень внедрения БОР	<ul style="list-style-type: none"> – БОР на уровне публично-правового образования в целом; – БОР на уровне министерств и иных органов власти; – БОР на уровне финансовых органов и органов, осуществляющих кассовое обслуживание исполнения бюджетов

В частности, предлагается выделить трёх моделей бюджетирования – «консервативной», «динамической» и «инновационной». Отличительными признаками консервативной модели является внедрение инструментов БОР в минимальном объёме, то есть в объёме требований БК РФ. Динамичная модель характеризуется балансом консервативного и инновационного компонентов в организации бюджетного процесса. Признаками инновационной модели является опережающая (по сравнению с другими субъектами РФ и в отдельных случаях – с федеральным центром) разработка методик и внедрение отдельных элементов управления по результатам в бюджетный процесс.

Примером субъекта РФ с преобладанием консервативной составляющей в системе бюджетирования является Хабаровский край. По состоянию на 01 июля 2011 года в крае были утверждены и применялись только те инструменты БОР, использование которых является обязательным в соответствии с требованиями БК РФ. Хабаровский край проводил активное реформирование общественных финансов в 2000-2001 годах и входил в число первых субъектов РФ, получавших субсидии из федерального бюджета на реализацию реформы. Анализ правовой и методической базы организации бюджетного процесса в крае позволил выявить проблемы, типичные для субъектов РФ с консервативной моделью бюджетирования:

- неполнота правовой и методической базы БОР, что обуславливает низкий уровень внедрения инструментов управления бюджетными средствами, ориентированными на результат;

– внутренняя несогласованность бюджетного процесса, проявляющаяся в формальном применении ряда инструментов бюджетирования (реестра расходных обязательств; среднесрочного финансового плана; основных направлений бюджетной политики; государственных заданий на оказание государственных услуг);

– несогласованность социально-экономической и бюджетной политики (что доказывается отсутствием увязки концепций развития сектора государственного управления и направлений и объёмов бюджетных ассигнований);

– низкая доля расходов бюджета, формируемых и осуществляемых в рамках долгосрочных целевых программ;

– отсутствие инструментов стимулирования главных администраторов бюджетных средств к повышению качества осуществляемого ими финансового менеджмента.

Остановимся на отдельных направлениях совершенствования бюджетного процесса в крае, касающихся оптимизации среднесрочного бюджетного планирования и обеспечения эффективности и обоснованности распределения бюджетных ассигнований.

Во-первых, представляется необходимым повышение роли основных направлений бюджетной политики края на очередной год и плановый период в бюджетном процессе. Повысить роль основных направлений бюджетной политики края на очередной финансовый год и плановый период. Это может быть обеспечено посредством придания основным направлениям бюджетной политики края статуса нормативного правового документа (например, постановления Правительства края) и уточнением сроков подготовки документа.

Кроме того, утверждение основных направлений бюджетной политики края в форме нормативного правового акта и его опубликование в средствах массовой информации обеспечивает соблюдение принципа прозрачности (открытости) бюджета, установленного Бюджетным кодексом РФ.

Во-вторых, в условиях перехода к составлению краевого бюджета на трёхлетний период особую значимость приобретает задача по повышению надёжности показателей среднесрочного финансового плана и ответственности участников бюджетного процесса за их реалистичность и исполнение. В качестве одной из возможных мер представляется целесообразным закрепление в действующем порядке составления среднесрочного финансового плана положения, предусматривающего необходимость корректировки его параметров в случае изменения показателей бюджета в ходе рассмотрения проекта бюджета законодательным органом края с целью обеспечения соответствия показателей среднесрочного финансового плана и бюджета на очередной финансовый год.

В-третьих, основой повышения рациональности распределения и использования бюджетных средств, а также заинтересованности главных администраторов средств краевого бюджета в повышении качества управления бюджетными расходами является развитие инструментов конкурсного распределения бюджетных средств. Данная задача, на наш взгляд, включает два аспекта: конкурсное распределение бюджетных ассигнований на исполнение принимаемых обязательств и оценка на предмет результативности и целесообразности расходов, осуществляемых в соответствии с действующими обязательствами.

Анализ порядков конкурсного распределения бюджетных ассигнований на исполнение принимаемых обязательств, утвержденных в указанных субъектах РФ, позволил выявить

следующие подходы, внедрение которых представляется целесообразным в Хабаровском крае:

1. Обеспечение интеграции порядка конкурсного распределения бюджетных ассигнований в цикл бюджетного планирования. Процедуры подготовки обоснований бюджетных ассигнований на исполнение принимаемых обязательств, их первичного анализа, оценки и свода финансовым органом, рассмотрения коллегиальным органом в области бюджетной политики должны быть детально регламентированы и согласованы с основными этапами подготовки проекта бюджета.

2. Чёткость установления критериев, в соответствии с которыми проводится ранжирование и выбор альтернативных вариантов. Наилучшей ситуацией представляется максимально широкое использование количественно выраженных показателей, допустимо применение системы балльных оценок.

3. Наряду с критериями бюджетной, социальной, экономической эффективности и соответствия приоритетам развития публично-правового образования, возможность учета качества финансового менеджмента, осуществляемого главным администратором бюджетных средств. Одним из направлений мониторинга является оценка качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями бюджетных средств.

На наш взгляд, предложенные меры, направленные на совершенствование бюджетного процесса, будут содействовать решению наиболее значимых для общественных финансов Хабаровского края проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс РФ: федер. закон от 31.07.98 г. № 145-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Программа повышения эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года: распоряжение Правительства РФ от 30.06.2010 № 1101-р. URL: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 01.12.2011).
3. Боровикова, Е. В. Индикаторы результативности в системе среднесрочного бюджетирования / Е. В. Боровикова // Бухгалтерский учёт в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2006. – № 8.
4. Руководство по управлению региональными и муниципальными финансами. В 2 т. Т.1 / под общ. ред. А. М. Лаврова. – М.: ЛЕНАРД, 2007.
5. URL: <http://www.minfin.ru/budget/regions> (Дата обращения: 02.12.2011).

Чепухалина Е. В., Жалыбина Е. В.
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

Чепухалина Е. В., Жалыбина Е. В.
E.V.Chepukhalina, E.V.Zhalybina

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА

METHOD FOR ESTIMATION OF COMPETITIVENESS OF A REGIONAL UNIVERSITY

Чепухалина Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: echepuhalina@mail.ru.

Ms. Elena V. Chepukhalina – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-amur). E-mail: echepuhalina@mail.ru.

Жалыбина Елена Вячеславовна – студент магистратуры 6-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Коммерция (торговое дело)» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: elena_zhalybina@mail.ru.

Ms. Elena V. Zhalybina – MA student, 6th year, Department of Economics and Management, the "Commerce" academic program, (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: elena_zhalybina@mail.ru.

Аннотация. В данной статье предложена методика оценки конкурентоспособности регионального вуза.

Summary. The paper suggests a method for the estimation of competitiveness of a regional university.

Ключевые слова: методика оценки конкурентоспособности, рынок образовательных услуг, заинтересованные стороны, показатели конкурентоспособности.

Key words: methods for competitiveness estimation, educational services market, stakeholders, indicators of competitiveness.

УДК 339.137.2

Оценка конкурентоспособности вуза имеет большое значение при планировании его дальнейшей деятельности. Важность проведения такой оценки обусловлена рядом причин: необходимостью разработки конкретных мероприятий по повышению конкурентоспособности вуза, а также программы выхода на новые рынки, формированием ассортиментной и ценовой политики, привлечением средств инвесторов и др. Цель проведения подобной оценки состоит в определении конкурентного положения вуза на рынке. Разработкой методик оценки конкурентоспособности высшего учебного заведения занимались такие исследователи, как Ю. А. Филенко [3], В. А. Лазарев и С. А. Мохначёв, С. А. Иващенко [1], Л. А. Корчагова и др. Однако единой методики расчёта конкурентоспособности образовательной услуги и вуза в настоящее время нет. По мнению авторов, это связано, в первую очередь, с неполнотой разработанных методик, анализ которых позволил выделить наиболее часто встречающиеся в них недостатки:

1) любая методика, в первую очередь, должна быть применяема. Авторы большинства методик информируют только о показателях оценки конкурентоспособности вуза, а как именно оценивать конкурентоспособность не указывают;

2) некоторые авторы рассчитывают показатель конкурентоспособности вуза как среднеарифметическое значение различных показателей, что приводит к неточным результатам, так как не все показатели имеют одинаковый вес;

3) многие авторы, адаптируя методики конкурентоспособности предприятия в целом под оценку конкурентоспособности вуза, не учитывают специфичность деятельности вуза, а также его продукта – образовательной услуги, что делает методику вообще не пригодной для оценки конкурентоспособности вуза;

4) в некоторых методиках, при расчёте интегрального показателя конкурентоспособности вуза, авторы используют либо большое количество показателей, нередко дублируя их, что усложняет анализ, либо упрощают оценку, предлагая использовать ограниченное количество показателей, что делает оценку конкурентоспособности вуза не достоверной;

5) во многих методиках не определены субъекты оценки, т.е. кто является заинтересованными сторонами процесса получения услуги и кто должен определять степень конкурентоспособности высшего учебного заведения.

Для того чтобы выработать универсальную методику оценки конкурентоспособности вуза, следует выяснить, кому и для каких целей нужны результаты такой оценки. По мнению авторов, оценка конкурентоспособности вуза необходима:

- руководящим органам высшего образования для анализа состояния вуза на рынке образовательных услуг, что позволяет определить уровень финансирования оцениваемого вуза;

- самому вузу для определения своего конкурентного положения на рынке с целью разработки и реализации мероприятий по повышению собственной конкурентоспособности;

- потребителям и покупателям образовательных услуг для принятия решений о выборе вуза для обучения;

- работодателям с целью подбора квалифицированных кадров.

Наличие большого числа заинтересованных сторон определяет выбор критериев качества подготовки специалистов в вузе. Исходя из этого, специфика региональных высших учебных заведений состоит в том, что их конкурентоспособность оценивается с позиции нескольких субъектов регионального рынка образовательных услуг: абитуриентов, студентов и их родителей, преподавателей, работодателей, государства. Каждый из них использует различные критерии оценки, являющиеся важными именно для этой группы потребителей.

Для студентов – основных потребителей образовательной услуги – качество образования связано с получением умений, знаний и навыков в определенной области деятельности, развитием собственных способностей и личностных качеств, возможностью участия в общественной, спортивной и культурной жизни, научной деятельности, общением и новыми знакомствами.

Абитуриентов можно отнести к потенциальным потребителям, так как они на основе располагаемой информации о вузах (в том числе и от потребителей услуги), восприятия ситуации на рынке труда, на основе собственных склонностей осуществляют выбор того или иного учебного заведения и профиля обучения, формируя таким образом спрос на услуги вузов. Поэтому абитуриенты оценивают вуз по доступу к информационному обслуживанию, подготовке к сдаче экзаменов и профессиональной ориентации.

Потребители, как правило, оплачивают приобретаемые товары и услуги из собственных средств. В высшем образовании студентов, чаще всего, финансируют родители. Поэтому авторы считают, что родители студентов также являются заинтересованной стороной подготовки специалистов в вузе. Помимо финансовой поддержки своих детей в процессе обучения, родители зачастую формируют ожидания абитуриентов и студентов относительно процесса обучения и будущей карьеры, играют решающую роль в профориентации своих детей, являются источником той или иной мотивации в обучении. Следовательно, для родителей качество образования связано не только с ценой обучения, но и с информационным обслуживанием и профессиональной ориентацией.

Преподаватели связывают качество образования с наличием эффективного механизма мотивации, вовлечения и поощрения персонала в деятельность по улучшению качества функционирования вуза.

Вторичными потребителями услуг вуза являются работодатели. Именно работодатели имеют возможность объективно оценить качество образования выпускников по их умению квалифицированно выполнять свои профессиональные обязанности. Анализ вторичной информации показал [5], что работодатели соотносят качество образования с компетенциями выпускников вуза, основными из которых являются: обучаемость, активность, коммуникабельность, стремление к росту (карьерному, профессиональному), высокая самомотивация.

Город, регион, где расположен вуз, также относятся к числу потребителей вуза, так как последний вносит значительный вклад в развитие науки и культуры, формирование и реализацию молодёжной политики и социальных программ, создание гражданского общества и культуры предпринимательства и т.д. Исходя из этого, местная власть под качеством образования понимает такой уровень подготовки студентов, который бы позволил удовлетворить потребность в кадрах для развития экономики региона, создания рабочих мест и налоговых поступлений в бюджет, развития культуры, спорта, благотворительности и выполнения других социальных целей.

Все стороны регионального рынка образовательных услуг принимают определённые решения относительно того, какой вуз считать конкурентоспособным, и руководствуются при принятии такого решения своими критериями.

Оценку конкурентоспособности регионального вуза авторы предлагают проводить с помощью исследования мнений заинтересованных сторон, о качестве предоставляемых вузом образовательных услуг. Для методики оценки конкурентоспособности регионального вуза будем использовать мнение абитуриентов, студентов, их родителей, преподавателей и работодателей.

Интегральную оценку конкурентоспособности регионального вуза авторы предлагают проводить по следующей формуле:

$$K = a_a * K_a + a_c * K_c + a_p * K_p + a_{п} * K_{п} + a_{рт} * K_{рт} + a_{рег} * K_{рег},$$

где K_a – оценка конкурентоспособности вуза абитуриентами; K_c – оценка конкурентоспособности вуза студентами; K_p – оценка конкурентоспособности вуза родителями студентов; $K_{п}$ – оценка конкурентоспособности вуза преподавателями; $K_{рт}$ – оценка конкурентоспособности вуза работодателями; $K_{рег}$ – оценка конкурентоспособности вуза местными властями (региональная составляющая); $a_a, a_c, a_p, a_{п}, a_{рт}, a_{рег}$ – коэффициенты участия (значимости), определяющие вес каждой заинтересованной стороны в оценке конкурентоспособности вуза.

Коэффициенты участия в данной методике следует определять экспертным путём. В качестве экспертов авторы предлагают привлечь специалистов в области высшего образования. Используемая методика оценки коэффициентов участия - сравнительное шкалирование: попарное сравнение или использование упорядоченной шкалы.

Оценку конкурентоспособности вуза каждой заинтересованной стороной можно проводить по следующей формуле:

$$K_i = \sum (v_n * x_n),$$

где K_i – оценка конкурентоспособности вуза i -й заинтересованной стороной; v_n – коэффициент весомости n -го показателя конкурентоспособности, определяющий его значимость по сравнению с другими показателями; x_n – значение n -го показателя конкурентоспособности.

Перечень показателей конкурентоспособности, а также значения коэффициентов весомости авторы предполагают определить экспертным путём при проведении качественных и количественных исследований. Перечень показателей будет определен при проведении серии фокус-групп с каждой заинтересованной стороной. Значения коэффициентов весомости и показателей конкурентоспособности будут определяться в рамках количественного исследования – серии опросов заинтересованных сторон.

Методика, предложенная авторами, имеет следующие преимущества:

- 1) достаточно проста в применении, поскольку основана на несложных методах сбора и обработки данных;
- 2) при расчёте конкурентоспособности авторы учитывают разную значимость отдельных показателей в общем итоге, что делает результат более точным;
- 3) авторы учли недостатки других методик, в которых не учитывались интересы многих участников образовательного рынка, включив в список заинтересованных сторон всех субъектов, способных, на взгляд авторов, повлиять на уровень конкурентоспособности вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иващенко, С. А. Маркетинговые стратегии и конкурентоспособность вуза: моногр. / С. А. Иващенко. – Ростов н/Д.: Ростовский гос. экон. ун-т «РИНХ», 2006. – 205 с.
2. Симоненко, Н. Н. Мотивация персонала в формировании конкурентоспособности вуза: моногр. / Н. Н. Симоненко, И. А. Андреева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 156 с.
3. Филенко, Ю. А. Региональные аспекты конкурентоспособности вуза / Ю. А. Филенко // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. – 2009. – № 3. – С. 88-92.
4. Фомина, Н. Б. Новая многоуровневая модель оценки качества образования. Опыт мониторинговых исследований: метод. пособие / Н. Б. Фомина. – М.: Новый учебник, 2009. – 243 с.

Готнога А. В.
A.V. Gotnoga

ПРОБЛЕМА «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ»: ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

THE PROBLEM OF «SUPERFLUOUS MEN»: A DIALOGUE OF WORLDVIEWS

Готнога Александр Васильевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2. E-mail: gotnoga@list.ru.

Mr. Alexander V. Gotnoga – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Socio-Political Studies, the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: gotnoga@list.ru.

Аннотация. Статья является продолжением дискуссии вокруг причин безработицы в современном обществе, начатой Д.В. Новиковым и И.И. Докучаевым на страницах первых двух номеров журнала «Ученые записки КнАГТУ» за 2011 г. Автор, исходя из концепции фальсификационизма К. Поппера, с помощью корреляционного анализа данных международной статистики подвергает проверке тезис об обусловленности безработицы научно-техническим прогрессом. Результаты расчетов показывают слабую отрицательную корреляцию, что позволяет считать проверяемый тезис сфальсифицированным. Это объясняется тем, что научно-технический прогресс является одной из составляющих социального прогресса в целом, целью которого выступает всестороннее развитие человека. Именно такую позицию по данному вопросу занимал К. Маркс, и эта позиция подтверждается современной мировой практикой.

Summary. This paper is a continuation of the debate on the issue of the causes of unemployment in the modern society. The discussion was began by D.V.Novikov and I.I.Dokuchaev on the pages of the first two 2011 issues of the "Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University". The author of the present paper, proceeding from the concept of "falsificationism" suggested by K. Popper, challenges a thesis that scientific and technology advance leads to unemployment, using correlation analysis of international statistics. The calculation results show a weak negative correlation, which allows us to consider the verifiable thesis as falsified. It is explained by the fact that technological advance is one of the components of social progress, whose mission is the all-round development of man. It was precisely this position on this matter that was held by Karl Marx, and this has been evidenced by today's global practices.

Ключевые слова: безработица, научно-технический прогресс, фальсификационизм, корреляция, неравенство, всестороннее развитие человека, марксизм.

Key words: unemployment, scientific and technical advance, falsificationism, correlation, inequality, all-round development of man, Marxism.

УДК 304.2

Поводом написать данную статью послужила опубликованная во втором номере журнала «Ученые записки КнАГТУ» за 2011 г. рецензия профессора И.И. Докучаева на статью Д.В. Новикова ««Лишние люди» как необходимый ресурс self-expansion of capital», напечатанную в предыдущем номере этого же журнала [3]. В рецензии автор усомнился в научной ценности упомянутой работы, мотивируя, правда, необходимость ее публикации тем, что «...она вызовет дискуссию, посвященную как затрагиваемой проблеме, так и научным способам ее обсуждения...» [2, 97]. Данное обстоятельство заставило нас не только перечитать рецензируемую статью, но и внимательно изучить те аргументы, которые, по мнению рецен-

зента, говорят о научной несостоятельности позиции Д.В. Новикова. Итог собственных размышлений и результаты анализа мы и выносим на читательский суд.

Предметом дискуссии, как явствует из содержания статьи и рецензии, послужил вопрос о причинах безработицы в современном обществе. Если Д.В. Новиков утверждает, что безработица органично встроена в систему воспроизводства капитала, вызвана потребностями капиталистического способа производства, то его оппонент настаивает на том, что причиной безработицы является научно-технический прогресс: «Научно-технический прогресс всегда приводит к безработице. Это не характеристика капитализма, а характеристика прогресса» [2, 98]. Поскольку безработица есть следствие научно-технического прогресса, то таким образом у капитализма появляется алиби. Позиция Д.В. Новикова опирается на марксистскую теорию и методологию. И.И. Докучаев подвергает марксизм резкой критике, называя его «идеологией». Поэтому идеологически окрашенным, а следовательно, ненаучным является вывод о том, что капитализм порождает безработицу. Абстрагируемся пока от приведенной оценки марксизма. В данном контексте нас интересует другой вопрос: если выводы о причинах безработицы, опирающиеся на марксистскую теорию и методологию, ошибочны, то из чего же следует «правильное» суждение, что «научно-технический прогресс всегда приводит к безработице»? К сожалению, И.И. Докучаев четко не определил свое научное кредо, что не мешает нам, однако, протестировать на истинность сформулированные им высказывания.

Итак, если есть прямая зависимость безработицы от научно-технического прогресса, то, следовательно, более высокий уровень безработицы должен быть индикатором более высокого научно-технического развития общества. Согласно концепции радикального фальсификационизма, данное утверждение можно переформулировать следующим образом: нет ни одного общества с более высоким уровнем научно-технического развития, в котором бы уровень безработицы не был бы выше уровня безработицы в обществе с более низким уровнем научно-технического развития. Автор концепции фальсификационизма – К. Поппер – не был сторонником ее радикальной версии и считал, что заслуживает внимания не однократное опровержение, а воспроизводимый эффект, опровергающий универсальное высказывание [4]. Такой воспроизводимый эффект можно получить с помощью статистических методов. Действительно, для этого необходимо лишь сопоставить два ряда статистических данных, отражающих соответственно уровень безработицы и уровень научно-технического развития в различных странах мира. Воспользовавшись же методом корреляционного анализа, нетрудно определить наличие связи между двумя рядами переменных. Высокий коэффициент корреляции служит подтверждением наличия такой связи, т.е. зависимости безработицы от научно-технического прогресса, а низкий коэффициент корреляции – о слабой зависимости. Наконец, отрицательный коэффициент свидетельствует об обратной корреляции.

Операционализировать понятие «научно-технический прогресс» можно следующими способами: 1) с помощью индикатора «Индекс экономики знаний» (KEI), рассчитываемого Всемирным банком; 2) с помощью индикатора инновационности, рассчитываемого американским Фондом информационных технологий и инноваций (ITIF); 3) с помощью индикатора «Глобальный инновационный индекс» (GII), рассчитываемого международной бизнес-школой INSEAD. Исследования каждой из этих трех организаций получили высокое международное признание. Тем не менее ясно, что используемые ими методики не лишены недостатков. Поэтому для получения более объективной картины нам представляется целесообразным использовать все три индикатора.

Всемирный банк рассчитывал индекс KEI в последний раз по состоянию на 2009 г. (см. прим. 1). В рейтинг KEI-2009 вошли 145 стран мира. Информация об уровне безработицы в 2009 г. имеется в открытом доступе на сайтах австралийского Института экономики и мира (см. прим. 2) и Международной организации труда (МОТ) (см. прим. 3). Сведя все эти данные в таблицу Excel, мы смогли рассчитать коэффициент корреляции (r), отражающий силу связи между варьируемыми признаками двух переменных – KEI и уровнем безработи-

цы. Чрезмерно большой размер таблицы не позволяет нам представить ее в нашей статье. Поэтому ограничимся лишь графическим изображением (см. рис. 1).

На графике видно, что рост индекса КЕИ отнюдь не сочетается с ростом уровня безработицы. Более того, чуть заметна тенденция, указывающая на обратную связь между индексом КЕИ и уровнем безработицы, что не случайно. Наш расчет показал, что $r = -0,28$. Это значит, что между двумя переменными существует слабая отрицательная корреляция [5, 204]. Полученный результат можно интерпретировать таким образом: с ростом индекса КЕИ уровень безработицы незначительно снижается.

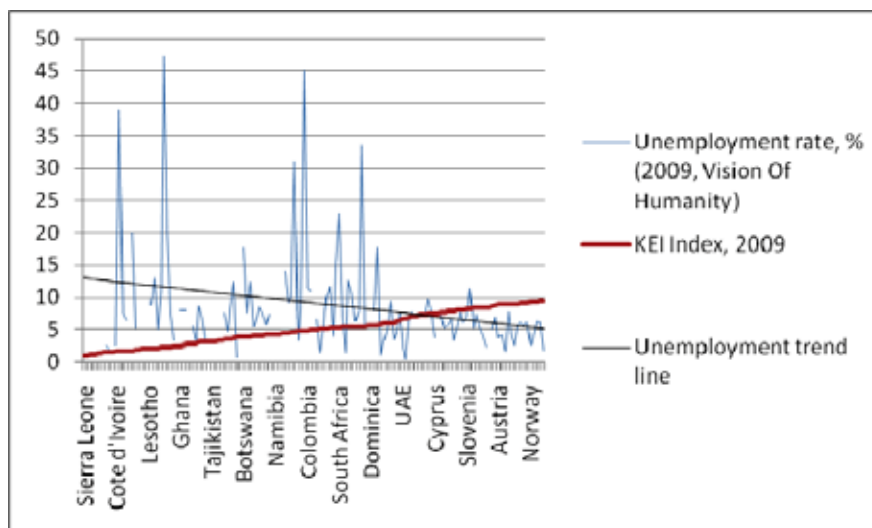

Рис. 1. Уровень безработицы и Индекс экономики знаний в странах мира в 2009 г.

Рейтинг инновационности ITIF 2009 г. включает в себя 36 стран (см. прим. 4). Информацию об уровне безработицы в странах, вошедших в рейтинг ITIF-2009, мы также взяли с сайта МОТ (см. прим. 3), дополнив ее сведениями, касающимися уровня безработицы в Индии и Китае (см. прим. 5). Процедура расчета коэффициента корреляции та же, что и в случае с индексом КЕИ. Визуальное представление о соотношении показателей уровня безработицы и инновационного развития в странах мира в 2009 г. дает график на рис. 2.

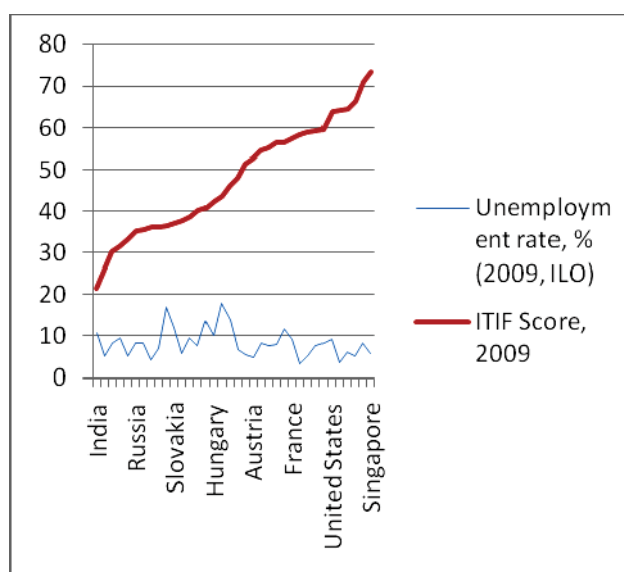

Рис. 2. Уровень безработицы и инновационного развития ITIF в странах мира в 2009 г.

График демонстрирует полную оторванность инновационного развития от безработицы. Расчет показал, как и в предыдущем случае, слабую отрицательную корреляцию: $r = -0,27$. Таким образом, можно сформулировать аналогичный вывод: с ростом показателей инновационности ИТИФ уровень безработицы незначительно снижается.

Наконец, обратимся к последнему рейтингу, составленному международной бизнес-школой INSEAD на 2011 г. Исследование охватило 125 стран мира, а его результаты есть в свободном доступе на сайте этой бизнес-школы (см. прим. 6). Эти данные для расчета коэффициента корреляции мы перенесли в таблицу Excel вместе с показателями уровня безработицы в 2011 г., взятыми с сайта австралийского Института экономики и мира (см. прим. 7). На рис. 3 изображен график, отражающий взаимосвязь между интересующими нас факторами. И опять мы видим стремительный отрыв одной из переменных от другой: «Глобального инновационного индекса» – от уровня безработицы. Визуальный образ и на этот раз не ввел нас в заблуждение, поскольку $r = -0,21$, т.е. уже в третий раз нами получена слабая отрицательная корреляция. Соответственно вывод таков: с ростом «Глобального инновационного индекса» уровень безработицы незначительно снижается.

Обобщим результаты нашего эмпирического исследования. Индекс КЕИ, индикатор инновационности ИТИФ, «Глобальный инновационный индекс» суть частные операционные определения понятия «научно-технический прогресс». Следовательно, мы можем сделать заключение, что научно-технический прогресс не только не обуславливает безработицу, но, напротив, ведет к ее незначительному снижению. Данный вывод заставляет нас признать сфальсифицированным суждение о том, что безработица есть «характеристика» научно-технического прогресса, поскольку факты этому прямо противоречат.

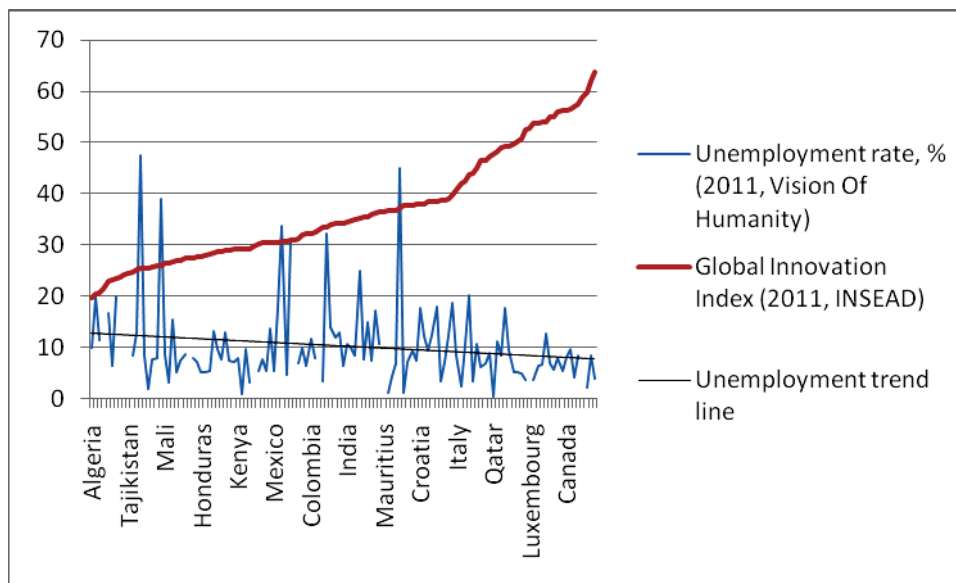

Рис. 3. Уровень безработицы и «Глобальный инновационный индекс» в странах мира в 2011 г.

Возможно, нам бы и не понадобилось «реабилитировать» научно-технический прогресс, если бы «обвинительная сторона» изначально рассматривала этот процесс не абстрактно, а конкретно. Действительно, научно-технический прогресс не существует сам по себе, а проистекает из потребностей и целей общественного развития, является составляющей социального прогресса в целом. Трудно себе вообразить, что мерилom социального прогресса может служить высокая безработица. Тогда бы выходило так: чем больше безработных, тем дальше общество продвинулось по пути прогресса. Конечно, это нонсенс. Такая интерпретация прогресса лишь «льет воду на мельницу» его ярких противников.

Конкретное понимание социального прогресса мы находим у К. Маркса. Для него критерием социального прогресса выступало всестороннее развитие человека, а научно-технический прогресс должен был содействовать, а не противодействовать этому. И если в XIX в. такой подход был лишь элементом чистой теории, то в конце XX – начале XXI вв. – нормой международной практики. Так, например, ООН для оценки прогресса уже более

20 лет использует такой показатель, как «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), который складывается из трех основных параметров – дохода, образования, здоровья. В «Докладе о развитии человека 2010», подготовленном этой авторитетной международной организацией, уточняется, что «развитие человека также предполагает противодействие процессам, ведущим к обнищанию людей, усилению гнета и структурной несправедливости; оно должно быть справедливым» [1; 2]. С точки зрения методологии, используемой ООН, не может быть справедливости без равенства, а без равенства – развития. Данный императив не является некой умозрительной предпосылкой или гипотезой, а есть принцип, имеющий надежное эмпирическое подкрепление. В упомянутом докладе говорится: «Существует значительная отрицательная связь между неравенством и развитием человека. Неравенство в таких сферах, как здравоохранение, образование и доход, негативно влияет на ИРЧП; при этом его связь с образованием и доходом значительно сильнее. Этот вывод предполагает, что уменьшение неравенства может существенно наладить развитие человека» [1, 58].

Безработица и неравенство взаимосвязаны друг с другом. Чтобы в этом убедиться, мы сопоставили два ряда переменных – уровень безработицы в 2009 г. (см. прим. 2 и 3) и коэффициент Джини (основной показатель неравенства, используемый в международной статистике) в странах мира за период 2000-2010 гг. [1, 152-155]. В выборку вошли 105 стран мира. Расчет показал, хотя и слабую, но положительную корреляцию ($r = 0,27$). Нас в данном случае больше интересует не сила связи, а ее направленность. Если, как говорится в докладе ООН, «существует значительная отрицательная связь между неравенством и развитием человека», тогда как рост неравенства и безработицы происходит в одном и том же направлении, то, следовательно, безработица противодействует развитию человека, т.е. прогрессу. Неравенство, с точки зрения методологии, используемой ООН, имеет социальную природу [1, 72]. Так же думал и К. Маркс.

К сожалению, ограничения, накладываемые на объем статьи, не позволяют нам углубиться в анализ марксистской теории и методологии. Тем не менее уже сейчас мы можем сказать, что в отличие от концепций технологического детерминизма и сциентизма, марксизм выдержал испытание временем, доказав свою научную респектабельность в той части, в какой он объясняет закономерности и противоречия общественного развития, место и роль в нем научно-технического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2010. – 244 с.
2. Докучаев, И. И. Позиции и амбиции. Рецензия на статью Д.В. Новикова ««Лишние люди» как необходимый ресурс self-expansion of capital» / И. И. Докучаев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № II - 2(6). – С. 97-98.
3. Новиков, Д. В. «Лишние люди» как необходимый ресурс self-expansion of capital / Д. В. Новиков // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I - 2(5). – С. 100-105.
4. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. – М.: Республика, 2004. – С. 79.
5. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб.: ООО «Речь», 2000. – С. 204.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Режим доступа: http://info.worldbank.org/etools/kam2/kam_page5.asp
2. Режим доступа: <http://www.visionofhumanity.org/gpi-data/#/2009/unem/>
3. Режим доступа: <http://kilm.ilo.org/KILMnetBeta/default2.asp>
4. Режим доступа: <http://www.itif.org/publications/atlantic-century-benchmarking-eu-and-us-innovation-and-competitiveness>
5. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2129rank.html>
6. Режим доступа: http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/analysis/rankings.cfm?vno=&viewall=true#CGI.SCRIPT_NAME#
7. Режим доступа: <http://www.visionofhumanity.org/gpi-data/#/2011/unem/>

Докучаев И. И.
I.I.Dokuchaev

**ДИСКУССИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ А. В. ГОТНОГИ «ПРОБЛЕМА «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ»:
ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ»**

**DISCUSSIONS AND FALSIFICATIONS. THE REVIEW OF A PAPER BY A.V.GOTNOGA
«THE PROBLEM OF «SUPERFLUOUS MEN»: A DIALOGUE OF WORLDVIEWS»**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Pya I. Dokutchayev – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношений категорий научно-технический прогресс, капитализм и безработица. В ней показано, что научно-технический прогресс есть следствие творческой природы человека, а капитализм – современный способ выражения научно-технического прогресса, связанный с характером организации производства и потребления. Рост безработицы в эпоху капитализма выше, чем в предшествующие ему периоды, именно благодаря скорости научно-технического прогресса. В развитых странах научно-технический прогресс создает условия, позволяющие преодолеть последствия безработицы.

Summary. The paper deals with the analysis of correlation between such categories as scientific and technical advance, capitalism and unemployment. The paper demonstrates that scientific and technical progress is the product human creativeness, while capitalism is a modern way of manifestation of scientific and technical progress subject to the manner manufacture and consumption processes are organized. The growth of unemployment during capitalism is faster than in previous periods, because the rate of scientific and technical advance is very high today. In the developed countries, scientific and technical advance creates conditions that provide a means of overcoming adverse unemployment effects.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, капитализм, безработица, социализм, неравенство, истощение ресурсов.

Key words: scientific and technical advance, capitalism, unemployment, socialism, inequality, depletion of resources.

УДК 304.2

В настоящем номере мы продолжаем дискуссию, начатую на страницах нашего журнала в первом и втором его выпусках за прошлый год. В ответ на опубликованную мною рецензию на статью Д.В. Новикова ««Лишние люди» как необходимый ресурс self-expansion of capital» в адрес журнала было получено две работы. Одну из них написал сам Денис Викторович, другую – доцент Александр Васильевич Готного.

В работе Д.В. Новикова в целом не содержится принципиально новых соображений, исходя из чего редакция сочла возможным отказаться от ее публикации. Однако один тезис, сформулированный Д.В. Новиковым, следует все-таки упомянуть, в силу его полемической новизны и принципиальности. Д.В. Новиков утверждает, что пролетариат и рабочий класс – не одно и то же. Рабочий класс – социальная категория, включающая промышленных рабочих, а пролетариат – социальная категория, характеризующая своих индивидов как облада-

Докучаев И. И.

ДИСКУССИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ

А. В. ГОТНОГИ «ПРОБЛЕМА «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ»: ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ»

ющих личной свободой и не имеющих собственности на средства производства. Следовательно, говорить, что структура занятости в постиндустриальных обществах, в которых класс промышленных рабочих заметно сократился, не включает пролетариата, не верно. Однако даже если признать тезис о различии рабочего класса и пролетариата правильным и опять-таки обратиться к структуре занятости постиндустриальных обществ, нельзя не заметить того, что ни рабочего класса, ни пролетариата нет среди наиболее широко представленных категорий. Повторю то, что уже писал по этому поводу в своей рецензии. *Социальная доля пролетариата как наемной рабочей силы, создающей результат производства в форме вещей, постоянно сокращается в структуре занятости населения экономически развитых стран. Возрастает доля именно тех секторов занятости, в которых работают квалифицированные специалисты, создающие не вещи, а знания. Эти специалисты в силу значимости их труда самым активным образом влияют на процессы управления производством, вплоть до вхождения в сферу владения им. Сокращение пролетариата связано и с ростом сферы услуг и иных форм мелкого предпринимательства, в которых собственники являются и наемными работниками. Все это есть результат научного прогресса, который был не вполне принят в расчет авторами идей пролетарской революции.*

Теперь о статье А.В. Готноги, которую мы публикуем в настоящем номере. Уважаемый автор в своей работе предпринял попытку опровержения моего тезиса о том, что причиной безработицы является научно-технический прогресс, указав на два соображения.

Первое: согласно данным различных международных организаций рост инноваций в экономике сопровождается незначительным сокращением безработицы.

Второе: научно-технический прогресс есть часть социального прогресса, цель которого – всестороннее развитие человека. Капитализм же – современный источник неравенства и основное препятствие на пути любого прогресса. Именно рост неравенства коррелирует с ростом безработицы, снижением уровня жизни населения. Хотя А.В. Готнога нигде в тексте своей работы не рассматривает соотношение категорий неравенство и капитализм, я полагаю, что могу сделать вывод об их существенной связи.

Сразу хочу заметить по поводу вышеизложенных тезисов, что в своей рецензии я нигде специально не рассматривал вопрос о всестороннем соотношении научно-технического прогресса и безработицы. Речь шла только о критике тезиса Д.В. Новикова, согласно которому капитализм всегда заинтересован в росте безработицы, что является частным следствием марксистского закона абсолютного обнищания пролетариата. Сам Д.В. Новиков замечает в своей статье, что *развитие капитализма осуществляется в связи с прогрессом технологии, повышением производительности труда.* С этим невозможно поспорить, именно на это обстоятельство я и обратил внимание. Карл Маркс тоже понимал принципиальность данного соображения. Поэтому он писал:

«Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.» (см. прим. 1).

И далее «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления.» (см. прим. 2).

Итак, в общем смысле научно-технический прогресс есть выражение природы человека. Человек – особое существо в мире, его место определяется уникальностью, свободой и рациональностью его бытия. Именно эти качества порождают в нем волю к постоянному

улучшению условий собственного существования. Подобное улучшение поначалу приводит к техническому прогрессу, а затем к возникновению научно-технического прогресса, поскольку именно наука оказывается организующей техническое развитие основой.

Я не скрываю свое научное кредо, в чем упрекает меня А.В. Готнога. И я много опубликовал статей и книг, в которых раскрываю его суть. Хочу сказать, что это кредо основано не на одной методологии, а на анализе различных достижений социально-гуманитарного знания, к числу которых принадлежат и сочинения Карла Маркса. Именно желание придерживаться определенной методологии всегда приводит к ее догматизации и идеологизации. У ученого может быть только одно кредо – истина, а не метод. Метод нельзя отделить от его результата, но нельзя и смешивать с ним.

Однако вернемся к анализу роли и существа научно-технического прогресса. Любое эффективное изобретение в случае его реализации должно привести к высвобождению труда, то есть оно всегда будет связано с необходимостью изменить этот труд. Оно будет связано с сокращением трудовых усилий, то есть будет причиной безработицы. Безработица возникает не вместе с капитализмом, и это обстоятельство не является алиби для него. Я вообще не ищу алиби или наоборот – улик в ходе анализа истории. Как только возникает социальное разделение труда, так сразу возникает и безработица, ибо социальное разделение труда есть такая его организация, при которой один человек не достигает результата всей деятельности, но только коллектив, которому он принадлежит. Выполнять ту или иную задачу можно по-разному, и конкуренция всегда приводила к тому, что кто-то оказывался не у дел. В условиях, когда выжить без доступа к коллективной деятельности невозможно, подобное лишение оборачивается серьезной социальной и экзистенциальной проблемой.

Смысл научно-технического прогресса в общих чертах ясен, его задача – улучшать условия бытия человека, в том числе и те, которые приводит в своей работе А.В. Готнога, ссылаясь на концепции ООН. Речь идет о доходах, здоровье, образовании. А вот с социальным прогрессом дело обстоит значительно сложнее. Ни Аристотель, ни И. Кант, ни К. Маркс, ни Иисус Христос, ни Магомет, ни Будда не знали, а точнее принципиально не могли доказать человечеству, что именно их идеал является целью социального прогресса. И это обстоятельство также связано с особенностью природы человека, с его принципиальной свободой. Если отрицать эту особенность, если сводить все бытие человека к какой-нибудь социальной функции, к религиозному призванию, к физиологическому расцвету и т.п., можно указать эту цель, но доказать необходимость подобного упрощения человека невозможно. И здесь открываются большие перспективы для тщетного диалога мировоззрений и катастрофического конфликта цивилизаций. Именно поэтому само понятие социального прогресса – нонсенс, и его следует заменить каким-либо менее мощным, например, понятием социального развития. Является ли научно-технический прогресс частью социального развития, или нет – этот вопрос тоже из разряда принципиально неразрешимых. Ибо если признать, что смысл социального развития неясен, научно-технический прогресс может оказаться и противоречащим ему, и солидарным с ним процессом. Социальное развитие идет своим путем, и скорее всего прогрессом не является, а научно-технический – своим, и иногда пути их пересекаются.

Высказавшись по второму тезису А.В. Готноги, вернемся к первому. В своей рецензии я писал, что рост безработицы *характерен для любого общества, переживающего процесс модернизации. В странах, в которых проблема безработицы решается, существуют программы переквалификации, финансируемые государством. Это явление называется learn long life. В странах, где нет необходимости в трудовых ресурсах, такая проблема решена быть не может.* Однако на этот тезис А.В. Готнога не обращает никакого внимания. Я повторю, в развитых странах растет как безработица, так и меры по ее ликвидации, ибо научно-технический прогресс позволяет не только высвободить трудовые ресурсы, но и задействовать их вновь. Однако для стран с низким уровнем развития подобное невозможно, там этот прогресс играет по большей мере роль отрицательную, разрушая традиционные сферы занятости и не создавая серьезной альтернативы.

Особый момент – это соотношение научно-технического прогресса и капитализма. Повторю еще раз НТП – планетарная сила, которую признавали такие выдающиеся умы, как Карл Маркс, Огюст Конт, Владимир Вернадский и др. Он есть выражение человеческой природы, а капитализм – только способ организации производства и потребления, на данном

Докучаев И. И.

ДИСКУССИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ

А. В. ГОТНОГИ «ПРОБЛЕМА «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ»: ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ»

этапе соответствующий уровню научно-технического прогресса. Рост безработицы при капитализме оказывается выше именно в силу скорости научно-технического прогресса, создающего тупиковые ситуации для экономики, кризисы перепроизводства, финансовые кризисы и т.п. Любой капиталист заинтересован в прибыли, заинтересован в том, чтобы его производство развивалось, а продукция была продана. Закон абсолютного обнищания пролетариата – только одна сторона единого процесса, а другая сторона – закон роста благосостояния человечества. Категория закон применительно к социальным процессам – нонсенс, но, пользуясь стилистикой марксизма, назовем эту другую сторону тоже законом. Капитализм, таким образом, является как причиной безработицы, так и причиной ее ликвидации.

Капитализм – не враг и не благодетель человечества, он – объективное состояние его материальных возможностей сегодня. И когда марксисты говорят о том, что они видят противоречия марксизма, указывая на безработицу, рост экологических проблем и истощение ресурсов, это еще не свидетельствует о том, что они понимают, как эти противоречия разрешить. Когда марксисты говорят, что во всех бедах современного человечества виноват капитализм, они явно преувеличивают его роль. Истощение ресурсов и экологические проблемы вызваны капитализмом именно потому, что человек всегда стремился потреблять как можно больше, но только теперь материальные условия его существования позволили ему создать угрожающий уровень потребления. И даже социализму не под силу ограничить его рост. Урбанизация и обнищание населения – проблемы не только капитализма, но и тех людей, которые прельстились блеском городов, уровнем потребления в них. Никто не держит жителей трущоб, они не прикованы к ним, но продолжают в них оставаться. Вместо того, чтобы организовать достойные условия собственного существования, люди чаще всего склонны искать причины собственных бед в благополучии и успехе других. Известное объяснение «среда заела» – универсальный, но не убедительный довод в пользу бедных. Да, такое положение дел неприемлемо, но неприемлема и идея разорения состоявшихся экономик для того, чтобы жители трущоб смогли из них выбраться. Помощь им должна иметь разумный характер.

Идея социализма не выдерживает критики, хотя отдельные его достижения, безусловно, навсегда войдут в арсенал социальных ценностей. Обобществление собственности есть насилие. Это насилие над естественным правом человека и над сложившимся историческим положением дел. Уровень насилия, требующегося сегодня для возрождения социализма, невозможно представить даже в самом страшном сне. Такой счастливый мир нужен кому-либо еще меньше, чем нынешние бразильские или египетские трущобы. Однако насилие – это еще полбеда, оно бывает необходимо для решения многих проблем. Основная беда в том, что никто не гарантирует оправданности этого насилия, его безусловной эффективности. Построенный в СССР социализм свидетельствует о том, что неравенство граждан в нем не было ликвидировано, что оно присуще природе человека, выражающейся в его уникальности. Неравенство при обобществлении собственности будет перераспределено, больший доступ к средствам и продуктам производства будет просто предоставлен бюрократам. Это именно тот урок, который преподнес человечеству в XX веке Советский Союз. Высасывать из пальца будущее человечества – задача опасная и неблагодарная. Именно развитие материальных условий бытия человека предъявит обществу выбор, согласно которому капитализм или какой бы то ни было иной способ производства и потребления будет господствующим в мире. Социальная революция есть не только переворот, она есть закономерный исход развития событий. Сегодня этот исход еще совершенно не ясен. А когда ясность наступит, никакие дискуссии и фальсификации теорий не потребуются, все произойдет своим чередом.

И наконец, обращу внимание на сам характер критических аргументов, высказанных в статье А.В. Готного. Кандидат философских наук решил стать социологом, видимо философия – не его кредо, он предпочитает сухой язык цифр, а не анализ понятий и категорий. Однако опровергнуть философский тезис социологическими выкладками невозможно, не знаю уж, беда это или привилегия философии. Для полемики с философом нужно занять именно философскую позицию, даже если она кажется неприемлемой или смешной для сциентистов и детерминистов всех мастей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Режим доступа: <http://www.revolucia.ru/kpolitik.htm>.
2. Там же.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Докучаев И. И.
I.I.Dokuchaev

**ГЕРМЕНЕВТИКА ДОВЕРИЯ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЕВГЕНИИ ВАЛЕРЬЕВНЫ САВЕЛОВОЙ
«МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ
И КУЛЬТУРЫ». – ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2010. – 346 с.**

**HERMENEUTICS OF CONFIDENCE. A REVIEW OF A BOOK BY EVGENIYA V.
SAVELOVA "MYTH AND EDUCATION IN THE STRUCTURE OF HUMAN BEING AND
CULTURE". KHABAROVSK, THE FAR-EAST STATE HUMANITARIAN UNIVERSITY
PUBLISHING, 2010. 346 P.**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Книга Е.В. Савеловой посвящена комплексному исследованию мифа и образования в структуре человеческого бытия и культуры. Несмотря на обилие литературы по данному вопросу, книга Е.В. Савеловой отличается новизной и оригинальностью его решения. В книге подробно исследуются соотношения категорий мифа и образования с такими категориями, как экзистенция, культура, социум, символ, игра, ритуал и др. Выявляется специфика мифа и образования как культурологических и философских категорий. Анализируется место категорий мифа и образования в онтологии человеческого бытия. Подробно демонстрируются функции мифа и образования в структуре экзистенции человека, культуры и социума. Особенно значимым оказывается выявление синтетической функции мифа, что позволяет показать его роль в формировании культуры и общества как стабилизирующую и позитивную. Образование рассматривается как категория, диалектически взаимосвязанная с категорией мифа и выступающая социальным институтом и культурной функцией, экстерииорирующей экзистенциальные, символические и коммуникативные процессы становления человека, оформляя бесконечность возможных манифестаций его бытия в конкретные личностные сознания, культурные образцы и социальные нормы.

Чрезвычайно удачным нам представляется сделанное автором заключение о доверительном характере мифологического переживания и герменевтической сущности образования. Это заключение позволило Е.В. Савеловой показать экзистенциально-коммуникативную диалектику человеческого бытия и выявить его важнейшие эйдетические формы. Миф – категория античной культуры, от греческого *ὁ μῦθος*, означающая «речь, сказ». Эта категория обозначает как процесс говорения, так и его результат в устной или письменной форме, то есть текст, с его завершенностью и целостностью. Образование – категория немецкой культуры эпохи Просвещения, русское слово – калька нем. *die Bildung*. Миф и образование, на первый взгляд, плохо совместимые категории, их существо не выдает родства. Аналогом случайности соотнесения категорий мифа и образования можно назвать такие бинарные категории, как «религия и жилище», «тюрьма и наука» и т.п., однако подобное объединение провоцирует научный поиск, заставляет видеть то, что не кажется очевидным, но существует. В данном случае сближение категорий миф и образование позволило автору создать

Докучаев И. И. ГЕРМЕНЕВТИКА ДОВЕРИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЕВГЕНИИ ВАЛЕРЬЕВНЫ САВЕЛОВОЙ «МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ». - ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2010. – 346 с.

своеобразную концепцию культуры. Мощност и фундаментальность этой концепции основаны на редукции культуры к двум ее категориям. Сущность культуры выводится Е.В. Савеловой из сложных отношений мифа и образования. Это можно сопоставить с попыткой Й. Хейзинги редуцировать существо культуры к категории игры, Э. Кассирера – к категории символа и т.п. Миф предстает своего рода культурной материей, а образование – его формой, причем не готовой (*forma formata*), а становящейся (*forma formans*).

Миф оказывается средой жизненного мира человека, изначальной, дорефлексивной сферой, в которую погружено его сознание. И миф оказывает влияние на его деятельность на всех уровнях. Миф априорен, то есть неустраним из любого, даже специального способа соотношения с миром. Ж. Деррида в своих лекциях о феномене веры, прочитанных им в Санкт-Петербургском университете в 1993 году, говорил, что вера – универсальная среда любого познания. Мы доверяем на каждом шагу, мы не можем проверить все то, на что ориентируемся в нашей жизни, даже в таких её практиках, как наука. Однако предрассудочность мифа не является одинаковой во всех случаях экзистенции человека. Эта предрассудочность преодолевается, и путь ее преодоления назван Е.В. Савеловой образованием. Образование есть герменевтика мифа. Образование есть герменевтическое движение по кругу, по спирали, от исходных мифологических установок к все более и более рефлексивным. Это не есть движение в границах порочного круга, однако оно никогда не может завершиться и избавиться от необходимости возвращения к своим истокам – мифу. Раскрытие позитивной функции мифа – важнейшая заслуга автора рецензируемой работы.

Образовательная герменевтика доверительной среды мифа проходит три круга, согласно концепции Е.В. Савеловой. На первом – экзистенциальном – миф представлен сначала как дорефлексивный жизненный мир, а образование – как способ его распада на мир Я и мир Другого, как экзистенциальная коммуникация между ними. Второе пришествие мифа собирает этот распавшийся мир в новую мифологическую целостность. Второй круг – культура – раздваивает миф, превращая его в однозначные культурные образцы и бесконечнозначные символы, которые образование актуализирует в игровой (креативной, но одновременно и энтропийной) и ритуальной (традиционной, но одновременно и негэнтропийной) формах. Наконец, третий круг – социальный – предстает как превращение образования в социальный институт и мифа в идеологию, выхолащивающее все творческое из обеих форм культуры. В качестве основного способа преодоления этого негативного результата Е.В. Савелова предлагает проблематизацию образования.

Необходимо также отметить и практическое значение работы, связанное с поиском автора тех образовательных технологий, которые учитывают особенности современной поликультурной ситуации в мире, требующие адекватных педагогических практик. К числу подобных практик автор относит школы Диалога культур, Философии детям, Человекообразного образования. Все эти школы не столько формируют определенную картину мира в сознании ученика, сколько развивают его творческие способности самостоятельного пространствования подобной картины. В книге указывается и на опасность мифологизации человеческого бытия, которая особенно отчетливо проявляется на уровне социальной коммуникации. Однозначность кодов подобной коммуникации выхолащивает мифологическую многомерность и сводит ее к упрощенным вариантам идеологии, а образование оказывается жестким социальным институтом, реализующим ту или иную идеологическую стратегию.

Как и любое талантливое и фундаментальное исследование, затрагивающее ключевые проблемы философского и культурологического знания, работа Е.В. Савеловой не может не породить множество вопросов и пожеланий.

1. Нельзя не обратить внимание на логику, заключенную в названии работы. Она не выдерживает критики. Совершенно очевидно, что бытие является категорией, имеющей характер рода по отношению к культуре. Культура есть регион бытия, а не равнозначная ему форма. Это введение категории культуры в название работы кажется оправданным только в силу того, что автор написал диссертацию, результаты которой опубликованы в рецензируе-

мой книге, и собирается защищаться в совете по Теории и истории культуры. Выставление культуры на первый план не оправдано и самим содержанием работы. Культура рассматривается автором как одна из форм бытия, совершенно равнозначная другим его формам – экзистенции и социуму. Представляется, что такая книга должна быть названа: Миф и образование в структуре человеческого бытия, а научная область, к которой отнесен ее предмет – не Культурология, а Онтология и теория познания. Однако сами рассматриваемые категории, особенно миф, являются во многом артефактами культуры, кроме того, автор книги особо рассматривает роль мифа и образования в современной культуре, что снимает, но далеко не полностью, настоящее возражение.

2. Неприятной особенностью рассматриваемой работы является ее не критический характер. Он выражается в ряде свойств сочинения Е.В. Савеловой.

Во-первых, в работе представлено огромное количество цитат. Все они не столько классифицируются как выражения различных точек зрения на проблему, с которыми автор то спорит, то соглашается, сколько приводятся для подтверждения истинности авторских суждений. В таком случае цитаты могут носить характер ссылок на результаты чужих исторических исследований. Однако авторские суждения носят не исторический, а теоретический характер, и, следовательно, могут и должны быть полностью самостоятельными, не нуждающимися в подобных подтверждениях. Такая самостоятельность – единственное доказательство оригинальности концепции, особенно когда речь идет о фундаментальной работе.

Во-вторых, автор почему-то нигде не обсуждает ключевые принципы своей концепции. Он просто берет их в готовом виде. К числу принципов такого рода следует отнести онтологию, задающую стратегию исследования мифа и образования. Эта онтология, на мой взгляд, внутренне противоречива. Автор вслед за С.Е. Ячиным выделяет три уровня бытия: экзистенцию, культуру и социум. Совершенно не ясно, почему в этой структуре отсутствует природа, она также является элементом бытия, причем человеческого тоже. Далее. Экзистенция – это уже бытие, а не его форма. Сам смысл этого термина (от лат. существование) указывает на это. Невозможно согласиться с автором, что экзистенция – это характеристика человеческого бытия, экзистенция – это и есть само бытие. А если это так, то культура и социум – не однопорядковые экзистенции формы, а структуры самой экзистенции. В этой связи непонятным оказывается отсутствие в структуре экзистенции психической составляющей. Это отсутствие компенсируется тем, что экзистенциальный уровень бытия анализируется автором то как уровень универсальных свойств человеческого бытия, то как уровень свойств человеческой психики.

Невозможно согласиться и с некоторыми другими принципиальными тезисами книги. Все содержание культуры автор сводит к смыслам и знакам. На каком основании это сделано? Куда попали те же самые социальные институты, телесные и духовные практики, материальные вещи. Вся материальная сторона культуры просто утрачена в подобной трактовке, а духовная – сведена к знаковым формам. С этим невозможно согласиться. Крайне странным кажется и тот факт, что в ходе анализа мифологической стороны экзистенциального бытия вообще не говорится ничего об аксиологических основах этих явлений. Социальная реальность же сведена к нормативным и коммуникативным факторам. Однако она не равна им. Как быть с общением? Оно является социальным фактом, но вполне может обходиться без институционального оформления. Почему, например, мы исключаем из сферы социального такие явления, как социальные процессы (абстрактные отношения)? Именно им посвящены многие социологические исследования. Какая коммуникация существует между жителем полуострова Таймыр и города Санкт-Петербурга, однако они, будучи жителями России XXI века, обладают рядом сходных ценностей, которые можно изучать как социальные, но ни в коем случае не нормативные и не коммуникативные феномены. Наконец, нельзя не обратить внимание и на то, что смыслы и знаки – часть коммуникации, а не однопорядковое с ней явление. Если культуру свести к смыслам и знакам, а социум к коммуникации, то разница между ними будет и вовсе утрачена.

Заключая эту часть возражений, приведу цитату из книги, прекрасно иллюстрирующую теоретические предпосылки обсуждаемой онтологии: «бытие, взятое само по себе, находится в фундаментальной скрытости, потаенности, не имеет внутренней структуры и смысла. И форму, и смысл, и структуру бытию может придать только человек». Позволю себе не согласиться с этим суждением. Только дух веет, где хочет, человек же может позволить себе подобное только в философских рассуждениях, в ходе же более тесного взаимодействия с реальностью ограниченность его возможностей оперирования с ней станет очевидной безо всяких доказательств.

3. В самостоятельно предлагаемых автором концептуальных построениях, на мой взгляд, присутствует ряд дискуссионных моментов.

Во-первых, автор полагает, что изначальным состоянием человеческого бытия оказывается жизненный мир. Жизненный мир – категория философии Э. Гуссерля. Он обозначает совокупность допредикативного опыта человека, то есть повседневный мир, в котором живет человек, и который, безусловно, имеет мифологическую природу. Рефлексия этого мира представляет собой воздержание от его характеристик, обволакивающих мир, процедуру универсального сомнения в нем, называемую «эпохе». Согласно Е.В. Савеловой, жизненный мир представляет собой бесформенную первоматерию. С этим невозможно согласиться. В жизненном мире уже есть порядок, тогда как первоматерия не имеет никаких форм. Именно она и есть та стихия бесформенности, которую дифференцирует и кристаллизует сознание. А жизненный мир оказывается горизонтом этой кристаллизации, который не столько предшествует ей, сколько всегда сопровождает.

Далее. Непонятно, как происходит эта кристаллизация согласно концепции Е.В. Савеловой. Она полагает, что важнейшую функцию в этом процессе играет ситуация «со-бытия с Другим», осуществляемая как доверительное отношение. Само по себе это суждение вполне может оказаться эвристически ценным, но оно никак автором не проясняется. О каком Другом идет речь? Это человек или просто предмет? В тексте нет однозначных разъяснений на этот счет. Имеются тезисы, которые можно истолковать как в ту, так и в другую сторону.

Далее. Автор книги вводит категорию мифа именно в тот момент изложения диалектики экзистенциального бытия, когда оно распалось на Я и Другое (Другой). Этот опять-таки никак не доказывается. Миф уже был основной структурой жизненного мира. Теперь он возникает как рефлексивная форма, однако доверительная. Это сложный и противоречивый комплекс богословского характера. Но ведь не каждый же человек является богословом, сопрягающим в своем экзистенциальном бытии разум и веру. О каком мифе говорит автор? О богословском или нет? Это остается загадкой для читателя.

Во-вторых, следует указать на отсутствие сопоставительного анализа категорий в работе. Для того чтобы разгадать загадку существа мифа и образования, мне представляется, что было бы неплохо сравнить миф с другими формами культуры, а может быть и социума, поскольку миф трактуется и как социальное явление. То же следовало бы сделать и с образованием. Но этого в книге нет, а есть крайняя абстрактность определений мифа и образования. Она в настоящей работе позволяет автору приписать им обилие характеристик, проверка которых оказывается невозможной. Если понятие лишено объема, то ему можно приписать любое содержание. В книге практически каждая категория наделена противоречивым содержанием, это даже не столько промах автора, сколько его теоретическая позиция. Все говорить обо всем. Культура сначала противопоставлена социуму как смысл норме и коммуникации, затем автор говорит о нормативности и коммуникативности культуры. Миф трактуется то как фактор синтеза, то как фактор энтропии, а если это так, то на каком основании он противопоставлен идеологии? Ведь тотальность присуща мифу в той же мере, что и ей, а с

другой стороны, в обществе всегда есть конкурирующие идеологии, а мифология, как правило, одна. Подобное пренебрежение морфологией культуры ставит под сомнение сам отбор категорий миф и образование в качестве фундаментальных, оставляет нерешенной задачу актуализации связи между мифом и образованием.

В-третьих, нет в книге и истории. Однако историзм нельзя просто выбросить за ненадобностью, если его не легализовать, он пролезет в исследование контрабандой. Антиисторизм сочинения Е.В. Савеловой выражается в многочисленных примерах. Начнем с того, что сама первичность экзистенциального уровня по отношению к культурному и социальному никак не конкретизируется. Это какого рода первичность? Филогенетическая, онтогенетическая, эйдетическая? Понимать это приходится каждому по мере своих способностей. В книге почти нет поясняющих то или иное абстрактное положение примеров, даже когда речь идет о таких исторических феноменах, как миф и образование. Я не говорю уже об исторической типологии их. А это порождает массу вопросов: личностное и аккультурирующее образование – это исторические или эйдетические явления? И если это явления вневременные, то как возможно личностное образование в традиционном обществе, в котором каждый индивидуум является этнофором, носителем социальных традиций и ценностей? А как быть с игрой и ритуалом? Игра рассматривается автором как феномен свободы, а ритуал – нормативности. Однако опять-таки не ясно, как это все конкретизировать исторически? Возможна ли в традиционной культуре свобода, и каковы её пределы, а в креативной культуре норма, и каковы её пределы?

4. Наконец, приведу ряд мелких дискуссионных соображений.

- В работе нет ни одной цитаты из классических сочинений М.С. Кагана, основной вклад которого в культурологию заключается именно в том, что он разработал систематическую онтологию, в которую вписана культура. Сегодня говорить о структуре бытия и культуры без анализа сочинений М.С. Кагана кажется просто невозможным делом, однако оно имеет место быть в разбираемом случае.

- Не могу согласиться с рядом классификаций и определений автора. Так, концепция мифа Р. Барта отнесена к рубрике «социально-коммуникативные концепции мифа», а не к «культурно-семиотическим концепциям». Но ведь миф Р. Барт трактует как явление коннотации, то есть формы означаемого. Если это не семиотическая концепция, тогда не понятно, что же такое вообще семиотика. То же самое следует сказать и о концепции К. Леви-Стросса, трактующего миф как семантические структуры. А то, что эти структуры участвуют в коммуникации, так это же можно сказать и о любом знаке. Тогда любая культурно-семиотическая концепция может быть отнесена к социально-коммуникативным. С другой стороны, трактовка концепции партиципации Л. Леви-Брюля только как семиотической совершенно не оправдана, поскольку эта концепция обладает ярко выраженной социальной составляющей. Сама партиципация оказывается возможной благодаря синкретизму социального характера, а не только ментального или смыслового. Крайне странным выглядят и определения символа и индекса, данные автором. Индекс трактуется автором как немотивированный знак. Ссылка на Ч. Пирса, приведенная в работе, не обосновывает такой трактовки. Существо индекса не столько в сигнализации, сколько в отношении смежности различных явлений, не зависящей от воли человека, как не зависит от его воли связь между облаком и дождем, огнем и дымом; хотя подобная связь и может оказаться сигналом, например, приказывающим спастись бегством от дождя или пожара. Данное автором определение индекса не столько проясняет рассматриваемую им проблему однозначности социальных манифестаций мифа, сколько запутывает её решение. Соглашаясь с утверждаемой автором концепцией

Докучаев И. И. ГЕРМЕНЕВТИКА ДОВЕРИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЕВГЕНИИ ВАЛЕРЬЕВНЫ САВЕЛОВОЙ «МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ». - ХАБАРОВСК: ИЗДАТЕЛЬСТВО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2010. – 346 с.

категории символа в целом, определяющей его как немотивированный знак, интерпретация которого разворачивается посредством кодов различного рода, в том числе иконического и индексального, я не могу согласиться с интерпретацией концепции символа Ч. Пирса, данной Е.В. Савеловой. Ч. Пирс настаивал именно на немотивированности символа, последовательно отделяющей означаемое и означающее, отрывающей их реальности друг от друга. Тогда как многокодовая интерпретация этой связи невозможна без учета элементов мотивации, иконического или индексального синтеза означаемого и означающего.

- В работе присутствует критика рационализма Нового времени в образовании, которая, на мой взгляд, не вполне оправдана. Разве можно полностью устранить из образования элементы штудирования и передачи готовых знаний? В ряде предметов это было бы равносильно уничтожению самого педагогического процесса. Как можно преподавать математику или иностранный язык, если не требовать от ученика готовых знаний? Как можно проблематизировать закон Ома или классификацию залогов в древнегреческом языке? Если эта проблематизация и возможна, то только на основе уже имеющегося готового знания. Непонятно, говорит ли автор вообще об образовании, или только о преподавании знаний социально-гуманитарной области. Совершенно очевидно, что не только в преподавании естественно-научных и математических знаний, но и в преподавании социальных и гуманитарных предметов необходимо использовать, причем в разной мере, как лекционные сообщения, так и создание проблемных ситуаций. И если знание обладает значительным множеством готовых компонентов, как математика и естественные науки, с этим приходится считаться любому любителю отстранения педагогики. Наконец, остается загадкой определение роли мифа в содержании конкретных форм педагогического процесса. Если миф – историческое явление, то придется признать вредность процесса мифологизации образования, а если – нет, то хотелось бы уточнить его содержание и функции в педагогическом процессе на основе анализа фактического содержания тех или иных изучаемых предметов. Проблематизация знания и его мифологизация – не одно и то же. Более того, рационализация тех или иных доктрин во многом связана с отказом от доверия к ним, то есть представляет собой демифологизирующий человеческое бытие процесс.

Все только что обозначенные вопросы и недоумения имеют характер приглашения к дискуссии и пожелания продолжить начатое исследование, то есть не умаляют достоинств работы. Книга написана с опорой на многочисленные источники культурологического, социологического и философского характера, отбор которых и характер работы с ними свидетельствуют о высокой научной компетентности автора. Эрудиция, продемонстрированная Е.В. Савеловой, поражает как широтой привлеченного материала, так и глубиной его анализа и применения в целях проводимого исследования. Концепция Е.В. Савеловой является одной из наиболее интересных фундаментальных теорий культуры, которые появились в отечественной науке за последние годы.

Сакутин В. А.
V. A. Sakutin

САВЕЛОВА Е. В. МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ. – ХАБАРОВСК: ДВГГУ, 2010. – 346 с.

BOOKREVIEW: EVGENIYA V. SAVELOVA "MYTH AND EDUCATION IN THE STRUCTURE OF HUMAN BEING AND CULTURE". KHABAROVSK, THE FAR-EAST STATE HUMANITARIAN UNIVERSITY PUBLISHING, 2010. 346 P.

Сакутин Вячеслав Аркадьевич – доктор философских наук, профессор Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского (Россия, Владивосток)

Mr. Vyacheslav A. Sakutin – Doctor of Philosophy, Professor, Maritime State University named after admiral G.I.Nevelskoy (city of Vladovostok, Russia)

Актуальность темы исследования Е.В. Савеловой несомненна. Интерес к проблемам формообразования вполне закономерен в связи с фундаментальными и радикальными изменениями в методологическом и понятийном арсенале гуманитарных дисциплин. Эта ситуация актуализирует необходимость выявления дискурсивных ресурсов, позволяющих повысить степень адекватности выражения структурных и содержательных особенностей усложняющейся предметности теории культуры. В этом плане заявленная тема значима, прежде всего, своим методологическим измерением.

Совершенно очевидна потребность в обосновании новых концептуальных подходов, расширяющих горизонт возможностей целостного осмысления структурной релятивности и многомерности разных форм человеческого бытия, и увязке их с полифонией возможных контекстов описания. Эта перспектива связана с необходимостью включения в органон теории культуры современной философской методологии. Неизбежность такого включения исходит из потребности в сопоставлении разных контекстуальных интерпретаций исследуемого предмета как *одного и того же*. Использование философского ресурса конституирует возможность «перемещения» исследователя с одного уровня смысловых обобщений на другой. Подобная стратегия снимает ряд проблем, связанных с преодолением ограниченности локальных интерпретаций предметности науки. А в более широкой перспективе многообразие и взаимодополнительность контекстов исследования позволяют сгладить известную ограниченность классической рациональности и маркировать контуры новой.

Методологическая претензия автора сводима к демаркации линий *сопряжения* мифа и образования и *способов* обоснования разных горизонтов описания. Прежде всего, речь идет о способе выявления экзистенциальной констелляции между образованием и мифом и уровнях ее седиментации в интересующем поле культуры и институциональных структурах социума. Неординарность и новизна авторского замысла определяется явно выраженным пониманием известной ограниченности традиционных процедур концептуализации образования и мифа и ориентацией на широкую философско-онтологическую перспективу. В принципе это дает возможность достаточно непротиворечиво аккумулировать потенциал философии, философии культуры и теории культуры.

Исследование Е.В. Савеловой предвзвешено допущением: образование и миф – «конституирующие начала» бытия и «основополагающие феномены» культуры (с. 5-8 и др.). А общий концептуальный замысел (разд. 1.1) сводится к обоснованию такого способа *формообразования*, который бы позволил:

а) выявить онтологическое единство мифа и образования, что, собственно, и делает возможным включение их в *единое* поле исследования;

б) осмыслить их в качестве «универсальных конститутивных форм»;

Сакутин В. А.

САВЕЛОВА Е. В. МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ. – ХАБАРОВСК: ДВГГУ, 2010. – 346 с.

в) описать логику развертывания этих «универсальных форм» на разных структурных уровнях бытия;

г) выразить специфику культурного и социального модусов мифа и образования в терминах «превращенных форм»;

д) артикулировать способы сопряжения мифа и образования на разных структурных уровнях бытия.

В целом такая стратегия исследования безусловно интересна и перспективна. Но в какой мере она реализована и есть ли основания для суждений о концептуальной строгости и единстве работы?

Ведущий сюжет монографии и ее базовые концепты отсылают к исходным посылкам «экзистенциальной аналитики Dasien» М.Хайдеггера (с. 9 и др.). В этом контексте образование и миф мыслятся как *бытийные* структуры человеческого присутствия (с. 29). Однако какую-либо развернутую экспликацию этой посылки усмотреть в исследовании Е.В. Савеловой достаточно трудно. Очевидно, что вся хайдеггеровская аналитика покоится на так называемом «онтолого-онтическом различении», которое разводит условия возможности исследуемого феномена и актуализацию структур его *формообразования*. Под формообразованием здесь разумеется всякая «экзистенциальная определенность» в значении *осуществления* того, что *уже* дано бытием. Этот базовый сюжет – вне внимания автора, что в известной степени девальвирует саму претензию на онтологический универсализм описания проблемы.

Обозначим наиболее дискуссионные фрагменты текста, касающиеся, прежде всего, его методологии, способа концептуализации и системы аргументов.

Отход от методологии М. Хайдеггера явлен уже при описании предмета экзистенциальной аналитики. Таковым, по мнению автора, являются «основные структуры», составляющие бытие человека, в их движении «от внутреннего опыта к внешнему» (с. 10). Однако бытие «не составлено из...», но, напротив, являет себя в Dasien структурами «экзистенциальной определенности». А экстатика бытия явно не сводима к переходу от «внутреннего к внешнему». Фактически авторская формулировка предмета аналитики нивелирует собственно бытийный ракурс исследования, т. е. условия возможности формообразования.

При построении системы аргументации Е.В. Савеловой использован ряд смысловых замещений и упрощений, что вряд ли «работает» на концептуальную целостность ее исследования.

Во-первых, «экзистенциальная аналитика Dasien» фактически замещена схемой «пороговых форм человеческого бытия» С.Е. Ячина, а «событийная последовательность» мыслится фактически, т.е. вне ее бытийной размерности (с. 13-14 и др.). В какой-то мере этот шаг вынужденный, ибо вне его проблематична сама культурологическая ориентация работы. Но именно с ним и связана спорность ряда аргументов автора и наличие смысловых лакун в развертывании ведущего сюжета работы.

Во-вторых, бытийное измерение человека сведено лишь к одному из экзистенциальных модусов – «бытию-в-возможности». А сама экзистенция интерпретируется достаточно упрощенно как «переживание человеком себя и своей ситуации в мире», артикулируемое через «выбор возможностей», «незавершенность» и пр. (с. 10-11). Этим обычно маркируют *открытость* человека, но не структуры ее удержания.

В-третьих, вызывает скепсис реализация тематической доминанты работы – экспликация способа сопряжения мифа и образования на разных бытийных уровнях, поименованного «конвергенцией» (с. 5). Использование этого термина предполагает, что миф и образование – автономные феномены. Напротив, в онтологии М. Хайдеггера они мыслимы как два модуса единого человеческого присутствия. А в процессуальном плане «конвергенция» вообще лишена смысла, если миф и образование, следуя логике автора, интерпретировать как «две последовательные стадии» становления «бытия-в-возможности».

Композиционно основные разделы текста выстроены в схематике рядоположенности мифа и образования с последующим «наведением мостов» в терминах «взаимообусловлен-

ности» и «взаимодействия». В результате постулированная автором «событийная последовательность» сопоставляемых феноменов неизбежно замещается фактической.

Представляется, что «болевы точки» концепции Е.В. Савеловой могут быть частично сняты через внятную рефлексию исходных посылок. Если миф и образование – бытийные модусы *Dasein*, то логика экспликации этой посылки должна быть строго выдержана в духе М. Хайдеггера. В этом плане собственно *бытийное* измерение задано «экстатикой» как онтологически укорененным *способом*, каким мир вообще артикулирует себя в точке человеческого «вот» в ракурсах «расположенности» и «понимания» и, соответственно, в модусах *что* и *кто* присутствия. Отсюда бытийное единство мифа и образования логично мыслить в регистре онтологического тождества (*Ereignis* – события), «саморазличающего» себя на модусы *кто* и *что* присутствия. Специально отметим, что средствами онтологии можно маркировать лишь условия возможности, но не содержательные параметры образования и мифа. Образование здесь дано лишь как экзистенциальная определенность *кто* присутствия в виде «способности быть в образе». Она маркирует меру открытости человека и структуры, удерживающие эту открытость. Онтологический прототип мифа – суть производная от структур *что* присутствия или один из способов *организации* структур открытости. И, самое главное, миф и образование – разные модусы *одного и того же* присутствия, что невозможно мыслить в терминах «последовательности».

У Е.В. Савеловой позиция несколько иная. Предлагаемый ею способ сопряжения мифа и образования (гл. 2) оказывается онтологически разноплановым. Аналитика *Dasein* совмещена с аналитикой «экзистенциальной коммуникации» (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Э. Левинас). Так, автор вполне корректно увязывает образование с онтологией «понимания» (2.2). Образование – суть «гомогенная форма», исходно артикулирующая пространство человека в качестве «своего». С этим трудно не согласиться. Миф же соотносим не с «расположенностью» (что было бы логично), но с онтологией «доверия» (2.1). Доверие, по логике автора, есть отношение, составляющее «идентификационное разграничение себя и Другого» и, одновременно, «возможность их единства». Такое отношение объявляется «условием возникновения мифа» как «первичной формы сохранения и удержания смыслового единства». Однако под эту формулу доверия легко попадают и иные «формы удержания» (религия и пр.). И вряд ли она проясняет в достаточной степени специфический именно для мифа горизонт и механизм удержания открытости (синкретизм и т.д.).

Вполне возможен иной взгляд на феномен доверия. Это модус присутствия, производный от «расположенности». Его суть – открытость миру и «отождествление» себя с этой открытостью. Иначе говоря, доверие – есть общее условие *всех* форм организации «образного строя». А миф – лишь одна из таких форм. Ее вполне адекватно репрезентирует модус хайдеггеровской «заботы» – «бытие-в». Только в его границах возможно описание онтологического генезиса мифа с его «структурно-семантической индифферентностью», синкретизмом, жизненностью, амбивалентностью и т.д. Поэтому суждение Е.В.Савеловой о том, что миф – это «опосредующее звено в коммуникативном пространстве», которое «предлагает бесконечное многообразие смыслового выбора», оказывается, по меньшей мере, сильным преувеличением.

Глава 3 монографии («Культурное бытие мифа и образования») – ключевая для уяснения возможностей способа, каким автор сопрягает философскую методологию с культурологической ориентацией текста. Использованный здесь конструкт «культурное *бытие*...» ориентирует, по всей видимости, на сохранение онтологического обертона сюжета. Однако используемые автором средства («системно-синергетический» подход при не очень понятном

Сакутин В. А.

САВЕЛОВА Е. В. МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ. – ХАБАРОВСК: ДВГУ, 2010. – 346 с.

сближении идей М. Хайдеггера и И. Пригожина) вряд ли этому способствуют. Универсум культуры редуцирован Е.В. Савеловой лишь к «континууму латентных и семиотически объективированных смыслов», который мыслится как «изоморфный аналог экзистенциального континуума бытия».

При чтении этого фрагмента работы складывается впечатление, что автор вообще не считает нужным различать символический универсум культуры и ее конкретные формы. Континуум «объективированных смыслов» - это вовсе не культура как таковая, но один из полюсов того, что в феноменологии именуют культурной *формой*. Поясним свою позицию.

Собственно бытийная размерность культуры маркирует онтологические границы возможностей человека. Ее бытийный горизонт задан границами поля (итерации), где человек способен воспроизводить себя в режиме бесконечности, идеальности и свободы. Антропологический фокус культуры конституируется рекурсивно как вектор освоения содержания символического универсума в качестве собственного. В этом регистре культура – не более, чем «идея бесконечной задачи», суть которой в претензии на соразмерность между уникальным опытом человека и универсумом «идеальных объектов» (Э. Гуссерль). А культурная форма – это способ данности бесконечного символического универсума в *конечных* функциональных структурах, задающих поле его *практической* осуществимости.

Обозначенный контекст проблематизирует ключевые обобщения Е.В. Савеловой. Культура как континуум «объективированных смыслов» – это «факультет не нужных вещей», если они (смыслы) не воспроизводятся, в том или ином виде, в человеке в качестве его собственных сущностных сил. Антропологический фокус культуры оказался на периферии внимания автора. Далее, тезис о том, что миф и образование суть «смыслообразующие формы», вообще не продуктивен вне уяснения структуры культурной формы. И, более того, в границах культурной формы миф и образование резонно мыслить не столько в горизонте смыслообразования, сколько в ракурсе «смыслооседания» (седиментации смысла в знаковых системах, механизмах их трансляции и способах их реактивации на уровне человека).

Представляется, что на уровне онтологии формообразования анализ структурности мифа и образования, по всей видимости, должен быть ограничен матрицей сопряжения *всеобщности* культурной традиции и *уникальности* ее человеческой реактивации. Здесь традиция – нетематизируемый человеком горизонт всякой возможной данности, где символический универсум редуцирован к тому, что автор верно именует «семиотическими объективациями». Но сами по себе они (вне реактивации человеком) – не более, чем «неопределенная всеобщность» (Э. Гуссерль). Стало быть, бытийное измерение культурной формы – это «персонафикация всеобщего», возможная только в границах, где историчность традиции сопряжена с темпоральностью человеческой реактивации. Скорее всего, только в границах такой мыслительной схемы можно сохранить концептуальную целостность при описании места и роли мифа и образования как компонентов культурной формы.

У Е.В. Савеловой образование достаточно корректно описано в терминологии, адекватной специфике культурной формы, – через различение «личностного» и «аккультурирующего» фокусов; символа и индекса и пр. (3.3). Но введенный автором конструкт «гомогенное пространство своего» (гл. 2), маркирующий онтологию понимания, здесь почему-то «не работает», хотя механизмы седиментации и типизации «образовательного пространства» в границах культурной формы во многом определяют специфику сопряжения «личностного» и «аккультурирующего» параметров. Авторская версия их сопряжения и оценка в терминах противоречия вызывает скепсис.

Структура мифа в этом фрагменте работы редуцирована к «ядерной» модели, в границах которой антропологический фокус мифа усмотреть вообще проблематично. В целом отсутствие внятного различия универсума культуры и ее конечных форм, задающих пространство функционирования, ведет к явной переоценке «смыслообразующей» роли мифа и недооценке смысловой седиментации в процессе формообразования (3.2). Так как знаком мифа на уровне универсума полагается символ, несущий «смысловую бесконечность», то на уровне антропологического фокуса культурной формы говорить о смысловой бесконечности вряд ли стоит.

Явно выраженный акцент автора на аналитике только семиотических объективаций мифа и образования оставляет открытым вопрос о том, как модифицируется онтология «доверия» и «понимания» в структурах культурной формы. Это ограничивает возможности целостного представления о характере их сопряжения на этом уровне.

Динамический аспект «взаимодействия» мифа и образования описан в терминах нелинейности культуры, сводимой к «альтернативности» путей ее развития (3.4). В целом, соглашаясь с автором в том, культура – сила, противостоящая энтропии, следует отметить необходимость разведения энтропии и нелинейности. Не совсем ясна позиция Е.В. Савеловой по вопросу о природе культурной энтропии. Или она связана с невозможностью реактивации человеком символического потенциала культуры или с её нелинейностью, которая трактуется несколько упрощенно? Нелинейность – это и локализация культурных взаимодействий, их невоспроизводимость в других условиях, наличие точек бифуркации, асимметрия новаций и традиций, спонтанность селективного отбора и пр. Так же не совсем ясно, к чему относима нелинейность – универсуму культуры или ее конкретным формам? В целом верные обобщения автора в этом разделе все-таки не охватывают, к сожалению, всей сложности проблемы.

То, что поименовано коммуникативным сюжетом «взаимодействия» мифа и образования (3.5), раскрыто достаточно содержательно. Ритуал и игра по сути дела – разные способы реактивации потенциала культуры. Можно усилить этот сюжет посредством прояснения различий между интересубъективностью и коммуникацией и того, как идеальность символического универсума культуры может «длиться» в структурах коммуникации и присутствовать в структурах реактивации.

В целом 3 глава монографии дает хорошее представление о высоком культурологическом потенциале автора. Проблема заключается лишь в уровне и степени корректности его философского обрамления.

Социальное бытие мифа и образования (гл. 4) редуцировано к коммуникативному действию и социальной коммуникации. Такой шаг вполне допустим и оправдан логикой концепции автора, но вряд ли покрывает всю сложность проблемы. Отметим, что здесь дано понимание социальной формы, мыслимой в терминах «предметности всеобщего процесса человеческого развития». Однако функциональные границы «всеобщности» и механизм её становления автором не маркированы, что делает «всеобщность» «тощей» абстракцией. Следовало бы до конца развернуть используемую здесь схему С.Е. Ячина и говорить о «социальном обмене» как способе «принуждения к совместности». А собственно бытийные основания такого «принуждения» вполне возможно усмотреть через аналитику хайдеггеровского «постава» как поля функционального обмена, *побуждающего* человека к потреблению и, одновременно, *принуждающего* его к принятию определенного вида. Это позволило бы сохранить *единство* логики при исследовании мифа и образования в границах социальной формы.

Истоки мифа усматриваются автором в «жизненном мире» (в версии Ю. Хабермаса), находящемся вне нивелирующих схем социума. Это пространство интеракций, задающее по-

Сакутин В. А.

САВЕЛОВА Е. В. МИФ И ОБРАЗОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ И КУЛЬТУРЫ. – ХАБАРОВСК: ДВГГУ, 2010. – 346 с.

ле «шаговой доступности» и «повседневную самопонятность». Персонализация социальной «всеобщности» мыслится в виде системной экспансии социума в жизненный мир, что разрушает «шаговую доступность» и сводит на «нет» креативный потенциал мифа. С этим вряд ли стоит соглашаться. Отошлем автора к аргументам Б. Вальденфельса (повседневность – «плавильный тигль рациональности»).

Далее, автор предпочитает не говорить о «способности быть в образе» в границах жизненного мира. В социальном контексте образование трактуется в виде фигуры, производной от институционализации социального взаимодействия. Между тем, у нее есть и свой антропологический фокус – анонимный *habitus*, несущий общезначимое и деперсонафицированное содержание. Это тот случай, когда человек «не от себя самого введен в свое «вот» (М. Хайдеггер). Было бы интересно прояснить различие модификаций *habitus* на уровне «жизненного мира» и в границах социальной формы.

В целом в системе аргументации данной главы присутствует явная недооценка антропологического сюжета и, соответственно, чрезмерная автономизация мифа и образования. Поэтому вовсе не случайно, что при анализе форм сопряжения мифа и образования как двух модусов человеческого присутствия автор использует конструкт «коммуникация». Миф и образование как агенты коммуникации – это звучит довольно странно. Даже смягченный вариант аналитики, связанный с актуализацией коммуникативного потенциала языка (очевидно языка мифа и образования), требует существенных уточнений. Язык – суть «упражняемая способность» (Э. Гуссерль), что отсылает как минимум: а) к способности к воспроизведению как таковому; б) к способности к виртуальному (знаковому) контакту; в) к мере однозначности языкового выражения; г) к способности понимать его и пр. В этом ракурсе потенциалы мифа и образования – мало сопоставимы.

Интерес же автора ограничен языковой трансляцией содержания, но не условиями её возможности. Поэтому сделанные в главе обобщения достаточно тривиальны. Возможный вариант преодоления этой ограниченности – поиск форм сопряжения, которые позволили бы описать «персонализации» социальной тотальности через механизмы типизации, хабикуализации и легитимации.

Заключительная глава текста «Миф и образование в современной культуре» не содержит каких-то принципиально новых концептуальных моментов, но является весьма добротной экспликацией уже разработанных принципов и установок исследователя.

Резюмируем сказанное: сама по себе идея использования современного философского ресурса в предметном поле теории культуры, широта и несомненная перспективность авторского замысла впечатляют. Огромный по объему и уровню сложности материал хорошо освоен и структурирован в духе логики авторской концепции. Совершенно очевидно наличие артикулированной и внятно изложенной авторской позиции.

Вместе с тем, отметим, что некоторые концептуальные недоработки ставят под сомнение полноту реализации идеи Е.В. Савеловой – «привести к единому знаменателю мифологические и образовательные параметры человеческого бытия» (с. 91). Однако критическая тональность рецензии, желание подискутировать по поводу использованной методологии и ряда аргументов Е.В. Савеловой не должны заслонять того обстоятельства, что концепция автора имеет право на существование. И, более того, всякая критика достойна интеллектуального уважения лишь в том случае, если она направлена на прояснение *сущности* заявленной проблемы. В этом плане нельзя не отдать должное Е.В. Савеловой. Сформулированная в её добротной монографии совершенно нетривиальная проблема актуализирует интенцию на поиск новых и адекватных методологических средств. Пожелаем автору в этом творческих удач.